

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ
ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ
ЗЕМЛИ

**БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

ЗЕЛЕННЫЕ
ДВЕРИ
ЗЕМЛИ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

84Р7
Н19

Художник А. СЕМЕНОВ

Н $\frac{4702010200-117}{078(02)-85}$ 146-85

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.
© Оформление, издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Сыну Юлию посвящаю

1. БЕРЕГ

В зеркале подрагивала бледно-желтая лента дороги, стремительно несущаяся назад, плотная самшитовая изгородь по обе стороны, а за ней темные шпалеры островерхих кипарисов. Дорога в этот час была пустынна, и казалось, что машина летит не по центру огромного курортного города, а по дикому субтропическому лесу, который каким-то чудом пересекала широкая пластиковая тропа.

За деревьями блеснул шпиль морского вокзала. Причалом владела шумная толпа.

Когда-то, в середине двадцатого века, этот город чуть не превратили в гигантскую оранжерею. Обсуждали даже проект огромного пластикового купола, который предохранил бы чуткие субтропики от ветров соседнего умеренного пояса. Уже вздыбились над поникшими кипарисами прямоугольные хребты высотных гостиниц, уже выстроились пальмы в унылый солдатский строй вдоль однообразных раскаленных улиц, вокруг сиротливых постриженных скверов.

К счастью, от строительства купола отказались. Вспучились под яростным напором трав разграфленные асфальтовые дорожки и рассыпались в прах. Утонули в буйном цветении похожие на утюги здания санаториев. И старый город, пахнувший нагретой на солнце галькой, рыбой, морем, остался прежним — диковатым и гостеприимным.

И вот сегодня весь город хлынул ранним утром на

причал, оттеснив и растворив в себе репортеров. Невозможно было понять, кто отплывает, кто провожает, кто, узнав о предстоящей экспедиции, просто пришел посмотреть, послушать, потолкаться в прощальной суете.

Это было похоже на огромный веселый праздник под бледным, продрогшим за ночь небом, которое уже начало золотиться с востока, со стороны старого, давно заброшенного маяка. Два чопорных англичанина в белых бедуинских накидках пытались приподнять друг друга, чтобы по очереди оглядеться. Рослый седой негр по-мальчишески подпрыгивал, опираясь на плечи рыжего скандинава. Молоденький репортер, потерявший всякую надежду пробиться сквозь толпу, обреченно опустил в землю объективы своей камеры и плачущим голосом повторял: «Пресса, пресса». Пружинные антенны на его шлеме качались, словно кисточки.

— Товарищи, пропустите же, я опаздываю!

Внушительный чемодан Нины действовал безотказнее любого пропуска — люди сразу догадывались, что это один из членов экспедиции. Опечаленный репортер оживился и застрекотал камерой, а несколько «добровольцев» начали расчищать дорогу, пробуя перекричать толпу на восьми языках. Но толпа была бесконечна, и Нину засосала, закрутила гудящая рупор-воронка, ей стало казаться, что вообще не существует ни моря, ни пирса, ни белого борта «Дельфина», а только спины и лица, спины и лица, и этот ровный, закладывающий уши гул. И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы рядом каким-то чудом не оказался сам профессор Панфилов.

— Ну где же вы, Ниночка... Уисс волнуется. Я тоже. Уисс не выносит всего этого шума. Я, кстати, тоже... — И он подхватил чемоданы.

Профессора узнали. Панфилова вся планета ласково называла Пан. Действительно, этот сухонький, деликатно торопливый, ослепительно синеглазый старичок

очень походил на доброго славянского Духа Природы — покровителя всего живого.

Сколько ему лет? Иногда он отвечает — сто. Иногда — двести. И почему-то всегда хочется верить, что он бессмертный.

Строительство энергопровода Венера — Земля началось за два года до рождения Нины. Долго и придирчиво искали место для будущей приемной станции. И нашли. Очень хорошее место. Удобное. Практичное. Оно удовлетворяло всех — геофизиков, авиаторов, строителей, экономистов. Всех, кроме Пана. Потому что гигантская стройка должна была растоптать какой-то хилый лесной массив и замутить какие-то безвестные речки. И Пан восстал. Против всех.

Самый большой электронный мозг Земли подтвердил целесообразность старого выбора. Но Пан тихо и смущенно настаивал на своем...

Нина узнала эту историю в четвертом классе. Из учебника. Энергопровод Венера — Земля работал. Он был виден из окна интерната даже днем. Нина смотрела на уходящий в небо зеленовато-голубой шнур и думала о человеке, который сумел переубедить всех и перенести великое строительство за тысячи километров. Она дышала пряным, бодрящим воздухом, плывущим в распахнутое окно, — природа щедро отплатила людям и Пану за добро и заботу...

Молоденький телерепортер, едва веря в негаданную удачу, прицелился голубыми линзами:

— Товарищ профессор... Иван Сергеевич, не могли бы вы сказать несколько слов о конкретной цели... — Он краснел и заикался, но упорно не давал дороги, — о конкретных задачах вашей экспедиции...

— Но, право, здесь не место... Мы должны попасть на корабль. В официальном сообщении сказано...

— Но, Иван Сергеевич, в официальном сообщении очень расплывчато: «Изучение проблемы общения с дельфинами в естественных условиях...» Ходят слухи...

Нина слабо усмехнулась. С этого и надо было начинать — «ходят слухи». Вокруг Панфилова всегда «ходили слухи». Вряд ли официальное сообщение о рядовой экспедиции могло привлечь столько внимания, собрать такую толпу. Тем более что «дельфинья проблема» давно навязла в зубах. Но если в деле замешан Панфилов — жди чудес...

— Простите, но к чему приведет такое общение?

Нина невольно придвинулась ближе. Журналист перестарался. Конечно, по простодушию своему. Но... лучше бы он помолчал.

Пан медленно закипал. Глаза его налились синим пламенем, тщедушное тело напряглось, а чемоданы угрожающе двинулись на репортера...

— Н-не знаю... Но я знаю, что общение с вами...

Нина взяла профессора за локоть.

— ...ни к чему не приведет, — dokonчил Пан и очаровательно улыбнулся. — Прошу вас!

Репортер попятился, и людское кольцо разомкнулось, открыв узкий проход до самого трапа.

Они беспрепятственно преодолели последние десятки метров. Уже в подъемном лифте Нина, отдышавшись, сказала:

— Ну что вы, Иван Сергеевич! Сердиться по пустякам... Согласитесь, официальное сообщение действительно... И простое любопытство...

— Любопытство? Нет, Ниночка, он знает, что делает! Он хочет рабства подсознательно, но от этого не легче. Его логика не имеет выхода, кроме понятий господства и подчинения.

— Иван Сергеевич, вы, по-моему, преувеличиваете. Этот журналист наткнулся на вас случайно...

— Журналист? Какой журналист?

Они недоуменно воззрились друг на друга.

— Господи, так вы ничего не знаете! У меня совсем вылетело из головы... Ведь вы только вчера вечером

прилетели! Я говорю о Карагодском! Он дал интервью. Полюбуйтесь!

— «Дельфин на службе у человека... Новое в общении с разумными животными...»

Нина перечитывала короткие строчки интервью, перед глазами мелькало: «Академик Карагодский сказал», «Академик Карагодский считает», «Академик Карагодский уверен», «во имя истинной науки», «с точки зрения здравого смысла», «хозяйственное значение», «верные слуги человека», «сокровища океана», «подводные пастухи, покорные воле наставников»...

Створки лифта разошлись.

— Как всегда, чересчур претенциозно, но... Особой крамолы я тут не вижу, Иван Сергеевич. Ведь все так считают!

— Ну от вас, Нина... Вы тоже так считаете?!

— Я? Я как-то не думала. Нет, пожалуй. Но я ведь...

Карагодский стоял у борта, монументальный, в своих неизменных очках, со своей неизменной тростью в монограммах. Он улыбнулся стандартно-благодушной улыбкой, но не подошел.

Отправив чемодан в каюту, она повернулась к толпе у причала.

— Ой, Иван Сергеевич, посмотрите! Юрка! Мой Юрка... Я же оставила его дома! Ну погоди же... Вот вернусь, я тебе задам!

Юрка был далеко, он не слышал, он только улыбался беззаботно и победно и махал рукой.

— Не волнуйтесь, Нина, Юра уже вполне самостоятельный молодой человек. Приехал провожать свою знаменитую маму.

— Но он же потеряется!

— Не думаю. Ему уже десять лет, если не ошибаюсь, и он не в марсианской пустыне. Ему пора самостоятельно изучать мир...

А Юрка читал мальчишкам лекцию. Его голос не мог побороть монотонный гул толпы, и добровольные переводчики повторяли Юркины слова тем, кто не слышал или плохо понимал по-русски:

— Вот эта высокая женщина рядом со старичком — его мама. Она ассистентка профессора Панфилова.

— А кто такой Уисс?

— Уисс — это дельфин, который поведет корабль. Он очень умный. Может, он у дельфинов тоже профессор.

Взрослые, заинтересованные ребячьей болтовней, придвигались поближе.

— Смотри, мальчик, твоя мама снова вышла на палубу...

— Значит, сейчас выпустят Уисса.

Толпа охнула. В корпусе корабля, стоявшего у стены, открылся люк. Прошла томительная секунда. Из черного провала мощным броском вылетела трехметровая торпеда и ушла в воду без единого всплеска.

Мгновенная тишина сковала причал. Слышно было, как лениво шевелится волна. Прошла секунда, две, пять...

— Ушел, — выдохнул кто-то, и этот полувздых-полусшепот пронесся по всей площади из конца в конец.

— Уисс! — изо всех сил кричал Юрка. На глаза навернулись слезы.

Словно услышав свое имя, Уисс вынырнул у самой причальной стенки, свечой взмыл в воздух метра на два, сделал кульбит и ушел в воду — на этот раз неглубоко. Он кружил рядом с кораблем, то уходя, то возвращаясь, словно приглашал за собой в налившуюся густой синью морскую даль...

Нина перевела дыхание. Уисс не ушел. Уисс послушался. Уисс зовет к себе в гости.

Прогревели трапы, прозвучали последние гудки, причал с пестрой толпой поплыл мимо.

Юрка стоял по-прежнему на парапете и махал ей рукой.

Она погрозила ему пальцем как можно строже, но не выдержала, всхлипнула, улыбнулась и опустила руку.

Толпа кипела, в небо летели шары, от которых шарахались чайки, а она долго-долго видела за кормой только синюю куртку сына и опущенную русую голову...

* * *

— Уот из йо нэйм?

— Что? — Юрка поднял глаза и шмыгнул носом.

— Уот из йо нэйм?

Перед ним стоял мальчишка, такой же длинный и тощий, в такой же синей куртке и с такими же белобрысыми вихрами. Только нос был смешно вздернут, а на загорелой физиономии выступала целая россыпь непобедимых веснушек. Мальчишка смотрел открыто и сочувственно.

— Юрка.

— Юр-ка... Ит из гуд нэйм — Юрка! Энд май нэйм из Джеймс. Джеймс Кларк.

— Юрий Савин, — официально представился Юрка и протянул руку.

Веснучатый англичанин разразился целой речью, и Юрка покраснел.

— Ай спик инглиш вери литл...

Мальчишка попробовал объясниться по-русски:

— Я знайт... два дельфин... играть... недалеко море... не бояться... биг энд литл... бэби. Смотреть?

— Пойдем, — решительно сказал Юрка. — Пойдем посмотрим, где играют большой и маленький дельфины, ты это хотел сказать, Джеймс?

— Иес, иес, — закивал англичанин. — Юрка!

Они засмеялись оба и, взявшись за руки, соскочили с парашюта на влажный пластик пирса.

* * *

Нина с наслаждением, полузакрыв глаза, подставила лицо свежему утреннему бризу. Прохладный ветер скользнул по щеке, растрепал прическу.

Прямая линия берега постепенно изгибалась в дугу, горы, горбатые и мощные, улеглись поудобнее и застыли у самой воды. Пробежали серебряными жуками вагончики фуникулеров и, уменьшаясь, исчезли.

Теперь только малахитовые потоки лихорадочно спутанных, ошалевших от солнца и соленого ветра растений тяжело падали с желтых скал на матовое стекло моря.

Нине почудилось движение в плавных линиях береговых скал. Лишь на мгновение, но движение. Какая-то напряженная мука чудовищно медленного перемещения, которое рассеянному глазу туриста кажется неподвижностью.

Берега ползли в море.

Жизнь возвращалась в море — медленно и неодолимо...

Когда в полутемной комнате мелькнет полумолния фотовспышки, глаза на долю секунды видят не тени вещей, а их истинный объем и расположение в пространстве. Это продолжается только долю секунды, но цепкая память навсегда отпечатывает в подсознании картину увиденного, и ты много времени спустя, сам себе удивляясь, в полной темноте безошибочно находишь дорогу...

Так было и сейчас. Нина широко открыла глаза, и все стало обычным — просто берег, уже тронутый сверху оранжевым, отступал к горизонту, а высоко в небе синеватые облачка пара вдруг начали быстро расплываться, разбрасывая по сторонам мгновенные радуги...

Но тревожная льдинка под сердцем не таяла.

Порыв ветра — и столб яркого света, отраженного белой мачтой, возник, исчез, возник снова и запылал в полную силу.

Нина оглянулась. Из горящего зеленого моря вставало большое прохладное, плоское солнце, и бушприт «Дельфина» был нацелен в него, как стрела в мишень.

А в нескольких сотнях метров, на желтой тропинке между кораблем и солнцем, мелькал в холодном огне острый плавник.

Уисс вел корабль за собой.

2. РАЗВЕДЧИК

Несколько часов между закатом и рассветом Уисс отдыхал. Отдых нужен был не столько ему, сколько существам, которые храбро плыли за ним в железной скорлупе большого кора.

Зумы...

Уисс лежал без сна, покачиваясь на волнах, и перебирал дневные впечатления, пытаясь построить четкую логическую картину. Это удавалось нечасто.

Иногда, после очередной трансляции в коралловые гроты Всеобщей Памяти, он говорил с Бессмертными. Бессмертные задавали недоверчивые вопросы или вообще отмалчивались. Только Сусип понимал Уисса. Грустные лиловые тона его речи успокаивали и ободряли, а мятежные знания Третьего Круга помогали находить выход из неожиданных тупиков.

Но даже Сусип не мог понять всего. Потому что он был далеко. Есть нечто, чего не передать по живому руслу Внутренней Дуги...

Тонкий голубой звук пронзил тишину, ударил в гулкий панцирь ионосферы и рассыпался на сотни маленьких магнитных смерчей. Ионосфера помутнела с востока, в ее невидимой до сих пор толще закипели белые водовороты.

Короткая магнитная буря неслышно пролетела над морем, дрожью тронула кожу.

Серебряная радиозаря разгоралась. Первые всплески солнечного дыхания коснулись ночного неба, приглушили монотонные всхлипы умирающих нейтринных звезд, отдаленный рев квазаров и быстрый неуверенный пульс новорожденных галактик. Тончайшая паутина изменчивого свечения, сотканная из миллионов вспыхивающих и затухающих радиовихрей, плотно обволакивала все: огромное белое небо, белое море и даже полупрозрачный дымчато-молочный воздух — все сверкало и словно пело торжественно:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть...

Но видел и слышал это только Уисс.

Исполинская прекрасная игра и космическая вакханалия радиорассвета не существовала, не существует и не будет существовать для зумов, которые спят сейчас в своей железной колыбели.

Усилием воли, с некоторых пор уже привычным, Уисс отключил все рецепторы, кроме светового зрения и инфраслуха. Сейчас он воспринимал окружающее почти как зум.

Мир погас. Темнота и тишина, нарушаемые лишь ворчливым шепотом волн, обступили дэлону. Даже звезд не стало видно — их закрывала непроницаемая пелена туч.

Чувство одиночества, затерянности сжало сердце Уисса.

Сусип прав. Двухлетнее общение с зумами, «вживание» в их психику и опыт изменили в чем-то самого Уисса. Он старался «видеть» и «думать» как зум, без этого сама идея эксперимента бессмысленна. И теперь у него получается. «Слишком хорошо получается» — так показал Сусип, и в спектре его была тревога.

Кажется, бессмертные стали сомневаться в его душевном здоровье... Нет, он здоров. Его не тянет к скалам, морской простор по-прежнему пьянит и властвует над ним...

Уисс припомнил, как после добровольного «плена» в акватории зумов он почуял вдруг запах вольной воды...

* * *

Когда в специальном контейнере зумы привезли его на свой кор, он очень волновался. Не за свою безопасность, нет — он боялся, что зумы не поймут, не пойдут за ним, передумают.

Но когда с лязгом раскрылся люк и в открытый проем ударила волна, пропахшая йодом и чем-то еще до спазм близким и неповторимым, Уисс забыл обо всем. Мускулы сжались инстинктивно, и никакая сила не могла удержать его в ту минуту в душном кубе контейнера. Его локаторы, привыкшие за два года повсюду наткаться на оградительные решетки, провалились в пустоту, и только далеко-далеко электрическим разрядом полыхнула фиолетовая дуга горизонта.

Он опомнился через несколько секунд, но этих секунд было достаточно, чтобы кор остался далеко позади. Какая-то бешеная, слепая радость владела всем существом, каждой клеточкой и нервом — и сильное, истосковавшееся по движению тело ввинчивалось в плотную воду, оставляя за собой клокочущий водоворот. Внутренний глаз — замечательный орган, неусыпный сторож, следящий за состоянием организма, — укоризненно замигал, докладывая о недопустимой мышечной перегрузке.

Уисс немного расслабился, замедлил ток крови и, глубоко вздохнув, ушел в глубину.

Медлительные ритмы подводной стихии окутали его. Отголоски шторма, ревающего где-то в тысяче километров, слегка покалывали метеоклетки, скрытые под вали-

ками надбровий, переливчатые вкусы близких и далеких течений щекотали язык; разноцветные рыбешки с писком шарахались во все стороны из-под самого клюва.

Все вокруг мгновенно изменилось, вспыхнуло ярчайшими невероятными красками, заструилось невесомо и бесплотнo, уничтожив формы, объемы, перспективы, расстояния, размеры — все динамично вписывалось друг в друга, сливалось, оставаясь разделенным — большое и малое, далекое и близкое.

Уисс видел одновременно плоскость водной поверхности над головой и обточенную прибором разнокалиберную гальку дна, крошечный золотисто-прозрачный шарик диатомеи с изумрудной точкой хлорофилла в центре и многометровые хребты волнорезов, окаймлявших сине-зеленый бетон причальной стенки — низ и верх, север и юг, запад и восток. Световое зрение могло обмануть, солгать — песчинка у самых глаз кажется больше утеса на горизонте, но в мире звука существовали только истинные размеры и объемы, не искаженные перспективой.

Уисс немного увеличил частоту ультразвука, и лучи локатора прорвались через экран морской поверхности. Все, что было в воде, стало теперь прозрачным, то, что в воздухе, — видимым.

Причал выгнулся дугой метрах в пятистах, и пестрая толпа зумов замерла на нем неподвижно. Смутные, беспорядочно тревожные импульсы шли от толпы. Неподвижен был и железный кор, похожий на уродливого кита.

Уисс сузил поле и выделил среди зумов две знакомые фигуры на палубе. Нина и Пан застыли, подавшись вперед, и тоже излучали беспокойство.

Тревога и недоумение передались Уиссу. Что там случилось? Почему там все неподвижно, как на мертвых изображениях, которые Нина называет «фотографией»?

Зумы передумали?

Он скользнул локатором по толпе. Глаза снова выделили знакомое — маленькую фигурку сына Нины.

Юрка был напряжен и неподвижен, как и все. Рука с растопыренными пальцами поднята вверх, на глазах слезы, губы движутся медленно-медленно...

Он кричит?

Уисс поспешно перешел на инфраслух. Целая вечность прошла, пока из отчаянно медленных колебаний составилось слово:

— У-у-у-и-и-и-с-с-с!

Уисс!

И вдруг он понял. Ему стало легко и весело, и дерзкий план перестал казаться сумасбродным.

Зумы его потеряли!

Вырвавшись на свободу, Уисс, сам того не заметив, перешел на обычный жизненный ритм дэллона. Поэтому и толпа, и Пан, и Юрка казались ему неподвижными — он жил и действовал вчетверо быстрее. Опыанный восторгом, он забыл, что у зумов лишь одно световое зрение, и стал для них невидимым. Зумы растерялись, решив, что он бросил их.

И милый маленький зум зовет его назад...

Несколькими мощными движениями дэлон преодолел добрые четыре сотни метров, взмыл в воздух у самой причальной стенки, описав долгую полую дугу, и снова ушел в воду, теперь уже неглубоко.

И сквозь беспорядочные вспышки радости он уловил вдруг ломкую, неуверенную, но вполне связную пентаволну Нины:

— Спасибо, Уисс!

Эти задыхающиеся, неумело напряженные, похожие на пугливый шепот ламинарий биенья биотоков развеяли последние тени сомнений.

Он свистнул на все море:

— Вперед!

И железный кор послушно двинулся за ним, и солнце выплыло навстречу...

* * *

Метеоклетки чувствовали, что сегодня будет ясный день, но пока над свинцовым морем висел серый рассвет, и торопливые, неопрятные тучи бежали на север. Белый кор покачивался в полукилометре, бессмысленно тараща зрачки ночных позиционных огней.

Уисс просвистел призывно, но ответа не было: зумы спали.

Мутная мгла ненастья угнетала. Уисс переключился на инфразрение. Багровую поверхность моря пронизали миллиарды огненно-рыжих пульсирующих жилок — это перемешивались теплые и холодные слои. Растрепанные холодные тучи превратились в полупрозрачные зеленоватые дымки, сквозь которые большим осьминогом с растопыренными щупальцами синело солнце в своей раскаленной короне...

Уисс описал дугу в багровой воде, расправляя затекшие мускулы, рывком вылетел в воздух и увидел внизу, в изогнутом зеркале воды, свое увеличенное в несколько раз отражение. В следующую секунду он бесшумно вошел в воду и плавным движением направил тело в бодрящий холодок глубины. И снова увидел свое отражение — теперь уже наверху, на рубеже воды и воздуха.

Уисса всегда волновал и будоражил этот рубеж — граница двух разных миров, таких близких и таких непохожих. Ему и пришлось идти в эту разведку к зумам.

* * *

Та памятная августовская ночь ничем не отличалась от предыдущих. Было душно, и пришлось на несколько градусов понизить температуру кожи. Теплая вода пахла железом заградительных решеток. Сгорающая в атмосфере, печально шуршали бесчисленные метеориты и сгустки космической пыли. Монотонный звездный дождь убаюкивал, навевал дремоту.

Дела шли плохо. Целый год «плена» добавил немного нового к наблюдениям, сделанным четыре тысячи лет назад. Зумы почти не изменились биологически, общие психические индексы остались прежними. Никаких сдвигов.

День обычно кончался игрой. В игре любое животное раскрывается полностью, и с ним легче работать. Вот и сегодня молодая зумка принесла свежей рыбы, и они минут пятнадцать возились в воде. Уисс искренне веселился, пытаясь скопировать подводные пируэты этого забавного и по-своему милого существа. Зумы, как и все сухопутные, любят воду — сказывается природный инстинкт, — но на этот раз вопреки обыкновению зумка играла неохотно и вскоре вылезла на берег.

Она сидела на влажном камне и смотрела на звезды. На коленях у нее поблескивал небольшой аппарат, которым зумы пользуются для копирования звуков.

Уисс, отключив световое зрение и локаторы, дремал, прижавшись боком к нагретому за день камню. Бессвязные отсветы дневных впечатлений освобожденно и легко кружились в голове.

Что он знает об этом существе, сидящем рядом и таком бесконечно далеком? Знает его повадки и привычки, оно откликается на имя Нина, иногда даже на пента-волну, хотя почему-то пугается при этом. Но что руководит этим нескладным примитивным телом? Какая власть, какие побуждения заставляют зумов тратить время и силы на создание искусственной среды, разрушая естественную? Ощущение неполноценности? Страх перед миром? Голод?

Камешек скатился с откоса, булькнул в воду. Зумка завела свой аппарат. Из коробки поползли тягучие завыванья, с помощью которых зумы общаются.

Уисс досадливо зажал инфраслух — нудное бормотанье раздражало его.

Он уже почти спал, когда увидел МЫСЛЬ. Сначала он подумал, что это сон, потом — что рядом появил-

ся неведомый товарищ, но уже через секунду понял, что МЫСЛЬ исходит из аппарата зумки, и замер.

Это не была речь дэлона — в ней клубились, плясали, замирали и разгорались вновь чужие краски, чужие, невнятные и мятежные образы.

Дрожа всем телом, Уисс пытался понять, что говорит многотональный, многотембровый голос. Волнение мешало ему вжиться в ритм, всмотреться в невиданные, дикие сплетения и ассоциации. Но вот мелькнуло в сумбурном потоке знакомое — ослепительная синева и белые пятна в синеве.

Небо! Конечно, небо — уплощенное, искаженное непривычным ракурсом, но — небо Земли! И суша — от края до края, без единой полоски воды — гигантские каменные волны с белоснежными шапками на гребнях — застывшее на века мгновенье бури...

И снова хаос непонятно, но почему-то тревожно знакомого, словно кто-то на чужом языке пересказывает историю, которую ты давно забыл, что-то мерещится в диковинных созвучиях, мельтешит — и исчезает.

И вдруг рывком — огромная фигура зума: лохматая голова заслоняет солнце, плечи раздвигают горы, а в руках у него...

Это ярко-алые, судорожно трепещущие языки, похожие на щупальца бешеного кальмара...

Красный Глаз Гибели, страшное проклятье Третьего Круга, едва не погубившее прашуров — клубок вечно-го ужаса, от которого через много миллионов лет вздрагивают во сне далекие потомки — враг всего живого — **ОГОНЬ!**

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс уже не видел ее — сработали сторожевые центры Запрета, заглушив опасные видения мягкими успокаивающими колебаниями.

Каждый дэлон проходил через операцию Запрета сразу после рождения: в подсознании блокировалось все, что связано с тайнами Третьего Круга эпохи Вели-

кой Ошибки. Этого требовали благоразумие и забота о духовном единстве народов Дэла.

Только Бессмертные, несущие знаки Звезды, обречены были на звание Всего. Но чтобы уберечься от Безумия Суши, они ограждали мозг нервными центрами, мгновенно реагирующими на опасность...

МЫСЛЬ погасла. Зумка уже не сидела, а стояла. Она заметила волнение Уисса и взволновалась не меньше. Потом вдруг сорвалась с места и бросилась вверх по откосу, скользя и спотыкаясь на сырой от ночной росы гальке.

Уисс свистнул с такой яростью и силой, что по воде побежала рябь. Тонкая, бесконечно тонкая ниточка между двумя мирами — неужели ей суждено порваться?

Зумки все не было, и Уисс бешено метался по акватории, вспарывая воду спинными плавниками. Чья МЫСЛЬ он видел? Чья гордая и страстная душа соединила в себе жгучую резкость молний и томную нежность утреннего бриза? Чей иступленный разум выплеснулся в бурной исповеди?

Что несет могучий голос — надежду или угрозу?

Огромный зум — и Глаз Гибели...

Мозг Уисса кипел, и напрасно мигал предупреждающе внутренний глаз — врожденное чувство самосохранения на этот раз изменило дэлону.

А зумки все не было.

Что, если... Что, если эти странные существа, которых дэлоны ставят между спрутами, строящими города на морском дне, и касатками, у которых инстинкт хищника сильнее примитивного мышления, — что, если зумы тоже... Нет, невозможно. Биологически зумы не изменились, а разве может возникнуть Разум у животных, которые предают и убивают себе подобных?

С откоса полетела галька. К Уиссу бежали двое — Нина и старый зум, откликающийся на имя Пан. Они остановились у самой воды, возбужденно размахивая верхними конечностями, и забормотали быстрее обыч-

ного. Зумка показывала то на аппарат, то на Уисса. Делон мучительно напрягал инфраслух, пытаясь уловить смысл бормотания.

— С-о-в-е-р-ш-е-н-н-о с-л-у-ч-а-й-н-о... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

— Ч-т-о т-а-м з-а-п-и-с-а-н-о?

— С-к-р-я-б-и-н... П-о-э-м-а о-г-н-я... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

Зумы бормотали и бормотали, а мысли Уисса уже неслись по крутой траектории вокруг темного ядра загадки.

Огромная фигура, закрывшая солнце, и Глаз Гибели над головой...

Угроза?

На берегу поднялся переполох, и по воде резанул луч прожектора. Уисс раздраженно метнулся в сторону и сильным броском ушел в темноту, к самому ограждению, где глухо дышало море.

Если это угроза, то не от самих зумов. Агрессивность зумов не идет дальше самоистребления — об этом говорят память тысячелетий и собственный опыт.

Но они могут быть орудием чужой воли, и тогда гипертрофированная способность к подражанию, тяга к искусственному дадут отравленные всходы.

Он может скрываться там, в непроходимых и безводных дебрях суши, незванный гость межзвездных бездн, Разум, чуждый Земле и потому беспощадный, — и его враждебные внушения заставляют зумов разрушать Равновесие Мира...

Разум, враждебный Разуму. Снова нелепость. Снова круг. Замкнутый круг.

Уисс чувствовал интуитивно, что кружит рядом с истиной, но что-то внутри цепко держало, направляя на ложный путь, какая-то сила в последний момент отклоняла от цели прямую стрелу мысли.

И вдруг он понял — центры Запрета. Это они, не-

усыпные клетки, спасая мозг от опасной перегрузки, направляют поиск по дорожкам известных формул. И загадку не раскрыть, круг не разомкнуть, пока...

— У-и-с-с!

Ниточка ведет в запретные области, и кто знает, что будет, если потревожить многомиллионный сон древних сил...

— У-и-с-с!

Его никто не обвинит в трусости. Добровольное сумасшествие равносильно самоубийству...

— У-и-с-с!

Но ведь это единственный шанс...

Когда Уисс вернулся к берегу, там суетилось около десятка зумов. Сильный голубоватый свет двух прожекторов заливал площадку над бухточкой, до самого дна пронизывая воду. Метрах в десяти от берега на поверхности покачивался большой красный буй, с которого свисал решетчатый металлический цилиндр.

Уисс уже знал его назначение — это был ультразвуковой передатчик, довольно точно имитирующий естественный сонар животных. Цилиндр доставил немало неприятных минут Уиссу: зумы с его помощью то транслировали бессмысленные отрывки чьих-то позывных, сбивая с толку, то ослепляли неожиданными импульсами, заставляя натекаться на окружающие предметы, то без всякой видимой системы и цели повторяли собственные сигналы дэлона.

Цилиндр появился некстати. Меньше всего расположен был Хранитель Пятого Луча заниматься сейчас игрой. Он ждал действий куда более значительных, чем нехитрые манипуляции с ультразвуком. Но молодая зумка, наклонившись у самой воды, без конца повторяла его имя и лопотала, лопотала что-то, и столько отчаянной просьбы было в ее лопотанье и жестах, что Уисс, недовольно фыркнув, подплыл к злополучному цилиндру.

Он едва успел переключиться со светового зрения на

звуковидение, как передатчик заработал. Цилиндр превратился в багровое яйцо, потом в малиновый шар, быстро распухающий в огромную розовую сферу, пока звуковой пузырь нарастающего свиста не лопнул, брызнув искрами в черную тишину.

И вдруг через короткую паузу снова зазвучала МЫСЛЬ. Теперь она исходила из цилиндра, свободная от искажений и помех. Многократно усиленная, она лилась громко и свободно — и все-таки ускользала от понимания, проносилась мимо сознания и терялась где-то за пределами памяти.

Центры Запрета работали безотказно. Как плотина во время паводка, они направляли разрушительный поток чуждых понятий и чувств мимо, мимо — в проторенное русло Забвения.

Обязанностью Хранителя Пятого Луча была разведка. И не больше.

Но Уисс сделал то, на что до сих пор не решался ни один дэлон.

Он отрезал себя от внешнего мира, убрав воспринимающие рецепторы. Сосредоточившись, представил себе свой мозг. Поплыли перед внутренним глазом сложнейшие переплетения нервных волокон, лучистые кратеры нервных центров, миллиарды пульсирующих и мерцающих нейронов, собранных в причудливую вязь бугорков и извилин.

Он скоро нашел то, что искал, — небольшой серовато-белый бугорок мозга и затылка, отороченный неровным пунктиром пурпурно-лиловых звездочек. Это и были центры Запрета.

Уисс мысленно соединил звездочки одну за другой извилистой сплошной линией, трижды опоясавшей подножие бугорка.

Звездочки продолжали мигать.

И тогда, собравшись с духом, Уисс пустил по воображаемой линии сильнейший разряд.

Он услышал свой собственный вопль, уносящийся в

пространство, и ощутил, как горячая судорожная боль тысячами молний ударила из мозга по всему телу, ко-режа и ломая суставы, растягивая сухожилия и мускулы.

Он задышался, и не было сил перевести дыхание.

3. ЗАПРЕТНЫЕ СНЫ

Он все-таки перевел дыхание. Сеть кровеносных сосудов, ветвясь и истончаясь, разнесла живительный кислород во все уголки организма. Судорога медленно от-пускала тело. Скрюченные мышцы расслаблялись и ожи-вали. Боль уходила.

Уисс сжег центры Запрета.

Вначале он ничего особенного не ощутил. Но когда ушла боль, откуда-то снизу подступила фиолетово-чер-ная бесконечность, растворила его в себе. Она жила во-вне и внутри, и это длилось мгновенно и вечно, потому что не было ни пространства, ни времени.

Уисс впервые в жизни почувствовал страх. Не то подсознательное предчувствие опасности, которое побу-ждает к действию, а первородный леденящий ужас, ли-шающий силы и воли, — страх бытия.

Вот оно, наследство пращуров — Безумие Суши, — оно спит в каждом дэлоне за тройной оградой пурпур-но-лиловых звезд и, случайно разбуженное, заставляет выбрасываться на скалы...

Но разве за этим Уисс переступил Запрет?

Неторопливо, исподволь, опасаясь шока, Уисс возвра-щал чувствительность органам. Он выходил в окружаю-щий мир прежним и перерожденным одновременно. Его мозг был лишен защиты и равно открыт всему — обду-манному и бессмысленному, доброму и злему, явному и тайному.

И когда зрение вернулось, Уисс содрогнулся от нео-жиданного успеха. Вернее, он ждал успеха, но не на-столько быстрого и полного.

МЫСЛЬ продолжалась. Но невидимое стекло, разде-

лявшее прежде логику Уисса и опыт чуждых видений, исчезло. Тонкий живой нерв забытого родства — ведь предки дэлонов жили на суше! — протянулся между двумя мирами.

И свободное от Запрета сознание Уисса перелилось по нему в чужую жизнь, в чужие сны...

Уисс был маленьким зверенышем с короткой рыжей шерстью. Он затаился в густой, пряно пахнувшей листве огромного дерева, вцепившись в корявые сучья всеми четырьмя лапами. Его мучил голод и страх.

Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушки деревьев. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Вокруг бесновалась зелень. Тысячи тысяч растений тянулись из черной, глухо чавкающей трясины к неверному свету дня. Они протыкали, мяли, душили друг друга могучими змееподобными стеблями, и эта непрерывная, медленная и страшная борьба была почти единственным осязаемым движением вокруг.

Но неподвижность таила угрозу. Уисс каким-то сверхчутьем ощущал, что везде — вверху, вокруг, внизу — в шуршащей и скрипящей зелени, затаившись, поджидают добычу сильные и беспощадные враги. Уисс боялся пошевеливаться, чтобы не выдать своего убежища.

Встрепенувшееся ухо уловило хруст. Через минуту хруст превратился в треск, а еще через минуту — в скрежет и грохот ломающихся и падающих древесных великанов. Задрожала земля. Дерево, на котором сидел Уисс, резко качнулось, но даже это не смогло заставить его покинуть зеленое гнездо. Он только крепче прижался к стволу, окончательно слившись с рыжей, лохматой от плесени корой.

Огромная, тяжело колеблющаяся гора мышц про-

ползла рядом, оставив за собой широкий прямой коридор в джунглях. Внезапно она замерла, и над верхушкой дерева закачалась приплюснутая голова, вся в тягучих потеках желто-зеленой слюны. Широкие ноздри со свистом втянули воздух, и целая туча цветочной пыли поднялась в воздух с раскрытых ядовито-синих соцветий.

Голова раздраженно дернулась и, покачавшись минут пять в нерешительности, потянулась к соседнему дереву. Оно показалось чудовищу более аппетитным, и через мгновение от него остался только расщепленный огрызок ствола.

Гора продолжала свой путь, и треск вскоре затих. Голод туманил сознание Уисса, его била мелкая дрожь. Он попробовал выковыривать из трещин коры липких, радужно переливающихся слизнячков, но студенистая масса обожгла рот. Он выплюнул слизняка и тихонько заскулил.

Наконец голод превозмог страх. Прижимаясь к стволу, неслышно проскальзывая сквозь паутину лиан, оставляя на острых колючках клочки шерсти, Уисс спустился вниз и затих, осматриваясь, приюхиваясь, прислушиваясь.

Его внимание привлек куст, осыпанный какими-то большими матово-сизыми плодами. Их резкий запах кружил голову и сводил спазмой желудок. Уисс осторожно выглянул из укрытия и, не заметив ничего подозрительного, проворно затрусил по упавшему дереву к соблазнительным плодам.

Его спасла собственная неуклюжесть — у самого куста он поскользнулся на содранной коре и едва не свалился в топь. В тот же миг у горла лягнули страшные челюсти и длинное тело пронеслось над ним, едва не цапнув желтыми загнутыми когтями.

Уисс хотел метнуться назад, но застыл, парализованный ужасом, — дорога была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь, а между Уиссом и

спасительным гнездом готовился к новому прыжку враг. Он стоял, пружиня на непомерно больших, чуть ли не вполроста, перепончатых задних лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу. Зверь был едва ли не втрое больше Уисса, и ни о какой борьбе не могло быть и речи. Это чувствовали оба, и зверь не спешил. Он медленно приседал, медленно открывал пасть, усеянную пиками треугольных зубов, и красные глазки его наливались тупой радостью.

Уисс взвыл и тоже стал на задние лапы. Отчаяние сковало его мышцы, и он не мог разжать пальцы, вцепившись в какой-то сук. Он так и поднялся навстречу врагу — с острой раздвоенной рогатиной в передних лапах.

Зверь прыгнул — яростный смертный рев огласил джунгли, сорвался на жалкий визг и захлебнулся. Тяжелое тело обрушилось на Уисса, едва не переломав ему кости, дернулось два раза и замерло. Уисс пошевелился, еще не веря в спасение, но зверь не двинулся. Осмелев, Уисс выполз из-под туши. Враг был мертв.

Уисс недоуменно переводил взгляд с мертвого зверя на рогатину и обратно. Потом лизнул окровавленный сук. Кровь была теплая и соленая. Он лизнул сук еще раз и ощутил, как сила разливается по жилам.

Наконец он встал на четвереньки и только сейчас заметил, что передние лапы продолжают сжимать раздвоенный сук. Он хотел бросить палку, но что-то останавливало его. Уисс переводил взгляд с рогатины на зверя и обратно...

* * *

Видение потускнело, отхлынуло в темноту, обнажив галечный берег акватории и слепящие зрачки прожекторов, и черные силуэты зумов, и отблеск металла на громоздких аппаратах, а Уисс все еще ощущал во рту дразнящий вкус теплой крови, и лапы его неестественно топорщились, словно пытаясь удержать рогатину...

Старый зум сидел у воды, свесив между колен худые руки, и пристально следил за дэлоном.

— И-в-а-н С-е-р-г-е-е-в-и-ч, д-а-в-а-т-ь в-т-о-р-ую ч-а-с-т-ь?

Старик помолчал, предостерегающе подняв руку. Он ждал чего-то от Уисса.

И Уисс не без тайной гордости за свое превосходство слегка изогнулся и описал вокруг цилиндра геометрически правильный круг, наслаждаясь совершенством и универсальностью своего тела, отшлифованного трудом и вдохновением поколений.

Старик махнул рукой.

— Д-а-в-а-й-т-е!

Цилиндр снова засветился...

Теперь Уисс был не один, и к привычным чувствам голода и страха присоединилось еще чувство холода, в три погибели скрючившего тело. Он кутался в промокшую медвежью шкуру, плотнее прижимался к таким же скрюченным, закутанным в шкуры телам — ничего не помогало.

Их осталось немного от большого и сильного стада — остальные погибли сегодня утром в схватке с пещерным медведем, хозяином каменной берлоги.

Уисс покосился на клубок тел, бьющихся в едином ритме озноба. Их не пугала смерть: спрятанный под скошенными лбами маленький робкий мозг уже уснул. Каменные топоры валялись в углу пещеры вперемешку с костями. Завтра в пещере не останется никого. То, что не сумели сделать звери и черные обезьяны, прогнавшие стадо с насиженных теплых гнезд, сделает холод.

Уисс перевел глаза на выход. В широком белом проеме кружились снежинки. Залетая в пещеру, они таяли, превращаясь в капельки голубоватой влаги... Весь оранжево-красный, с черными извилистыми прожилками, неровный свод пещеры светился голубыми каплями.

А за проемом был мир. Мир искромсанного, вздыбленного, вспененного камня — гигантские каменные ва-

лы с белыми шапками на острых гребнях, они обступили беглецов со всех сторон. Скрытое горами солнце опускалось все ниже, и причудливые утесы, похожие на морды диковинных зверей, окрасились красным. Небо синело, а внизу, в голубой расщелине, клубился плотный багрово-фиолетовый туман. Изредка вспышки прорезали его, и тогда земля вздрагивала, и с утесов срывались камни. Там, внизу, тоже была смерть — непонятная и оттого еще более страшная.

Привычная спазма свела желудок. Тело наперекор всему требовало пищи. Оно не хотело мириться со смертью. Оно хотело жить.

Уисс пошевелился, попробовал подняться. Онемевшие ноги пронзила тупая боль. Уисс осел, ворча, но потом все-таки встал.

— Надо! Еды!

Мужчины словно не слышали, и ярость охватила Уисса. Он схватил каменный топор и замахнулся на ближайшего.

— Надо! Еды!

Тот покорно закрыл глаза, ожидая удара. Холод был сильнее голода и страха. Сородич готов был умереть, но не отдавать свою частицу тепла в общем клубке. Яростные глаза Уисса по очереди встретились с глазами остальных — они смотрели затравленно и равнодушно, в них не было даже мольбы, их уже застигала пелена неизбежного. Уисс опустил топор. Потом перехватил поудобнее шершавую рукоятку и шагнул в проем.

После смрада пещеры на свежем здоровом воздухе слегка закружилась голова. Уисс сжался, ослепленный. Горы переливались всеми цветами, искрились, щетинились серыми полосами колючего кустарника. И оглушительная тишина стояла над ними.

Уисс и сам не понимал, зачем он покинул пещеру. Какую добычу сможет он взять в одиночку? Здесь, в горах, звери свирепы и огромны, а на чахлам кустарнике нет плодов. Он не сможет добыть еды ни для себя, ни

для тех, кто остался. Но что-то тянуло Уисса в долину, туда, где клубился темный туман и плясали бесшумные вспышки. Цепляясь за камни, он стал спускаться.

Уисс прошел половину пути до кромки тумана, когда ноздри уловили тревожный запах — пахло гарью. Он сделал еще несколько неуверенных шагов и остановился. Инстинкт подсказывал — вернись, там опасность, там Великий Красный Зверь, пожирающий все живое. Уисс глянул вверх. Пещера виднелась отсюда маленькой черной точкой. Вернуться? Ждать ночи, когда его убьет холод или, беспомощного, загрызет нетерпеливый шакал?

Негодующее рычание вырвалось из горла Уисса. Он взмахнул топором, ободряя себя, и решительно двинулся туда, где пряталось неведомое.

Ему не пришлось идти долго. Вскоре путь преградил ручей. Его торопливое бормотание было слышно издалека, но, когда Уисс раздвинул кусты, его снова сковал страх.

Там, за ручьем, совсем недавно пировал Красный Зверь. На пепельно-серой земле валялись кучи обугленного кустарника. А еще ниже стлался багрово-синий дым, оттуда доносился далекий треск и тянуло теплом.

Уисс зачерпнул волосатой ладонью полную пригоршню воды и попробовал языком. От холода заломило зубы.

Рядом раздался стон. Уисс одним прыжком отскочил в кусты и замер. Стон повторился — на этот раз тише. В нем не было угрозы, а только боль и жалоба. Ноздри Уисса раздулись. Припадая к земле, он пополз на звук.

Длинноногое животное с тремя парами витых рогов на голове уже ничего не видело и не слышало. От него пахло паленым. Кожа на боках обуглилась и лопнула, обнажив розовое мясо. Видимо, рогач в предсмертном усилии вырвался из объятий Красного Зверя и перемахнул на этот берег, но смерть настигла его.

Уисс вытащил длинный нож, выточенный из острого обломка берцовой кости, и хищно оскалил зубы.

После обильной еды захотелось пить. Уисс лакал воду жадно, урча и отфыркиваясь от удовольствия, отрывался, осматривался и снова лакал.

И тогда он заметил Красного Зверя.

Это был совсем крошечный зверек, и непонятно было, как он перепрыгнул через ручей. Он съел всю палку, оставив от нее только угли, и теперь подышал, дрожа и дымясь.

Уисс хотел было сбросить опасного зверька в воду, но сытый желудок настроил его на благодушный лад. Ему захотелось поиграть. Он отломил от соседнего куста сухую ветку и сунул зверьку. Зверек жадно набросился на нее и сразу стал больше и веселее.

Уисс играл с Красным Зверьком долго, то давая ему пищу, то отбирая ее. И зверек покорно подчинялся желаниям Уисса, то вырастал в рычащего тигра, то сжимался в рыжую мышь. И тогда Уисс почувствовал, что холод отступил. Блаженным теплом веяло от камня, нагретого лапами покорного зверька.

Наконец Уисс встал и направился к рогачу. Дотащить всю тушу до пещеры ему было не под силу, и он отрезал самое вкусное — две задних ноги. Потом выломал из кустарника самый большой сук и поджег его толстый конец.

Когда, обессиленный под тяжелой ношей, он дотащился наконец до пещеры, уже опустилась ночь. Уисс шагнул в пещеру, высоко держа над головой горящий сук. Красный свет метнулся по стенам. Живой клубок дрогнул, рассыпался, эхо гулко повторило вопль ужаса. Подвывая, сородичи расползались, забивались в темные углы. Только один остался у его ног. Он был мертв.

Уисс бросил на пол мясо.

Остекленевшие глаза жадно уставились на пищу, но страх перед Красным Зверем заставил глубже забиваться в свои углы.

Уисс повернулся спиной к сородичам и вышел из пещеры. Он слышал, как в темноте началась драка за мясо. Уисс направился к ближним кустам, освещая себе дорогу.

Когда он вернулся в пещеру с охавкой хвоста, мяса уже не было. Сородичи снова расползлись по углам, но уже не так поспешно, как прежде. Глаза их приобрели осмысленное выражение и смотрели теперь настороженно и выжидающе.

Уисс бросил на пол догорающий сук и показал на хворост:

— Еда! Ему!

Он подложил веток, и пламя мгновенно выросло, заплясало, рассыпая искры. По пещере заструилось тепло.

Наконец самый смелый подполз ближе. Сородич с любопытством смотрел, как Уисс кормит страшного зверя, потом сказал неуверенно:

— Красный Зверь! Враг!

Уисс сунул еще одну ветку в костер, и рыжий язык метнулся к самому потолку.

— Нет! Огонь! Друг!

Осмелевшие мужчины подползали все ближе к костру, блаженно ворчали, подставляя теплу окоченевшее тело, радостно повизгивали.

— Огонь! — повторил Уисс новое слово. Он протянул к жаркому костру руки:

— Огонь! Друг!

* * *

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс очнулся, словно вынырнул из зловонной лагуны на поверхность — близость огненной стихии, хотя и призрачная, была нестерпима. Он ничего не мог поделать с голосом крови, с трагическим опытом Третьего Круга, навечно отпечатанным в генах, — все естество противилось союзу с Гибелью.

Он мог только, не напрягая внимания, чтобы не упустить ничего существенного, следить извне за странным чужим миром, в котором творились вещи все более и более непонятные.

Он видел, как в считанные тысячелетия зумы расплодились и рассеялись чуть ли не по всей суше. Рогатина в лапе и пламя костра сделали зумов сильнее и выносливее других зверей.

Красный Зверь оказался двуликим — с равным покорством и равной силой служил он врагу и другу, злу и добру. Он давал тепло и сжигал жилища, плавил руду и опустошал посевы. Убийственный огненный смерч гулял по горам и долинам. Глаз Гибели горел все ярче и беспощаднее, но во всем этом была логика, понятная Уиссу. Когда-то по сходным причинам предки дэлонов покинули сушу и ушли в море, спасая свой род и остатки Знания.

Но дальше начиналось нечто, лишенное аналогий.

Уисс не сумел заметить, когда и как это случилось. Может быть, потому, что еще искал следы внеземного вмешательства и не сразу обратил внимание на пальцы седого зума, вроде бы бесцельно мнявшие сырую глину; на упорство, с которым собирала коренастая зумка коренья и камни; на благоговейный восторг подростка, который дул в сухой тростник и случайно соединил беспорядочные вопли в обрывок варварской мелодии.

Но когда появились дворцы и многокрасочные фрески на стенах, гигантские каменные изваяния и мелодическая ритмика ритуальных танцев, Уисс узнал в них искаженные, причудливо перепутанные линии просыпающегося Разума. Собственного Разума зумов!

Как дождевые пузыри, возникали, раздувались и лопались царства, унося в небытие редкие всполохи озарений и мутный ил утешительных заблуждений, имена сумасшедших царей и безымянные племена рабов, но под сбоем пепла и гнили оставалась неистребимой священная искра труда, любви и искусства.

Уисс увидел бездну, вернее, не бездну, а воронку крутящейся тьмы, затягивающей в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клочкотали вокруг. Но оттуда, из этого клокочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одинокими.

Нестерпимая вспышка ударила в глаза — это взвилось алое полотнище над головами идущих первыми. Еще клочкотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг всемирной надежды зажигал звезды, созвездия, галактики, и последнее, что увидел Уисс, — горящие красные миры обновленной Вселенной...

И тогда внутренний глаз отключил воспринимающие рецепторы и погасил перенапряженное сознание, спасая мозг от непоправимой травмы, и Уисс уже не слышал испуганного крика молодой зумки, торопливо выключившей звукозапись...

* * *

Больше года прошло с той памятной ночи, но Уисс до сих пор помнил каждое мгновение неожиданного открытия, и часто во время ночного дремотного отдыха возвращались к нему тревожные сны суши.

Они приходили и требовали действия, будоражили и настаивали — и Уисс шел к цели собранный, как дэлон, и неистовый, как зум.

Ему не верили свои, его не понимали чужие, в нем копилась неизвестная прежде горечь одиночества, но он не отступил от своего дерзкого плана.

Он уже добился многого — железный кор зумов покорно идет за ним.

Но главное — впереди...

Наступал новый день. Тучи, бегущие над морем, истончались и бледнели, и кое-где уже проступали золотые пятна. Метеоклетки не ошиблись, сегодня будет солнце...

Пора.

Уисс повторил призыв.

И, словно отраженный из белого кора, двойной свист вернулся к Уиссу.

Зумы ответили.

4. ЗЕРКАЛА

Пилот разведчика «Флайфиш-13Г» Фрэнк Хаксли очень не любил утренние дежурства и при первой возможности избегал их. Фрэнк не был лентяем или засоней — хотя при честном самоанализе отречься от предрасположенности к сим огорчительным качествам было бы трудно. Больше того, как раз эта предрасположенность оказала роковое влияние на его судьбу, подменив рубку космического лайнера кабиной гидросамолета, а битвы с инопланетными чудовищами — ежедневным отслеживанием безобидных рыбьих стай.

Да, Фрэнк был рядовым «рыбоглядом», но душой его правили космические бури. А потом каждый вечер, свободный от дежурства, он садился к видеофону, чтобы прокрутить запись какого-нибудь телебоевика, а таких записей у него было великое множество. Часто за первой записью шла вторая, а то и третья, и Фрэнк забывался лишь под утро, в кошмарном полусне продолжая фантастическую цепь опаснейших приключений.

Можно ли при таких обстоятельствах радоваться утру, да еще такому, как сегодня, хмурому, когда внизу серый океан, покрытый, как говорят летчики, «гусиной кожей» — ровной рябью мелких волн с белыми барашками.

— Бэк!

Радист не ответил, и Фрэнк, взглядевшись в зеркало заднего обзора, увидел козырек шлема, надвинутый на глаза, и пухлые губы, тронутые улыбкой отрешенности, которая обычно сопутствует здоровому сну без сновидений. Бэк отдавал ночи не космосу, а земным утехам, но кому важны детали? Важно то, что к сегодняшнему утру оба относились на редкость единодушно. А потому Хаксли только тяжело вздохнул и начал напевать под нос что-то из вчерашней записи:

Ультразмеи и супервампиры —
все чудовища звездного мира —
не страшны бесшабашному Гарри,
астронавту из штата Техас...

И тут Фрэнк заметил «плешь». Вернее, она все время была перед глазами, чуть наискось пересекая курс самолета, но даже тренированный глаз «рыбогляда» не задерживался на ней из-за непомерной, прямо-таки фантастической ее величины.

— Бэк! — выдохнул Фрэнк севшим голосом. — Бэк! — заорал он во все горло. — Радио!

— Сто тридцать первый слуш... Тьфу! Ты чего?

— Бэк, ну-ка посмотри вниз.

— Смотрю.

— И что ты видишь?

— Воду.

— А дальше?

— Еще больше воды.

— А вот там, к норд-норд-весту... Видишь, «гусиная кожа», а дальше словно кто утюгом прошелся — гладко. А?

— Фрэнк... Это же тунец идет! Такой косячище... Сроду не видывал...

— Это награда к нам плывет, — уточнил Хаксли и, развернувшись, повел машину к острию треугольной «плеши» — делать предварительные замеры. Бэк взялся за радио.

База ответила не сразу. Видно, там от нынешнего утра тоже ничего хорошего не ждали. Но когда Бэк дважды повторил размеры косяка и прибавил, что рыба идет четырьмя «этажами», в наушниках заволновались три голоса одновременно.

— Сто тридцать первый — Базе. Ихтиологу Петрову. Тунец длинноперый, строй походный в четыре этажа, вверху и внизу — «коренники», взрослые самцы и крупные самки, в середине — молодь. Похоже на капитальное переселение. Пит.

— Петров — сто тридцать первому. Дельфинолог Комов. Хватит болтать, Фрэнк, сколько надо, по-твоему, «пастухов» для ведения косяка? Когда тунец подойдет к сейнерам, мы еще отряд загонщиков выпустим, а сейчас важно, чтобы косяк не рассыпался и не изменил курса...

— Сто тридцать первый — Комову. Право, не знаю... Здесь полно дельфинов. Они, по-моему, и ведут косяк... Да, похоже, что косяк ведут дельфины. Не охотятся, а ведут, это точно. Рыбы не трогают, идут как патрульные подлодки...

— Наши или дикие? Если наши, то сколько их?

Фрэнк с минуту следил за диском УКВ-локатора, на котором плавно кружились маленькие голубые точки, потом, снизившись до самой воды, провел машину над пенными обводами тунцовой армады.

— Сто тридцать первый — Комову. Судя по радиометкам, наших дельфинов штук двадцать. Остальные — дикие. Их не меньше сотни... Бросать «трещотку» или подождать?

— Комов — сто тридцать первому. Бросайте, Фрэнк, бросайте немедленно. Двадцать обученных «пастухов» смогут справиться с любой ордой. А «дикари» помогут. По крайней мере, мешать не будут. Это точно...

— Петров — сто тридцать первому. Так ты говоришь, там дельфины, Фрэнк? Вот тебе и разгадка —

дельфины согнали в одну несколько стай и решили сделать нам подарок. Недаром же их натаскивали в «школе». Я уже дал разрешение на отлов косяка. Неводы только крупночешные, молодежь не пострадает...

— Дело ваше... Да, Пит, одна просьба: скажи дйспетчеру, чтобы поставил нас с Бэком в наблюдение, когда будут брать эту прорву... Хочу посмотреть — рыба-то моя все-таки.

— Идет, Фрэнк... Даю отбой.

— Охота человеку... Сам вне очереди напросился, — это проворчал сзади Бэк достаточно внятно, чтобы слышал командир.

— Ладно, старина, успеешь выспаться... Контрольное фото отправил?

— Отправил...

— Давай «трещотку». В хвост косяка, в середочку... Вот так!

Внизу метнулся полупрозрачный купол парашюта, и в океан полетело то, что Фрэнк называл «трещоткой», — хитроумный ультразвуковой приемопередатчик, похожий на большую рыбу-прилипалу. Аппарат действительно «прилипал» к дельфиньей стае и передавал пастухам и загонщикам команды операторов Базы. Дельфины, в свою очередь, докладывали оператору о своих делах на условном языке, который вместе с другими премудростями они изучали в «школе».

Как-то раз Фрэнк забрел в такую школу вместе с экскурсией. Он, как и все, шумно восторгался необыкновенной сообразительностью «учеников», восхищался их дисциплиной и молниеносной реакцией на команды, несколько недоверчиво выслушал перечень цифр дохода, в которые вылилось мировому рыболовству «общение с младшими братьями человека», и до слез хохотал, когда двести торчащих из воды клювов, страшно скрипя, старательно вывели хором первый куплет «Гаудеамус игитур».

Но вышел из школы он почему-то разочарованный. Он долго не мог понять почему. И только потом разобрался: дельфины не вызывали у него уважения.

Прежде чем вернуться на Базу, Фрэнк описал над косяком прощальный круг.

В наушниках рокотал драматический баритон диспетчера: «Всем сейнерам международной рыбокооперации, находящимся в квадратах... немедленно выйти на двустороннюю связь с Базой «Поиск — двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь...».

Под крылом «Флайфиша» прошел белый пузатый сейнер, сердито раздувая под форштевнем седые пенные усы. На мостике стоял капитан — тоже белый и уса́тый. И настроение у Тараса Григорьевича, старейшины рыболовецкого клана, было сердитое. Провожая глазами самолет, он мрачно прошепетывал:

— Пойду на пенсию... Ей-ей... Да разве это рыбалка? Срамота одна... Самолеты, дельфины... Стой, пока тебе сети рыбой набьют, и не трепыхайся...

* * *

— Таким образом, все началось со случайности, вернее, со случайного соединения ряда случайностей... Одиночество Нины, одиночество Уисса, пленка, запущенная не на ту скорость... Но главным звеном этой цепи было то, что запись на пленке оказалась скрябинской «Поэмой огня» — цветомузыкальным конспектом человеческой истории... С Уиссом впервые заговорили на понятном ему языке...

Карагодский шелохнулся в кресле, хотел что-то сказать, но передумал. Пан продолжал тихо, с нежностью деда, рассказывающего о школьных подвигах любимого внука:

— После этой ночи Уисс нас буквально замучил... Мы установили в акватории четыре стационарных магнитофона и непрерывно крутили записи... Он требовал

только симфоническую музыку, причем со специфическим уклоном.

— Чем же еще поразил вас дельфин-меломан? — В голосе Карагодского проскальзывали нотки нетерпения и раздражения.

В открытые иллюминаторы каюты Пана попеременно заглядывали то серое небо, то серое море. С утра слегка штормило, но сейчас волнение почти улеглось. Изредка легкий ветер вздувал неплотно задернутую штору, и тогда в каюте повисала зябкая морось.

Пан вздохнул.

— Простите, Вениамин Лазаревич. Возможно, это действительно лирика. Но эта лирика заставила нас по-новому взглянуть на дельфинов вообще и на наше с ними сотрудничество в частности.

— Яснее.

— Я говорю о ШОДах...

— И о ДЭСПе?

— Да, я говорю о «Школах обучения дельфинов», о «дельфиньем эсперанто» и о многом-многом другом, что исправить гораздо труднее. Конечно, как первый этап исследований... Пожалуй, никого нельзя винить в том, что так получилось. Хотя...

— Винить?!

Спокойствие изменило академику. Низкое кресло закрипело отчаянно, и Карагодский поднялся над Паном, красный, тяжелый, налитый негодованием и обидой.

— Винить?!

Он провел дрожащими пальцами по лацкану пиджака.

— В чем же вы могли бы меня винить, дорогой мой Иван Сергеевич? В том, что я первым — первым! — перешел от слов к делу и занялся приручением дельфинов? В том, что я первым — первым! — поставил это дело на научную основу и организовал первую — первую! — школу для дельфинов, где вместо любительской дрессировки этих животных обрабатывали единственно

правильными методами? В том, что разработал способ общения человека с дельфином — условный язык команд и отзывов, который потом назвали «дельфиним эсперанто»? В том, что отдал этой работе без малого десять лет? В том, что общество получило благодаря мне миллионы рублей дохода?

Голос Карагодского рокотал в каюте, как весенний гром, а Пан тоскливо глядел в иллюминатор. Дождь кончился, самое время работать, а на душе слякоть... «Ну что за человек такой непутевый... Я... Первый... Заслуги.. Действительно, первый. Действительно, заслуги. Не какой-либо горлохвост — крупный ученый с мировым именем, бульдожья хватка, колоссальные организаторские способности. И все-таки все время ему мерещатся подвохи, кажется, что его недостаточно хвалят, недостаточно высоко ставят... Комплекс неполноценности какой-то... А ведь умный человек...»

— ...И более чем странно, я бы сказал, неуважительно слушать мне такое, Иван Сергеевич, от вас, от человека, который в дельфинологии, простите, профан...

— Да бог с вами, Вениамин Лазаревич, я никак не покушаюсь ни на ваш опыт, ни на вашу славу...

— Нет, вы покушаетесь? Покушаетесь на все основы, призывая вернуться к...

— Довольно! Садитесь!

И Карагодский сел. Сел торопливо, почти испуганно — сработал старый полузабытый рефлекс. Сел на краешек кресла, как на краешек студенческой скамьи. Как в те далекие времена, когда он, академик Вениамин Карагодский, был просто Веником из четвертой подгруппы, а Пан — самым молодым профессором университета.

— Вот так. А теперь постарайтесь выслушать и понять, что я вам скажу.

Пан зябко повел плечами и тоже сел.

— Раньше многое казалось проще, чем сейчас. Че-

ловец всерьез считал себя единственным и самодержавным «царем природы». Ну и царю все позволено. Возникла идея приручить дельфина. Выгодно это человеку? Еще как! Начинается работа — и выясняется, что дельфин не просто животное, а «почти разумное животное», с которым в отличие от сухопутных «слуг человека» можно наладить двустороннюю связь, общаться. «Так это же сущий клад!» — восклицает человек и берется за дело всерьез, со свойственным ему размахом и напористостью. И вот уже сотни, тысячи «ручных» дельфинов отслеживают для человека рыбы стаи, пасут их «до кондиции», гонят к траулерам, загоняют в сети... Покорные, безобидные, готовые на все ради человека...

— Не понимаю вашей иронии, Иван Сергеевич.

— А если дельфин действительно разумное существо?

— Ну знаете, профессор, этак можно бог знает до чего договориться... Этак я со своим бульдогом на «вы» разговаривать буду — на всякий случай...

— Не передергивайте, Карагодский... Разумность в том и состоит, чтобы предвидеть последствия своих действий. Я не хочу, чтобы потомки краснели за нас, как мы краснеем за своих предков, истребляющих тех же дельфинов ради технического жира...

— Мы обращаемся с дельфинами вполне гуманно...

— Вот именно — гуманно! То есть по-человечески! А ведь это слово имеет смысл только в отношениях между людьми, как вы не можете понять! А как измерить отношения между человеком и иным кругом чувств и понятий, иной цивилизацией, в конце концов? То, что хорошо и выгодно для человека, может быть невыгодно для иного разумного существа. Даже смертельно опасно, если хотите... И наоборот.

— Это уже схоластика, дорогой Иван Сергеевич.

— Это было схоластикой десять лет назад, Карагодский. А сейчас это уже проблема, которую надо ре-

шить во что бы то ни стало. И решить сегодня — откладывать на завтра уже поздно.

— Не слишком ли...

— Не слишком. Хотите, я вам кое-что покажу?

И Пан вышел из каюты.

* * *

Тарас Григорьевич так и не спустился в радиорубку с капитанского мостика. Он только велел радисту прицепить к переговорному корабельному устройству допотопные лопухообразные наушники, дабы «быть в курсе» распоряжений Базы. Подобная вольность разрешалась уставом только в случае «крайней необходимости», но кто укажет точно, где у необходимости край?

Быть на мостике Тарасу Григорьевичу было сейчас крайне необходимо. Выбритый до глянца, благоухающий одеколоном «Олеся», в тугоakraхмаленном и отутюженном парадном кителе, он небрежно бросал в микрофон хрипловатые древние команды, стараясь не замечать, что они выполняются несколько раньше, чем он успевает их отдавать.

Траулер «Удачливый», поминутно сигналив, переваливаясь с боку на бок и вздымая лихие шлейфы то справа, то слева, пробирался к своему законному месту — в голову флотилии, между «Онегой» и «Звездным». Раньше, когда экономно и быстро «взять косяк» могли только опытные мастера, никто не мог делать это лучше «Тарасовой тройки». Искусно поставленные ими сети «снимали пенку», гасили скорость стаи, нарушали ее монолитность, прокладывая дорогу следующим судам.

Теперь рыбацкие хитрости были ни к чему: дельфины-загонщики проводили все операции лучше старого Тараса. Но нет ничего живучей морской традиции, сейнер «Удачливый» вопреки новым правилам зани-

мал место не в хвосте, а впереди, рядом с сейнерами-гигантами.

Тарас придиричиво осмотрел соседние суда. Взгляд его заскользил вдаль, по всей наскоро собранной, разнокалиберной и пестрой флотилии, и мысли его приняли иное направление. «Сбежались, соколики, на готовенькое... Рты разинули и ждут, когда туда галушка заскочит...»

А погода быстро менялась. От хмарного утра, от мглистого противного дождичка не осталось и следа. Море пошло пятнами, то там, то здесь возникали золотисто-голубые лужайки, разорванные облака мельчали и рыжели по краям. День помаленьку набирался солнца, а солнечным днем все выглядит иначе, чем пасмурным утром.

— Та-рас! Гри-го-рич!

Радист выглянул из иллюминатора рубки и возбужденно пошлепал себя по ушам. Капитан, почуяв неладное, торопливо надел наушники прямо поверх фуражки.

В эфире был переполох. Капитаны, забыв устав радиосвязи, говорили, не называя себя; а диспетчер, тоже уставу вопреки, отбивался от них как мог.

— Я же в сотый раз повторяю — косяк неожиданно изменил курс, где он теперь — можно только гадать...

— А «трещотка»?

— Выбросили они «трещотку». Угнали и выбросили...

— Что вы сказали? — перепросил кто-то по-английски.

— Я говорю, выбросили они «трещотку». Как известно, «трещотка» автоматически следует за голосами дельфинов. Так вот они пошли на трюк — все стадо замолчало, а один поднял крик — и полным ходом в сторону. «Трещотка» за ними. Отвел он ее подальше и бросил... Мы послали туда отряд своих загонщиков с новой «трещоткой». Как только дошли до косяка — та

же история. «Трещотку» выбросили, сами не вернулись...

Кто-то одобрительно хохотнул, кто-то начал ругаться. Тарас Григорьевич все понял, и сладкая, беспокойная думка завладела его седой головой, набирая силу, дразнила.

Но сначала надо было кое-что проверить.

— «Удачливый» — Базе. Где там наука? Что приоткрыла? Дельфин... как это.. Комову, словом, что там поделяется?

— База, Комов, прием.

— «Удачливый» — Комову. Так что теперь делать будем? Уходит рыбка-то...

— Не знаю, что делать, Тарас Григорьевич. Ума не приложу. Такого с дельфинами еще нигде и никогда не было. Бывало, не слушали команд или неправильно их понимали. Случалось, ни с того ни с сего отказывались работать и уплывали. Но это были единичные случаи. А чтобы такое — нет, ничего не понимаю. А ведь это бунт! Форменный, ничем не оправданный бунт против человека! Они угоняют косяк как заправские пираты! А наших загонщиков, видимо, взяли в плен...

— Словом, дело труба с научной точки зрения?

— Труба.

И тут Тарас Григорьевич понял окончательно, что пробил его звездный час.

И он рывкнул в эфир, настороженно прислушивающийся к их разговору.

— Что, коты, разучились сами мышей ловить? А если по-старому, без мышеловок, этих, а? Собственными лапками да зубками, а? Или зубы повыпадали?

«Коты» озадаченно молчали, и Тарас Григорьевич расправил перед микрофоном усы:

— «Удачливый» — Базе. Предлагаю брать косяк без дельфинов, с ходу, по-старому. Примерный курс косяка известен, надо послать туда пару самолетов.

И пусть они следят за косяком до нашего прихода. А я поведу флотилию наперерез. Прошу дать «добро».

И даже свою золотошитую фуражку снял Тарас Григорьевич в ожидании ответа — так волновался. Вдруг не удастся тряхнуть стариной, утереть нос Комову и прочим, для кого старый Тарас вроде мамонта в электронной лаборатории. А дельфины... Они тоже рыбаки. Они поймут...

База дала «добро».

* * *

Карагодский поискал глазами Пана. Ему хотелось сказать что-то значительное, неопровержимое, что раз и навсегда приперло бы к стенке нескладного профессора. Но хитрый старик все время находил лазейки. Впрочем, это не страшно. Хозяйственники не читают теоретических монографий по биологии. Этим по горло занятым людям нужно одно: любой ценой увеличить выход продукции. И они будут слушать Карагодского, который оперирует понятными категориями тонн и рублей, а не Пана, витающего в морально-этических высотах.

А Пана все не было, и академик недоуменно покопился на дверь. С никелированной ручки свисал синий ситроновый галстук. Если бы профессор незаметно вышел, галстук свалился бы.

Несуразный человек этот Пан. Анекдоты и легенды прямо-таки липнут к нему, тянутся за ним, как тесто за пальцами.

Вот хотя бы этот выдавший виды галстук. Выражение «галстук Пана» стало расхожим присловьем. Один не лишенный юмора конструктор даже назвал «галстуком Пана» сложный космический прибор.

С давних пор, еще с университета, Пан снимает галстук, начиная работать, и вешает его на дверную ручку. Где бы он ни работал — в «люксе» междуна-

родной гостиницы или в кабине вездехода, ползущего сквозь австралийскую пустыню, — старый галстук висел на страже, оберегая хозяина от бытовых невзгод.

Карагодский подозрительно окинул взглядом большие овальные иллюминаторы, но там качались только спянные горизонтом небо и море. Пан, конечно, способен на все, но он не умеет плавать.

Академику ничего не оставалось, как изучить со своего кресла нехитрую топографию каюты.

Он сидел у самой двери, и все небольшое пространство было перед ним как на ладони: рабочий стол Пана прямо под распахнутым иллюминатором, на столе между разбросанными бумагами, таблицами и голографиями — изящный ящик теледиктофона «Память», небрежно перевернутая панель дистанционного управления корабельных видеофонов, наборный диск стереопроектора Всесоюзного нооцентра, который через три с половиной секунды давал справку по любой отрасли человеческих знаний — словом, ничего необычного, если не считать толстенной старинной книги, смахивающей на Библию, и каких-то диковинных статуэток еще более древнего возраста.

По обеим сторонам стола — матовые пятна экранов: большой — видеофон, два поменьше — стереопроекторы Центра, а вот этот, овальный, ошетилившийся тысячами граней рубиновых кристаллов, — для просмотра голографических фильмов...

Кстати, сам проектор, примостившийся на подвижной тумбочке справа от круглого винтового стула, открыт. Видимо, Пан перед приходом Карагодского проматривал ролик.

И больше ничего, кроме стеллажа с книгами, портативного электрооргана (неужто Пан под влиянием Уисса стал музицировать?) и двух кресел, одно из которых занимал академик, — и всё отражает большая зеркальная стена, словно свидетельствуя наглядно и

окончательно, что никого, кроме Карагодского, в каюте нет.

— Иван Сергеевич, где же вы?

Пан возник рядом, держа под мышкой коробку голофильма, непонимающе повел глазами с растерянного академика на свое отражение и усмехнулся.

— А... Зеркало...

Он протянул руку, и, когда его пальцы встретились с пальцами двойника, пространство раскололось широкой щелью сверху донизу, открывая за зеркалом другую комнату.

— Я с этим зеркалом намучился в свое время, — продолжал профессор, заправляя фильм в проектор. — А потом привык. И даже стал видеть в нем скрытый философский смысл, своего рода знамение, что ли.

«Ох, Пан, даже разбив нос о зеркало, он видит в этом скрытый философский смысл. Как был идеалистом, так и остался». Подумалось это Карагодскому с явным облегчением, ибо исчезновение объяснилось просто. Необъяснимого академик не любил, даже побаивался.

— Уж эти мне зеркала... Везде они, эти услужливые обманщики. Вот мы с вами разговариваем, а между нами — зеркало. И мы видим в чужом мнении лишь искаженное отражение своего собственного. И не можем понять друг друга, ибо искренне считаем свое собственное мнение единственно правильным...

Профессор захлопнул крышку проектора.

— Вы интересуетесь космосом, Вениамин Лазаревич?

— Космосом? Да как вам сказать... Пожалуй, нет. Вышел из того возраста. Дела. Не хватает времени на все... Столько нового...

— Жаль, космос, если хотите, тоже зеркало. Огромное увеличивающее зеркало, в котором земные достижения и ошибки, наши чисто человеческие заблуждения и наития приобретают глобальный отзвук... Пер-

вый космический объект, заселенный земными организмами... Космобиолог... забыл фамилию....

— Андрей Савин.

— Да, да, Савин... Там построили биостанцию, которой руководит академик Медведев... Тяжелый человек, надо сказать. Так что же там случилось?

— Это мы с вами сейчас и увидим. Хочу добавить предварительно, что планета Прометей весьма редко в Галактике кристаллического типа и находится в системе двух звезд, одна из которых светится только в ультрафиолетовом диапазоне. Все это вкупе с другими странностями заставило Андрея Савина в самом начале выдвинуть гипотезу об искусственном происхождении планеты... На его гипотезу тогда не обратили внимания, ибо прямых доказательств не было, а коевенно можно было объяснить при помощи уже известных теорий. Опять сработало зеркало.

Проектор тихо заурчал. Рубиновые кристаллы потеплели, засветились мелкими угольками, по овальному экрану, как по жаровне под ветром, заметались летучие искры. Пан подвинул кресло поближе к академику.

— Пленка эта до окончательного решения Международного совета космонавтики о судьбе биостанции, так сказать, «для внутреннего пользования». Поэтому комментирует ее не диктор, а сам Андрей Савин. Ну и я помогу, если что будет неясно...

5. БОГ СЕМЕН

Карагодский невольно вцепился в подлокотники. Прямо в глаза светило неяркое большое солнце, окруженное короной шевелящихся зеленых протуберанцев. Поблескивали крупные звезды, незнакомые созвездия. Глубоко внизу синела твердь, и так негостеприимно она выглядела — геометрическая головоломка, разрушенная

и раскиданная капризным ребенком: пирамиды, конусы, тетраэдры, октаэдры, немыслимые ритмы острых ребер, пиков, наклонных плоскостей, винтообразных полированных граней. Лишь в немногих местах неведомая сила обуздала архитектурно-кубистические увлечения природы. Там протянулись расписные равнины, словно ворсистые восточные ковры, и мягкая округлость холмов только подчеркивала общее торжество покоя. Над одной из равнин летело что-то круглое, плоское...

Голос Савина: «Фильм, естественно, не снимался специально. Это выборка из информации следящих автоматов внешнего и внутреннего наблюдения. Информация просматривается ежедневно, нужное — копируется, ненужное — стирается. Именно благодаря такой системе мы смогли довольно точно восстановить события.

Сейчас снимает спутник связи, запущенный над планетой. Справа, над полем Кольчатых Крикунов, хорошо виден дископлан Семена Антропова. Он летит по заданию Медведева к Белому озеру, где появился новый вид летающих объектов, условно названных «простынями».

Мгновенная темнота — и зрители очутились на поверхности одной из террас, тремя правильными уступами опоясавших небольшое озеро. Своей белой, зеркально гладкой поверхностью озеро больше напоминает пустой каток где-нибудь в Лужниках или Сокольниках, и сходство усугубляют стадионные формы террас.

Пан зашептал, наклонившись к Карагодскому.

— Озеро состоит из «плотной воды», по консистенции что-то вроде вазелина. Если вы не забыли химию, оно подобно веществу воды в кварцевых капиллярах. Никакого практического применения «плотная вода» так и не нашла.

Все вокруг заполнял тусклый, неизвестно откуда идущий сиреневый свет, который, уходя в высоту, становился все плотнее, превращаясь постепенно в низкое,

чуть пульсирующее, ощутимо тяжелое небо. Глаз не сразу привык к неверному овету, крадущему тени от мелких предметов, и поэтому Карагодский не заметил сначала, что трибуна импровизированного стадиона битком заполнена. Какие-то нелепые существа, плохо различимые на расстоянии, ползают, прыгают, катаются по террасам, то заводя хороводы, то рассыпаясь в разные стороны.

Голос Савина: «Снимает автомат, расположенный у Белого озера. Именно на этой пленке мы обнаружили первые «простыни». Съемка идет в ультрафиолетовой зоне спектра, потому что здесь сейчас — день черного солнца. Самого солнца не видно из-за вторичного свечения атмосферы».

Движение на террасах усилилось, словно существа почуяли неведомую опасность, но постепенно начали замирать медленными толчками. А мертвое озеро оказалось не таким уж безжизненным. В его плотных глубинах мучительно медленно возникали и пропадали какие-то тени-треугольники, круги, квадраты. А химеры на террасах замерли совсем в гипнотическом оцепенении.

По гладкой поверхности прошло волнение, и в какой-то миг показалось, что озеро выходит из берегов. Но вздыбившиеся пузыри один за другим лопались, выстреливая белые сгустки, эти сгустки плавно разворачивались в широкие белые прямоугольники, действительно смахивающие на простыни... Выпустив пять или шесть полотнищ, озеро успокоилось. Полотнища поднялись повыше, покачались в воздухе, вибрируя краями, а потом все так же зачарованно медленно поплыли над террасами, низко, почти касаясь замерших в трансе тварей. Пройдя над нижними террасами, они поднялись выше, держа строгие интервалы, не отбросив тени над головами зрителей, и Карагодский мог поклясться, что от них пахнуло могильной плесенью...

Обследовав приозерные террасы, «простыни» берут еще повыше и тянутся куда-то в ночь (или в «черный

день?»), за пирамидальные горные пики, слабо зеленеющие на горизонте.

Пан снова зашептал:

— Пока они будут летать, я хочу кое-что пояснить... Вениамин Лазаревич, вы меня слышите?

— Да... Да.

— Планета Прометей заселялась... м-м-м... несколько необычным способом. Основной «посев» составляли водоросли, сложные грибы и симбиотики, искусственные и естественные микроорганизмы. Под воздействием ультрафиолетового солнца и прочих необычностей тамошних условий они мутировали в совершенно новые формы. К примеру, на Прометее нет деления на флору и фауну, почти все здешние твари одновременно и животные и растения. В пору зеленого солнца, что по человеческим понятиям соответствует дню, они — растения, мирно произрастающие на равнинах, отвоеванных у кристаллической поверхности. В это время они «заряжаются» энергией. А с приходом поры черного солнца они превращаются в животных, тратя накопленную энергию. Но самое странное и трудно объяснимое у них — отсутствие борьбы за существование. Нет более мирных и безопасных для человека и друг друга созданий, чем эти твари. Вот почему насторожили привычных ко всему здешних биологов «простыни»... Впрочем, смотрите...

Из-за зеленых пиков появилась белая вереница. «Простыни» возвращались. Но теперь на медлительность и величавую плавность не осталось и намека. Да и сами полотнища изменились, свернувшись в острокопечные коконы. Не задерживаясь над террасами и по-прежнему держа строй, коконы один за другим исчезают в озере. Озеро пошло треугольниками и квадратами, посветлело, и через несколько минут белая гладь ничем не напоминает недавней фантазмагии. Террасы ожили, очнувшиеся твари опять затеяли возню.

Голос Савина: «Мы считали тогда «простыни» оче-

редным видом новых животных и не придали значения их явной связи с Белым озером. Не могли мы знать и того, что находится в коконах, — кстати, именно процесс свертывания «простыни» в кокон должен был наблюдать Семен Антропов...»

Пан и Карагодский как будто бы сидели теперь за спиной широкоплечего человека, одетого в переливчатый герметический комбинезон и прозрачный круглый шлем. Зачесанные назад светлые волосы курчавятся на шее. В зеркальце переднего обзора видно молодое широкоскулое лицо. Антропов косит в зеркальце карий глаз и подмигивает. Зеленое солнце теперь сзади, оно уже касается горизонта, внизу — ставшая привычной кутерьма кристаллических гор, а впереди — клубы отливающего металлом то ли дыма, то ли тумана. Еще секунда — и дископлан наискось врежется в туман. За прозрачным колпаком становится темнее, а сама освещенная лампой кабина — теснее.

Голос Савина: «Съемку ведет автомат связи с биостанцией. Все параметры дископлана — в норме, Антропов в отличном настроении. Сейчас он перешел терминанту — границу зеленого и черного дня, для простоты — «дня» и «ночи». «Ночью», как я говорил, можно видеть только в ультрафиолетовом диапазоне. Экран УФ-визира находится прямо перед пилотом, отсюда его не видно. Пилот может переключить картинку с визира на автомат, Антропов так и должен был сделать, но не успел...»

И опять — вид со спутника. За край чашеобразного горизонта уползают зеленые змеи первого солнца. А вот и второе — бархатно-черный круг, наклеенный на морозные узоры звездного неба. Есть в нем что-то ненастоящее, что-то от неудачной театральной декорации. А внизу — многокилометровая толща сиреневого тумана. И вдруг в этом тумане, в этой неверной глубине вспыхивает и гаснет яркая красная звездочка. Только раз вспыхивает и гаснет — и снова молчание звезд, де-

коративный черный круг над головой и холодный сиреневый свет под ногами.

Голос Савина: «В 29 часов 41 минуту 31 секунду местного времени связь с дископланом Антропова внезапно прервалась. Три секундами спустя внешний спутник зафиксировал взрыв в атмосфере. Координаты взрыва совпадали с предполагаемыми координатами дископлана. Немедленно в этот район вылетело три спасательные машины, но ни самого Антропова, ни остатков разбитого «диска» не нашли».

Смена кадра. Знакомая верхняя терраса у Белого озера. Картина прежняя — сиреневая «ночь» и застывшие в каталептическом сне химеры. Возвращаются «простыни», но сейчас к земле клином. В острие клина — кокон, в котором угадывается спеленутая человеческая фигура, в арьергарде — кое-как перехваченные «простынями» искореженные части дископлана. Процессия скрывается в озере, и, как всегда, оживают приозерные уступы.

Голос Савина: «А в это время автомат у Белого озера фиксировал вот такую картину... В связи с общей тревогой мы не перезаряжали кассеты, и автомат снимал, пока не кончилась пленка... Уже «днём».

Смена кадра. Все залито яркими зелеными лучами, которые, многократно отражаясь в полированном камне террас, разбрасывают над озером широкие трехцветные радуги. Террасы пустынные, неподвижны острые пики скал вокруг, только свет дрожит и колеблется на острых скалах. И озеро беспокойно, оно вздувается и опадает, словно дышит тяжело. Берега его теперь почти вровень со средней террасой. И вдруг озеро рывком уходит внутрь себя, словно проваливается до старой отметки. На обнажившемся нижнем уступе лежит человек в блестящем комбинезоне и прозрачном шлеме. А рядом — перевернутый вверх лыжами дископлан. Проходит минута. Человек пошевелился. И темнота.

Голос Савина: «Пленка кончилась, и мы не увидели

весьма существенной детали — как Антропов сумел в одиночку поставить на лыжи двенадцатитонный дискoplan. А он сделал это. Через 16 часов 7 минут после взрыва и своей предполагаемой гибели Антропов вернулся на биостанцию самостоятельно в исправной машине. О том, что было с ним после взрыва, — не знает. Очнулся на берегу Белого озера «днем». Сел в машину и прилетел. «Простыней» не видел. Эту пленку с автоматом на верхней террасе — захватил по дороге.

...Медицинский кабинет. Антропов с каким-то лихорадочным упоением демонстрирует врачам грудь, спину, живот. Врачей — трое, все молодые, и вид у них несколько растерянный. Антропов сложен великолепно, при каждом движении под кожей перекачиваются мышцы, словно на анатомической модели. На коже — ни одного шрама, ни одной царапины...

Теперь Антропова осматривают уже четверо. Он возбужден и недоволен, но надевает какие-то датчики, ложится на раскладные кушетки, становится под раструбы массивных аппаратов. Торопит врачей, которые, по его мнению, нетерпимо медлительны. Крупно вспыхивают десятки цифр, кривые, графики, рентгено снимки, инфраграммы...

Голос Савина: «Антропов казался прежним — и снаружи, и внутри, как доложили медики. Здоров, в психике — никаких отклонений, никаких намеков на травму. По-прежнему малость авантюрист, малость задира и большой говорун. Биостанция ликовала, радуясь и чудесному спасению товарища, и неожиданному открытию. Химики с ходу соорудили «теорию живой воды» и уже стали разрабатывать технологию ее синтеза на Земле. Только Медведев не поддался общему энтузиазму. И он оказался прав».

Снова медосмотр. Что-то в одном из анализов заинтересовало врачей, отвлекло от Антропова. Рассерженный, он что-то говорит им, выставляет вперед руку с растопыренной ладонью. Лицо его наливается кровью

от напряжения, глаза останавливаются на собственных пальцах. Между пальцами что-то вспухает, растет, заостряется, а в напряженных зрачках Семена — сумасшедшинка мастера, лепящего фигурку из глины.

Белеют за голым плечом лица врачей. На протянутой вперед руке Антропова — пальцев больше обычного...

Первая половина фильма не произвела на Карагодского особого впечатления. Он подумал только, что иронией судьбы кинобоевики бывают иногда достовернее самой жизни. Хорошие, по крайней мере. Взять хотя бы это ЧП на Прометее. Талантливый режиссер наворотил бы из него вестерн, и зрители поседели бы от ужаса.

Таинственная планета, авария, привидения, воскрешение из мертвых... А ты вот сидишь, смотришь бесстрастно бесстрастные пленки и в душе ругаешь себя за неспособность проникнуться чужой радостью и бедой.

Виновны автоматы. В их объективах, как под взглядом посредственности, живая жизнь увядает, становится схемой. Они равнодушны, посредственности и автоматы, в этом их беда. Им все равно, что вокруг — смерть или праздник. Они подчиняются только заложенной в чреве программе.

А человек...

Тот, кто вышел из голографического экрана, уже не был человеком. У него был приятный голос, он говорил внятно, правильно и убежденно, говорил с юмором и доказательно — но ЧТО он говорил!

Тот, кто был когда-то Антроповым, сидел на металлической лавке в оранжерее. У нее была «подзарядка», и он использовал вынужденную неподвижность для дискуссии, которая звучала как проповедь. Над ним, чутко следуя за зеленым диском солнца, колыхались на мускулистых стеблях веерообразные листья. Несколько

рук, каким-то чудом втиснутые в плечевые суставы, все время что-то делали, демонстрируя необыкновенные способности владельца: сгибали оголенный кабель под током, переливали из ладони в ладонь то концентрированную кислоту, то расплавленный металл. Ноги пока не были нужны, и Семен сделал из них два тугих сплетения корней, уходящих в оранжерейную почву.

И страшно было видеть среди неправдоподобных, неприемлемых разумом и чувством нагромождений невероятной плоти лицо Антропова, не тронутое переделками. Оно, красивое и слегка самонадеянное, воспринималось отдельно, оно словно было украдено и насильно пришито к этой живой горе.

«Сейчас он еще вполне симпатичен, — прокомментировал Савин. — Теперь он перед каждым «пересозданием» делает предварительный эскиз и расчеты по анатомическим справочникам. А вот когда он конструировал себя «по вдохновению»... Впрочем, художнической жилки у него никогда не было».

А Семен проповедовал «свободу формы». Он критиковал человечество за то, что, увлекшись техническими революциями, оно напрочь забыло другие пути самосовершенствования. Поставив во главу угла интеллектуальный рост, оно забыло, в какие непрочные и несовершенные сосуды заключено его творческое могущество. И как результат, появилась пропасть между желанием и возможностью. И пропасть эта все время растет, потому что растут желания человека пропорционально его знаниям, а возможности по-прежнему ограничены биологическим барьером, физическим несовершенством человеческого тела. И пытаться одолеть эту пропасть техническим прогрессом — все равно что пытаться догнать свою собственную тень, когда солнце светит в спину.

— Надо повернуться лицом к солнцу, — Семен выразительно покачал своими листьями-опахалами.) — Надо свободно изменяться, принимать любую форму,

которую только пожелает мозг. Подумайте только, какие горизонты откроет «свобода формы» для человечества!

— Говорят, распад психики, — пробурчал Пан. — Вещает, как Заратустра.

Карагодский покосился неодобрительно. Ему было жаль Антропова.

А Семен снова гнул кабель под напряжением, переливал в ладонках расплавленный свинец, резал ногтем стекло — открывал новые горизонты.

И как у всякого провозвестника, нашлись бы, наверное, у Семена последователи, раскрой он секрет «раскрепощения плоти», принцип «самоконструирования тела». Но раскрыть этот секрет Семен не мог не потому, что не хотел, а потому, что не знал. Сам он «создавал» и «пересоздавал» себя по желанию или чьей-либо просьбе, но каким образом желание материализуется в соответствующие клетки, ткани и органы, он не знал.

Не знали этого и товарищи Семена, хотя пытались узнать самоотверженно и настойчиво, ловя буквально каждый шаг, каждое движение, дыхание Антропова, вторгаясь в сокровенное остриями анализаторов и датчиков, просвечивая каждую клетку и дежуря у каждого нерва. Они уже перешагнули заповедные межи медицины, биологии, физиологии, психологии, они уже вышли на целину недавно созданных и еще не созданных «логий», они уже бродили в пустыне, где «логии» окончательно порывают с логикой и здравым смыслом.

«Мы узнали очень немного, — продолжал комментировать Савин. — Но даже это немного рассыпалось на частности, не хотело укладываться ни в какую систему. Заметили, к примеру, что способность к метаморфозам сильнее в период черного солнца. Доказали, что расход энергии на метаморфозу равен полученной предварительно извне, следовательно, процесс самомутации автономен. Определили, что в момент метамор-

фозы. внутриклеточная жидкость превращается в «плотную воду» — вещество, из которого состоит Белое озеро. Установили — и это, пожалуй, самое важное, — что процесс материализации мысленного приказа идет через появление в организме сложных нейтринных структур, прежде не наблюдавшихся ни на Земле, ни в исследованном космосе. Механика их образования и последующего перехода в статичные атомные структуры выходит за рамки существующих в данное время фундаментальных теорий...»

Да, ученые старались. Все внешние исследования почти прекратились, службу несли лишь автоматы наблюдения. Работа затерянной среди космических пространств биостанции сфокусировалась в одной точке. И не только страсть к познанию, не только тяга к «новым горизонтам», не только настойчивые менгограммы Земли смыкали круги добровольных круглосуточных дежурств.

Изредка — все реже — у Семена наступала ремиссия, короткие часы просветления. Он замолкал на полуслове и забивался куда-либо подальше от глаз, в укромное место. Там он возвращался в прежнее тело и подолгу, с удивлением и страхом рассматривал себя. И думал долго, мучительно.

В эти часы все на станции говорили почему-то шепотом. И называли Семена только по фамилии. И, нарушая закон сохранения энергии, находили в своих несовершенных, закрепощенных организмах неожиданные новые силы для продолжения поиска.

Выводы Медведев излагал, словно вбивал в доску кривой гвоздь:

— Все вышеизложенное с высокой степенью достоверности позволяет предположить, что планета Прометей и расположенная на ней биостанция находятся в зоне действия экспериментов некоего самостоятельно творческого начала, которое принято именовать «иным разумом». До сих пор эти эксперименты ограни-

чивались направленными мутациями низших организмов и созданием животного-растительного сообщества, лишенного борьбы за существование.

Гибель и последующее «воскрешение» Семена Антропова, а также обретенная им способность «переконструировать» свое тело свидетельствуют о том, что предполагаемые эксперименты вошли в новую фазу, включив в себя человека как биологическую систему.

Поскольку мотивы, направления и последствия подобных действий непредсказуемы, планета Прометей стала зоной потенциальной опасности для человека. Вопросы, возникающие в этой связи, носят не столько научный, сколько морально-этический характер, и потому решать их единолично я не вправе.

На мой взгляд, возможны лишь два варианта: либо ликвидировать биостанцию до получения новых данных, либо продолжать исследования силами хорошо информированных добровольцев. Я — сторонник второго варианта, в пользу которого говорит и тот факт, что Антропова, видимо, невозможно эвакуировать на Землю, ибо нет уверенности, что он сможет жить там.

В случае принятия второго варианта прошу Международный Совет Космонавтики и соответствующие организации оставить меня руководителем биостанции и поручить отбор добровольцев...

Скользили по орбитам два странных солнца, качали в невидимой колыбели удивительное дитя — свое ли, приемное ли? — теплом золота, бронзы, кармина и сурика светились циклопические кристаллы и сверкал сквозь вуаль атмосферы бессонный глаз Белого озера...

Карагодский наклонился к Пану:

— Значит, Белое озеро... м-м-м... разумно?

По голосу слышно было, что Пан улыбается в темноте.

— Вы читали «Солярис», а говорите, что не интересуетесь космосом... Я вам могу ответить словами лемовского героя: «То, что проиходит, не имеет ана-

логии с человеческим опытом, мы не знаем причин и вряд ли когда-нибудь их узнаем...» Возможно, тот, «киной разум» считает, что облагодетельствовал Семена Антропова, дав ему поистине божественное преимущество перед остальными людьми. А Семен хочет назад — снова быть таким, как все. Или вперед — чтобы все были, как он. Середина для него — хуже смерти...

— Но где же он, этот таинственный разум?

— Вениамин Лазаревич, ничего не могу вам предложить, кроме досужих домыслов. На мой взгляд, Белое озеро не подходит — оно слишком мало и однородно для такой сложной субстанции. Сама кристаллопланета? Такая «рабочая гипотеза» есть, и от нее не отмахнешься; ведь человек, по сути дела, сложное сообщество жидких кристаллов, между биологическими науками и кристаллографией сейчас намечаются весьма интересные параллели... Сам Савин считает, что цитадель искомого разума — где-то около центра Галактики, а кристаллопланеты — что-то вроде биоразведчиков, с которыми хозяева связаны через Белые озера... Все это, повторяю, домыслы, а не факты.

— Но высший разум...

— Стоп. Так мы не договаривались. Почему высший? Только потому, что он делает искусственные планеты? А может быть, ему требуется для этого такой же уровень самосознания, как неандертальцу, копающему яму для мамонта?

Дважды звякнул автостоп проектора, возвестив конец фильма. Рубиновый экран смял и смешал призрачные видения и поглотил единым вдохом, как горловина компрессора.

Каютой овладело солнце. Сноп горячих, ощутимо плотных золотых лучей ворвался в иллюминатор, переломился в зеркале и ударил по темным углам, награв

див каждый предмет, каждую мелочь точностью очертаний и длинной дрожащей тенью.

Карагодский прикрыл глаза, наслаждаясь. Тревожные химеры ушли, растворились, вопросы, зияющие, как неожиданная пропасть под ногой, отодвинулись на миллиарды километров от этой каюты, от этого горячего, привычного солнца. Здесь была Земля, здесь человек до сих пор чувствовал себя хозяином, и, как бы ни изощрялся Пан в словесной казуистике, он останется хозяином до конца. Это — в крови, иначе быть не может. Как вообще можно иначе?

Но ему вдруг вспомнились умоляющие глаза «бога Семена» — его странное и страшное нечеловеческими возможностями тело, глаза с немим вопросом: «Зачем? Зачем со мной это сделали? И почему — со мной?»

И смотрели на Карагодского глаза дельфинов — сколько промелькнуло их за долгие годы! — немигающие, полные своей думы и тайны. Кажется, в них тоже проскальзывало настойчивое «зачем». Но такого вопроса нет в ДЭСПе.

Так нельзя. Божье — богу, кесарю — кесарево. Нельзя объять необъятное. Пусть каждый делает свое дело. Что еще? По одежке протягивай ножки, кстати, «одежку», то есть научно-исследовательское судно «Дельфин», Пан получил не без помощи Карагодского. Не говоря об Уиссе...

— Чудесный сюжет для фантастического романа, — Карагодский начал атаку с фланга.

— Согласен. Только это не фантастика, к сожалению. Для биостанции на Прометее, во всяком случае.

— Когда вы закрутили фильм, я решил, что у дельфинов нашлись космические прародители...

— Не исключено.

Карагодский поднял брови. Шутка, конечно, получилась топорной, но этот заполошный Пан принял ее всерьез.

— Вы этолог, Иван Сергеевич, это ваш хлеб — вы-

яснять отношения животных друг с другом, а также с человеком. Мой хлеб — дельфинология, меня интересуют дельфины, больше никто и ничто. Я — сугубо земной человек, узкий специалист, практик. Я создал ШОДы и ДЭСы, они стали частью народного хозяйства. Статьей дохода, если хотите. И немалого. И нам с вами не бороться с ними надо, а совершенствовать. Как говорится, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Вы что улыбаетесь?

В середине этой тирады Пан оторвался наконец от иллюминатора и повернулся к академику и теперь рассматривал его в упор с живейшим и насмешливым интересом.

— Ничего, продолжайте. Я первый раз вижу вас в роли бедного родственника.

— При чем тут бедный родственник? Я слуга. Слуга народа. Все, что я делаю, принадлежит народу и никому более...

— Я могу повторить то же самое и о себе. Дальше!

— Вам, чистым ученым, наши проблемы и заботы кажутся частными, мелкими. Еще бы — вы мыслите в масштабах глобальных, космических...

— Понял. Дальше!

— А здесь — Земля. Здесь свои традиции и законы.

— Значит, вы предлагаете установить две моральные нормы: одну для внутреннего употребления, другую для внешнего. Представьте себе страну, которая вовне проповедует идеалы добра и терпимости, а сама насаждает рабство. Можете вы себе представить такое?

— Далось вам это рабство!

— Ну, хорошо — не рабство, пусть это называют понаучному «антропоцентризм».

Карагодский прикусил губу, передохнул. Профессор снова тянет в болото философии. В ней он дока, ничего не скажешь. Но и Карагодский не зря получил звание академика.

— Сдаюсь, Иван Сергеевич, сдаюсь. Наш с вами

спор напоминает поединок Геракла с Антеем. Вы — Геракл в своей области, отдаю вам должное. А я — грешный сын Земли, стоит вам оторвать меня от нее, вы можете задушить меня, как цыпленка. Прошу пощады. Или ваше великодушие касается только животных?

Великая штука — лесть. Даже Пан помягчел, заулыбался смущенно, сел в кресло, внезапно успокоенный.

А Карагодский продолжал вкрадчиво:

— Конечно, наши проблемы мелковаты...

— Вениамин Лазаревич, не нравится мне это: «наши» — «ваши». Мы с вами, как говорится, в одной лодке...

— Вот именно, Иван Сергеевич, вот именно. Но чтобы изложить вам свои заботы, я тоже должен вернуться к событиям двухлетней давности. Вы помните, как попал к вам Уисс?

— Разумеется! Вы мне как-то сказали, что в одной из ШОД появился некий феноменальный образец, возможно, мутант и вы не знаете, что с ним делать, потому что он перебаламутил всю школу. Я забрал его себе, в лазаревскую акваторию, и вот... Кажется, я уже неоднократно благодарил вас за такой подарок, но если надо...

— Да что вы, Иван Сергеевич, я не о том! Мы действительно не знали, что с ним делать... Дело в том, что он не только перебаламутил, но и разогнал весь сто восьмой ШОД. Все дельфины, как один, покинули школу. А Уисс остался. И вел себя так, что у ночного сторожа начался психический стресс: он то слышал какую-то неведомую музыку, то непонятные слова, то видел каких-то чудищ и множество морских звезд, которые танцевали на дне бассейна. Мы пытались выгнать Уисса, даже ультразвуковую сирену включали, но он упорно лез к людям...

— Интересно... Вы знаете, это потрясающе инте-

ресно! Что же вы мне тогда ничего не сказали? Мы бы не блуждали так долго в потемках!

— А что я мог сказать? Что поймал сумасшедшего дельфина?

— Как раз это вы и сказали. А вот про сторожа...

— При чем тут сторож?

— Ну хорошо, теперь это не имеет значения. А что дальше?

— А дальше... Вам лучше меня известно, что у дельфинов нет вожakov. Полная, так сказать, демократия без границ и края.

— Ну, не совсем...

— Да, в дельфиньем стаде живет одновременно десять-двенадцать поколений, и в минуту опасности или просто в необычных обстоятельствах старшие самцы и самки берут руководство на себя...

— То есть стадом руководит опыт и разум, а не сила, как в животном мире. Да и в человеческом до недавнего времени...

— Да, да... Но в обычной обстановке вожakov в стаде нет. Так?

— Так.

— Но вот появляется Уисс — и все меняется. Достаточно ему свистнуть — стадо в двести голов, рискуя жизнью, перелетает через оплетенную колючкой стенку бассейна и уходит в открытое море...

— На стенке — колючая проволока?!

— Колючая проволока предназначена для касаток, которые могут запрыгнуть в бассейн, — мы защищали дельфинов!

— Все равно... А, ладно, что спорить. Продолжайте.

— Я, собственно, уже почти все сказал. Связано или не связано это с появлением Уисса — не знаю, но в последние два года дельфины стали сторониться ШОДов. Участились случаи бегства и неповиновения.

Больше того — несколько раз дельфины отказывались загонять косяки.

— А вы спросили их почему?

— В ДЭСПе нет такого слова... Но я, кажется, начинаю догадываться почему. У дельфинов есть вожаки. Сколько их — неизвестно. Но они есть. И они настроены против человека. Они намеренно вызывают беспорядки в ШОДах, провоцируют неповиновение и бегство в открытое море. Все остальные дельфины слепо им повинуются... Я никому не говорил до сих пор о своих догадах. Вы — первый, с кем я делюсь.

— О, Карагодский, вы неисправимы...

— Погодите. Вы единственный, кто сейчас может помочь, Иван Сергеевич. Не мне, а всему нашему общему делу. Вы наладили контакт с Уиссом, и это очень обнадеживает. Надо приручить вожakov, заставить их действовать не против нас, а за нас. Тогда мы получим поистине неограниченную власть над дельфиньим племенем. Вам не нравятся ШОДы — реорганизуем их. Вам не нравится ДЭСП — будем действовать музыкой. Но подумайте, какие перспективы!

— Перспективы... — В глазах Пана задрожали синие угарные огоньки. — А я вот не могу обещать никаких перспектив. Одни только неприятности, да и то если повезет. А вы мне предлагаете ни больше ни меньше как роль дельфиньего диктатора! Как тут не согласиться?!

— Вы на самом деле согласны?

— Согласен! Но с одним условием — сначала я доведу до конца то, что задумал, ради чего работал, ради чего мы сегодня на борту «Дельфина». И если после всего вы повторите свое предложение — я соглашусь.

— Чего же вы хотите, если не секрет?

— Теперь не секрет. Я хочу доказать существование дельфиньей цивилизации, гораздо более древней,

чем человеческая, существование сообщества разумных существ, параллельных человечеству и всем непохожих на них. Я хочу доказать, что у нашей планеты не один, а много хозяев. Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться, чтобы оглянулся вокруг глазами мыслителя и художника, а не голодного дикаря. Я хочу...

Затрезвонил корабельный видеофон. Рука Пана, взлетевшая в патетическом жесте, метнулась к панели. На экране появилось взволнованное лицо Нины.

— Иван Сергеевич, скорее, Уисс...

Она заметила Карагодского в кресле, замаялась, смутилась и вопросительно глянула на Пана.

— Говорите, Ниночка, говорите. Вениамин Лазаревич почти в курсе дела. Что стряслось?

— Уисс вызывает вас.

— Как, уже?

— Да. Он очень торжественный и загадочный — передает в основном в синих и лиловых тонах. Мы подошли к какому-то острову, и Уисс попросил бросить здесь якорь.

— Бросить якорь?

— Конечно. — Нина засмеялась. — Он показал нам якорь и как он падает в воду. Очень просто.

— Хорошо. Сейчас мы с Вениамином Лазаревичем придем.

Профессор глянул на Карагодского, потер лоб.

— О чем это я? Да, ШОДы в таком случае отпадут сами собой. А ДЭСП на первых порах может пригодиться... Впрочем, это уже детали...

Пан засуетился вокруг стола, собирая записи. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на одержимого — растерянный, с трясущимися от волнения пальцами.

Цивилизация дельфинов! Ай да профессор! Любопытно будет полюбоваться.

И снова увидел Карагодский немигающие глаза

своих подопытных, и что-то вроде страха шевельнулось в душе: а вдруг...

Карагодский неохотно поднялся из уютного кресла, оправил костюм, пригладил волосы перед зеркалом. «Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться...» Чудак, музейный экспонат.

— Иван Сергеевич, если это не такая большая тайна, то куда мы все-таки плывем?

— Это не тайна.

Пан наконец собрал свои бумаги.

— Это не тайна, Вениамин Лазаревич. Я сам не знаю. Нас ведет Уисс.

Профессор снял с дверной ручки галстук и, сунув в карман, открыл перед Карагодским двери.

6. ПРЕРВАННАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Центральная лаборатория, или, как величал ее Пан, «операторская», располагалась на полубаке. Три стены и потолок были сделаны из прозрачного, почти невидимого поляризованного стекла, и большой, суженный к носу зал казался выдвинутой в море площадкой. В хорошую погоду боковые стены и потолок убирали, и лаборатория на самом деле превращалась в площадку, защищенную от встречного ветра и взлетающих из-под форштевня брызг плавным выгибом передней стенки.

Сейчас были убраны только боковины, а потолок, в толще которого по мельчайшим капиллярам пульсировала цветная жидкость, превратился в желто-зеленый светофильтр.

Впрочем, ослепительную улыбку Гоши, молоденького капитана «Дельфина», не могли погасить никакие светофильтры. Он небрежно бросил под козырек два пальца и лихо отпартовал Пану:

— Шеф, все нормально. Координаты — 36 градусов 10 минут северной широты и 25 градусов 42 минуты вос-

точной долготы. Лощман требует отдать швартовы у этого каменного зуба. Жду приказаний.

Первую неделю плавания, первого самостоятельного плавания после окончания мореходного училища, Гоша провел в неприступном одиночестве на капитанском мостике. Его новенький китель вспыхивал там с восходом солнца и гас на закате.

Через неделю гордое одиночество приелось общительному капитану. Его немногочисленная команда — штурман-радист, механик и два матроса — отлично несла службу, штормы проходили стороной, приборы работали безукоризненно, и вот позади осталась ленивая зыбь Черного моря, узкое горло Босфора и утренним маревом встало Мраморное море.

Словом, вторую неделю бравый «кэп» провел на верхней и нижней палубе. С видом суровым и занятым он бесцельно слонялся среди своего налаженного хозяйства, искоса наблюдая за суматошными буднями. «Ученые братья» оказались отличными ребятами, и поэтому однажды капитан не выдержал, снял китель и фуражку, засучил рукава и стал помогать аспиранту Толе опускать за борт какую-то замысловатую штуковину, похожую на большого ежа.

Но окончательное «падение» капитана произошло в начале третьей недели, когда он впервые переступил порог «операторской». С тех пор штат центральной лаборатории увеличился на одного добровольного ассистента.

Вот и теперь Гоша был первым, на кого наткнулись Пан и Карагодский, едва открыв дверь «операторской».

— Стоп! Назад помалу! — в тон Гоше ответил Пан. — Сначала обстановку. Что это за остров?

— Остров? — Гоша презрительно сощурился. — Вы считаете это островом, шеф? Да этого камушка нет, наверное, даже в лоции... А название... Впрочем, сейчас скажу точно...

Островок на самом деле был неказистый. Даже не

островок, а невысокая конусообразная скала, сверху донизу поросшая темно-зеленой непролазной щетиной колючих кустарников и трав, из которой робко тянулись редкие кривые стволы дикой фисташки, кermесового дуба и земляничного дерева.

Ветер тянул слева, со стороны скалы, и к привычным запахам моря примешивались пряные, дурманные ароматы шалфея, лаванды и эспарцета, словно открылись внезапно ворота большой парфюмерной фабрики.

Гоша с треском захлопнул объемистый телеблокнот с голубым эластичным экраном, последнюю новинку изменчивой моды, и снова повернулся к Пану, который с любопытством продолжал изучать остров. Этот зеленый конус напоминал ему что-то мучительно знакомое...

— Согласно самой последней лоции Эгейского моря этот каменный прыщ именуется весьма величественно и совершенно непроизносимо — дай бог силы! — ОНРОГКГА-989681, что в переводе на нормальный язык значит «Отдельный надводный риф островной группы Киклады Греческого Архипелага...». А шестизначная цифра означает не что иное, как порядковый номер этого самого ОНРОГКГА среди подобных ему чудес природы. На месте нашего уважаемого лоцмана я бы выбирал стоянки посимпатичней. Тем более что пришвартоваться к этому чуду нет никакой возможности — он круглый, как медуза.

— Действительно, круглый... — задумчиво пробормотал Пан, последний раз внимательно оглядывая островок, и шагнул к Нине. — Ну что Уисс? Передавал еще что-нибудь?

— Вот последняя запись, Иван Сергеевич...

Нина и Пан наклонились над контрольным окном видеоманитофона, послушались свисты, то похожие на обрывки странных мелодий, то режущие ухо диссонансами. По лицам профессора и его ассистентки засколь-

зили тени. Гоша тоже уставился в окошко, все трое о чем-то говорили вполголоса.

Расспрашивать, о чем они говорят, Карагодскому не хотелось, поэтому академик, прислонившись спиной к стене и упираясь обеими руками в трость, разглядывал пока «операторскую».

Академик заходил сюда три недели назад и остался весьма доволен скромным изяществом и своеобразным уютом лаборатории: поблескивали никелем и пластиком новенькие пульта, с мягким щелчком появлялись на них выдвижные полуovalы экранов, стояли динамические кресла, услужливо повторявшие любую позу человека...

Но сейчас от благолепия центральной лаборатории ничего не осталось. Скрытая проводка была безжалостно выворочена из стен, внутренности пультов вывернуты, и защитные щитки кучей валялись под ногами. Разноцветная паутина кабелей либо висела над головой на каких-то самодельных прищепках, либо путалась под ногами. Чудесные покойные кресла были заменены какими-то легкомысленными стульчиками. Лишь одно кресло осталось — на самом носу, чуть ли не над водой, но и его буйная фантазия электроников превратила во что-то среднее между электрическим стулом и высокочастотным душем. Других ассоциаций таинственное сиденье с параболой антенны на спинке не вызывало. А тощие ноги того, кто устроил весь этот погром, — трижды безответственного аспиранта Толи — торчали из бывшего электрооргана.

— Готово!

Толины ноги беспомощно заскребли по полу, зацепились за стойку винтового стула, судорожно согнулись — и Толя, в плавках и в белом распахнутом халате, накинутом прямо на жилистое тело, оказался перед Карагодским.

— А, это вы! Привет! Пришли пощупать наше хо-

зьяйство? Давайте, давайте! Давно пора. Пан с Ниночкой тут такую чертовщину крутят, что ахнешь. Даже меня в пот вогнали. Но вы смотрите, Пана не обижайте! Он бог! В своем деле, конечно...

Решив, что разговора «для вежливости» с Карагодского вполне достаточно, Толя прикрикнул на троицу, склонившуюся над видеоманитофоном:

— Эй, орлы! Хватит баланду травить! Моя система готова к переговорам на высшем интеллектуальном уровне! Начали, что ли?

И поскольку Пан, Нина и Гоша не обратили на него никакого внимания, он взял на электрооргане несколько пронзительно высоких звуков, от которых мгновенно заложило уши:

— У-и-с-с!

И тотчас же словно ответило далекое эхо — такой же аккорд, слегка погашенный расстоянием, донесся из-за острова.

А двумя минутами позже справа по борту из голубой кипени бесшумно вырос трехметровый зелено-коричневый столб. Карагодский за свою жизнь немало насмотрелся на дельфинов, но это всегда поражало — гигант, весящий в воздухе не меньше тонны, без видимых усилий стоял на хвосте, погруженном в воду, словно для него не существовало законов физики. По очереди глянули на академика два озорных глаза, скользнули по лаборатории и снова остановились на нем, разглядывая, внимательные, немигающие. На самом дне их царила такая нечеловеческая спокойная сила, такое пронзительное понимание, что Карагодскому невольно захотелось отвернуться.

— Уисс, миленький, рыбки! Бе-лу-га!

Гоша перегнулся через фальшборт, молитвенно протягивая Уиссу перевернутую капитанскую фуражку. Уисс открыл клювообразный рот и скрипуче захотал, вибрируя напряженным телом.

— Гоша, сколько у вас было в школе по геогра-

фии? Вы же знаете, что в Эгейском море белуги нет.

— Там все есть, Ниночка, — убежденно ответил Гоша.

Дельфин исчез внезапно, как и появился, а Нина всерьез напустилась на капитана:

— Вечно вы, Гоша, нарушаете программу! Вы же вчера обещали прекратить, а сегодня — снова. Вдобавок при Вениамине Лазаревиче, а ему, быть может, некогда...

Гоша виновато расшаркался. Пан в одиночестве принялся гонять видеозапись, не замечая ничего вокруг.

Академик хотел было подойти к Пану, но в это время раздался сильный всплеск, и что-то большое, серебристое пролетело перед самым носом, глухо шмякнулось на пол.

— Нина... Белуга! Честное слово, белуга! Молоденькая! Крошка!

«Крошка» метровой длины яростно билась в цепких Гошиных руках, разевала зубастый полулунный рот и отчаянно раздувала жабры.

— Что случилось? — поднял голову Пан.

— Уисс принес белугу. Ну и ну! Артист... Спасибо, старик! Мы ее сейчас того... до камбуза!

И Гоша ринулся вниз, едва не сбив по дороге какого-то очень высокого, очень худого и очень смуглого человека, который предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Вот заполоха, — одобрительно ухмыльнулся Толя. — Так, Иван Сергеевич, у меня все на мази. Можно крутить!

— Ладно, Толя, спасибо. Где же Кришан?

— Я давно здесь, — раздался за спиной Карагодского глубокий чистый баритон. — Я готов. Давно готов.

— Композитор Кришан Бхаттачария, — торопливо

представил Пан смуглого Дон-Кихота. — Наш главный лингвист и толкователь дельфиньего эпоса. Вам интересно будет поговорить с ним, Вениамин Лазаревич.

И Пан юркнул в путаницу проводов, как в джунгли.

— Вам, вероятно, несколько странно присутствие гуманитария в сугубо научном обществе. — Кришан говорил с легким акцентом, который подчеркивал необычную красоту его голоса, густого и темного.

— Откровенно говоря, да...

— Я вас знаю. Вы — автор ДЭСПа. Но мистер Панфилов пошутил, назвав меня лингвистом. Я всего лишь музыкант. И очень смутно представляю себе научную сущность проблем, которые здесь решаются.

— Хочу вас спросить. Я десять лет искал возможности двусторонней связи с дельфинами. И я сразу, разумеется, обратил внимание на то, что они прямо-таки шалают от музыки. Услышав музыкальную фразу, они повторяют ее с магнитофонной точностью, потом начинают варьировать звуки, пока фраза не превратится в сплошной скрип и скрежет...

— А вам не приходило в голову, что дельфин старается таким способом понять, что сказали вы музыкальной фразой?

— Нет. Не приходило. Музыка для меня — это игра отвлеченных эмоций, и только.

— В какой-то мере вы правы. Именно так воспринимает музыку большинство людей. Потому что в обыденной жизни они пользуются иной «сигнальной системой» — словом. Но для музыканта музыка гораздо конкретней, чем обычно думают. Знаете, в консерватории мы иногда ради шутки устраивали «немые недели» — участники спора договаривались за всю неделю не произнести ни слова, объясняться можно было только му-

зыкальными импровизациями. И знаете — получалось! Словно родился дельфином!

— Дельфином?

— Простите, я, быть может, путаю какие-либо научные тонкости, но так мне объяснял Пан — у дельфинов несколько «сигнальных систем»: одна подсобная, что-то вроде нашего упрощенного словесного языка, вторая — творческая, непосредственный обмен мыслями... Есть и другие, например пента-волна, которой занимается Нина... Но я занимаюсь второй «системой»: музыкой, мыслями. Уисса. И мы с ним неплохо начинаем понимать друг друга...

— Следовательно, вы считаете, что дельфины мыслят непосредственно музыкальными образами? Как композиторы?

Кришан не уловил тонкой иронии, которую вложил академик в свой вопрос. Он хрустнул пальцами, вывернув их под прямым углом, и ответил простодушно:

— Безусловно. Их метод мышления близок к древнеиндусской музыке, вернее, к «сангиту» — таким термином обозначают у нас единство пения, инструментальной музыки и линейно-цветового движения танца. Вот вы говорили — в музыке нельзя передать конкретный образ. У нас в Индии вас бы засмеяли. Наша древняя музыка сугубо конкретна, даже слишком. Древние произведения делятся на большие и малые «рачи» — нечто вроде музыкальных иероглифов, описывающих предметы и события. Но каждую «рачу» тем не менее можно исполнять по-разному, толковать ее в своем ключе, добавлять или изменять детали. Таким образом, каждый раз индус видит в исполняемом произведении не условные, а конкретные факты и вещи... Впрочем, европейцу это трудно объяснить...

— Дельфину легче?

И опять Кришан не понял иронии.

— Да, дельфину легче. Они мыслят сходными цветочными музыкальными иероглифами. Такие иеро-

глифы можно записать нотами, составить словарь понятий не только простейших, но и очень сложных, даже фантастических с точки зрения человека... Моя мечта — написать с помощью Уисса «Подводные веды» — исторический эпос жизни океана... Это будет открытие второй Земли — цивилизации гениальных музыкантов! Это будет революция в музыке!

И Кришан с удвоенной силой принялся разгибать сухие длинные пальцы, словно акробат, готовящийся к смертельному номеру.

Карагодский кивнул вежливому индусу, который заторопился к электрооргану, и снова остался в одиночестве.

— Итак, товарищи. — Голос у Пана внезапно охрип. — Мы начинаем наш первый опыт по расшифровке тайн дельфиньей цивилизации. Путь наш к сегодняшнему дню был долог и нелегок... Но день сегодня ясный! Мы должны видеть то, чего не видел еще ни один человек на Земле... Впрочем, возможно, все будет проще... Ну что там... Мы верим в тебя, Уисс!

Кришан опустил пальцы на клавиши, раздался резкий пересвист, оборвавшийся почти сразу, и ничего больше, хотя пальцы композитора продолжали нажимать черно-белые плашки. И точно ватой заложило уши.

«Ультразвук, — сообразил Карагодский. — Музыка передается Уиссу в ультразвуковом диапазоне».

Пан потянул Карагодского за рукав:

— Сюда, Вениамин Лазаревич, сюда поближе, на этот стульчик.

Над пультами раскрылись веера экранов. Карагодский и Пан уселись около двух центральных, отливающих туманной зеленью. Посерьезнел над видеомангитофоном даже разбитной Толя. Нина сидела чуть впереди, и перед ней рубиновой россыпью горел овал голографической проекции.

Кришан надел наушники. Его смуглый лоб блестел,

индус вслушивался во что-то, доступное ему одному. Немного помедлив, импровизировал ответ, и ритм неслышимого разговора соответствовал ритму прибоя, бьющего в скалистые стены острова.

— Следите за экранами... Кстати, вы заметили на голове Уисса телепередатчики? Такую маленькую красную коробочку? Нет? Ну ничего... Здесь, на левом экране, мы увидим все, что увидел бы человек на месте Уисса с помощью телепередатчика. А на правом — то, что видит Уисс...

— Каким образом?

— Разве Кришан не объяснил вам? Ультразвуковой преобразователь плюс цветомузыкальная приставка плюс визуальный вход-выход ЭВМ... В ЭВМ словарь образов-понятий, чтобы Уисс мог не только показывать, но и комментировать увиденное...

— Фильм с комментариями?

— По-видимому. Я знаю не больше вашего. Уисс обещал показать историю дельфиной расы или что-то в этом роде. А как — я не знаю.

— Солидный ответ солидного ученого...

— Бросьте вы, Карагодский. Смотрите лучше.

Уисс, вероятно, плыл по поверхности, и пока изображения на обоих экранах мало различались, если не считать того, что дымчато-голубое небо в подпалинах облаков на правом экране было неестественно выпукло и заключено в темно-синий круг, словно смотришь со дна колодца сквозь сильное увеличительное стекло. Так продолжалось минуты три.

— Откровенно говоря, Иван Сергеевич, меня мучает еще один каверзный вопросик — «зачем ума искать и ездить так далеко», как говаривал Грибоедов... Какая надобность забросила нас в Эгейское море? Если вы с Уиссом так хорошо понимаете друг друга, почему бы не устроить историко-философский симпозиум где-нибудь поближе? Совершенно бестолковый курс — сотни миль от родных берегов, Эгейское море, Киклады, ка-

кой-то дикий риф — и все в угоду неизвестным устремлениям дельфина, освобожденного от неволи! А может, ему просто размяться захотелось?

— Нет, Карагодский, не зря он привел нас сюда. Не случайно Эгейское море, не случайны Киклады...

Сейчас в зеленом луче солнца, пробившемся сквозь светофильтр, в дрожащих рефлексах от цветовой пляски на экранах, сухое и напряженное лицо Пана напоминало маску шамана, а слова падали как формулы заклятий.

— Эгейское море — колыбель человеческой цивилизации... А Киклады — это загадка в загадке... Здесь родился бог морей Посейдон... Что мы знаем о крито-микенской культуре?

— Я почти ничего. Я не археолог и не историк. Я дельфинолог.

— Но именно на фресках дворца в Киоссе появляются дельфины, несущие души умерших в мир иной...

— Это вполне естественно! Островные жители поклонялись морю, и дельфины были у них священными животными!

— А таинственные подземные ходы, которые вели прямо в море? В одном вы правы: загадка подобна облаку. Один видит в нем храм, другой — ком ваты. Однако я очень советую вам на досуге заняться крито-микенской культурой. Для дельфинолога в ней много любопытного.

— Не хотите ли вы сказать, что крито-микенскую культуру изобрели дельфины?

Пан не ответил, потому что изображения вдруг изменились.

— Иван Сегреевич, Уисс пошел в глубину у самого острова.

— Спасибо, Ниночка, вижу. Кришан, вы сейчас только слушайте — вопросы задавайте в крайнем случае, чтобы не мешать передаче.

Теперь изображения резко отличались друг от дру-

га. Но лишь на первый взгляд. При внимательном сравнении и изрядном терпении можно было уловить сходство между жутковатыми фантазмагориями правого экрана и бесстрастным реализмом левого.

Уисс шел в глубину медленно, и красота подводного мира представляла перед учеными словно в окне батискафа. Прямые лучи солнца, преломленные легкой зыбью на поверхности, медленно кружились туманными зеленовато-голубыми столбами, входя друг в друга, переплетаясь и снова расходясь, оттененные непроницаемым аквамарином фона. Серебристый с черными поперечными полосами морской карась, попав в полосу света, замер, недовольно шевеля плавниками и тараща красный глаз, а потом, не изменив положения, медленно опустился вниз, за пределы зрения телепередатчика. Торопливыми частыми толчками проплыл корнерот, похожий на перевернутый вверх дном белый горшок с цветной капустой. Вслед за ним, закладывая безукоризненно плавный вираж, вылетела суматошная стайка сардин, но, с ходу налетев на ядовитые щупальца медузы, сломала строй, рассыпалась елочным дождем. Теперь корнероту торопиться было некуда, и он повис, облапив неожиданную добычу, чуть покачиваясь в танцующих столбах света.

Правое изображение объективно повторяло все, что происходило на левом. Но что там творилось! В непомерной пустоте, лишенной намека на перспективу, громоздились, наползая друг на друга, непонятные, фантастически искаженные объемы; с мгновенностью удара рождались и гасли загадочные спирали, параболы, сдвоенные и строенные прямые, расползались и съеживались предельно насыщенные цветом неправильные пятна и бледные, едва видимые круги. Бедный карась оказался распластанным минимум на шесть проекций, которые, накладываясь одна на другую, вмиг сконструировали такое чудовище с четырьмя хвостами между глаз, что Карагодский нервно расхохотался:

— Ну и ну! Еще один сумасшедший!

— Что вы сказали?

— Я был недавно у своего друга, известного нейрохирурга. Ему удалось получить уникальные фотографии: как видит мир человек, больной шизофренией. Очень похоже. Может быть, Уисс тоже того? Никакой не вожак, а просто сумасшедший?

— Простите, Вениамин Лазаревич, одну минуту...

Уисс круто пошел вниз. На левом экране заметно потемнело, танцующие столбы исчезли, а сбоку сквозь густую синеву проступило что-то большое и красное.

Пан прибавил усиление.

Большое пятно оказалось подножием рифа в сплошных зарослях благородного коралла. Причудливые, сильно разветвленные кусты всех оттенков красного — от бледно-розового до багрово-черного — полностью закрывали грунт. Искривленные толстые ветки, словно вешним цветом, были усыпаны белоснежными полипами, и между ними сновали торопливые полосатые рыбки с забавно обиженными физиономиями. Изредка среди этого красного сада попадались игрушечные домики органчика и пышные букеты анемон, лениво сплетающих и расплетающих изумрудно-зеленые плети щупалец.

Боком, прячась за камнями, побежал рак-отшельник, таща на раковине двух похожих на шоколадные торты актиний. Морской конек, зацепившийся хвостом за ветку коралла, рассерженно фыркнул на него, сплющив подвижный нос.

Внезапно перед самым объектом со дна что-то полыхнуло, подняв тучу мути. Большие мягкие крылья на миг заняли половину экрана, и большой скат изящными взмахами плавников совсем по-птичьи взлетел над коралловым лесом.

Ручка усиления дошла до предела, а изображение все меркло и меркло, пока не превратилось в сплошную густо-синюю ночь. Уисс уходил все глубже.

— Иван Сергеевич, — раздался тревожный голос Кришана, — Уисс что-то говорит, но я не могу понять...

— Почему?

— Совершенно другая система сигналов. Линейная. Это не рассказ. Это что-то другое. Но что — не знаю. Почему он перешел на другие сигналы? Чего он хочет?

— Это я вас должен спросить, чего он хочет... Дайте звук!

Стонущая, нереальная под этим ярким солнцем, над этим ласковым морем, необычная мелодия полилась из динамика. Да, слух не обманывал — это действительно была мелодия, диковинная, но все-таки понятная сердцу, и столько нечеловеческой грусти и покорности было в ней, что холодели руки.

Нина подалась вперед, к экрану. Бхаттачария разминал пальцы. Пан сидел, стиснув виски ладонями. Присмиревший Толя бесцельно наматывал на руку какой-то желтый провод. Два других лаборанта, оторвавшись от приборов, во все глаза смотрели на Пана с безмолвным вопросом.

А Карагодскому стало вдруг пусто. Он словно увидел себя со стороны — важного, увенчанного званиями и ничего не значащего, потому что ничему не отдавал он целиком всего себя, как Пан...

Левый экран давно погас — с телепередатчиком что-то случилось. А по правому, в алых сполохах, едва уловимые глазом, неслись линии, горизонтальные и вертикальные, то прямые, то ломаные, они сталкивались и сгорали, оставляя мгновенные белые молнии.

— Это говорит не Уисс, — тихо и как-то чересчур спокойно произнес Кришан. — Это кто-то другой. Мне кажется, это спор, — добавил он, помолчав. — Уисс спорит с кем-то. Но если верить гидрофонам, в радиусе десяти километров нет ни одного дельфина, кроме...

Стонущая мелодия оборвалась, сменившись редкими

тихими аккордами, похожими на всхлип волн. По экрану, расходясь, поплыли фиолетовые круги.

— А это Уисс... Его «почерк».

Пан горбился, словно собираясь прыгнуть в зеленый омут экрана. Движение фиолетовых кругов прекратилось, они вошли друг в друга и замерли — шесть колец, вложенных одно в другое, а в самом центре засветилась неверная звездочка. Вот звездочка дрогнула, стала приближаться, и все ярче и острее становились ее точеные лучи. Звезда росла, лучи ее протыкали круг за кругом, и круги исчезали, освобождая путь — первый, второй. Но едва только тонкие острия коснулись третьего круга, что-то случилось: звезда налилась кровью, лучи превратились в судорожно трепещущие языки пламени. Синяя молния прошла звезду наискось, звезда съежилась, расплылась и стала желтым шаром солнца, встающего из моря...

— Кришан! — взмолился Пан. — Что это значит?

— Вероятнее всего, то, что Уисс прекращает передачу по непредвиденным обстоятельствам. А солнце — символ ожидания и надежды. Он надеется на лучшее и призывает нас к терпению.

— Но почему? Что за обстоятельства?

Кришан пожал плечами.

— Остроконечная звезда — это у дельфинов, видимо, символ Знания, движения Поиска. А концентрические круги — это формы Знания, его ступени. Очень сложные «рачи», связанные скорее всего с философскими концепциями, о которых мы не знаем ровно ничего... Вы видели, как, соприкоснувшись с Третьим Кругом, звезда превратилась в горящее пятно — Глаз Гибели, символ опасности... Значит, Знания Третьего Круга таят в себе опасность...

— Для кого — для нас или для них? — спросил Карагодский.

Пан посмотрел на него с удивлением.

7. МАЛЬЧИШКИ

Утро только начиналось, и с прибрежных гор тянуло холодом и сыростью. Только снизу, из серой пелены, от невидимого моря, тянуло уютным домашним теплом.

Юрка остановился в нерешительности перед самшитовой стеной шоссе́йного ограждения. До ближайшего подземного перехода надо было сделать крюк метров в триста, а разве мог он сейчас терять хотя бы одну лишнюю минуту? Джеймс, наверное, уже на берегу. Этот длинноногий англичанин всегда и всюду поспевал раньше других.

Юрка умел пробираться сквозь самшит. Сначала он погрузил в плотную зеленую стену обе руки. Когда коварный кустарник «привык» и острые колючки перестали ранить кожу, он медленно ввел в стену плечо, потом ногу. Самое главное — не торопиться, не «спугнуть» спящие ветки. И еще ни в коем случае не думать, что тебе надо пробраться сквозь изгородь. Потому что — в этом Юрка был уверен — кустарник умел читать мысли. Стоило только подумать о конечной цели, сделать единственное неосторожное движение — и тысячи крошечных зубов вопьются в твои штаны, рубашку, тело и будут держать мертвой хваткой до тех пор, пока ты не рванешься с воплем из зеленой гущи.

Все обошлось благополучно, если не считать одной-двух царапин на щеке. Перед тем как штурмовать вторую полосу заграждений, Юрка с наслаждением потоптался на пустынном полотне дороги. Пластик, влажный от росы, смешно хрюкал под босыми ступнями и приятно грел озябшие подошвы.

Успешно преодолев второй ряд самшитовых зарослей, мальчик вышел к узкому распадку. Огромные деревья с обеих сторон ущелья сплелись вершинами, и под ними было всегда темно. В этой естественной трубе в любую погоду, в любое время дня гудел ветер. Только утром он дул с гор, а вечером с моря.

Заросли в распадке были непроходимы, но мальчи́к знал здесь свою тайную тропу — каменистое ложе ручья. Весной ручей превращался в бурный желтый поток с многочисленными порогами и водопадами, копать в котором, несмотря на запреты, было гораздо интереснее, чем в море. Летом ручей пересыхал, оставляя едва заметную дорожку из гладко отшлифованного камня. Дорожка была небезопасной: на нее выползали иногда юркие маленькие змейки, от укуса которых нога напухала и поднималась температура. Но если ранку сразу расковырять до крови, а потом поболтать ногами минут десять в морской воде... Вы думаете, она заживет? Ничего подобного! Надо после ванны приложить к ранке горячий круглый камешек, обязательно с дыркой посередине, и тринадцать раз повторить вслух: «Змей, не смей!» Вот тогда обязательно заживет.

Спускаясь по тропинке, Юрка чуть не наступил на метрового полоза, который тоже направлялся к морю! Полоз мгновенно свился в разноцветную восьмерку, но с дороги не уполз — мокрая холодная трава была ему не по нраву. Юрка присел на корточки, осторожно дотронулся до полоза — тот вздрогнул и замер. Мальчи́к провел по оливковой, в желтых крапинках и ромбах спине, и змея доверчиво развернулась, Юрка взял полоза в руки, обвил вокруг шеи и вприпрыжку помчался по каменному желобу.

Труба вывела его к самой кромке прибоя, на узкую полоску темной гальки, зажатую между обрывом, наминавшим слоистый вафельный торт, и валунами заброшенного волнолома. Море дышало мерно, и белые лапы прибоя лениво царапали гальку. Только в тяжелые лбы валунов море ухало со всей силы — земля вздрагивала под ногами. За валунами была бухточка, где даже в шторм вода оставалась удивительно спокойной. Здесь они с Джеймсом держали свою моторку и всякие рыболовные снасти.

Но сейчас здесь не было ни Джеймса, ни моторки,

а только обидная записка, придавленная камнем: «Прийти тобой второй рейс. Не можно так длинно спать. Рыба хохочут. Джеймс».

— Рыба хохочут! — передразнил Юрка и показал записке язык. — Веснушка курносая! Зануда! У меня мама скоро кандидатом будет, а все равно всегда просыпает... Длинно спать! Сон — это самое полезное для здоровья. Нервную систему укрепляет...

Полоз сочувственно дотронулся раздвоенным язычком до свежей царапины на щеке. Язычок был холодный и щекотный.

Юрка вылез на валун. Туман уже начал отслаиваться от воды, между пушистыми белыми клочьями и блестящей зеркальной поверхностью образовалось чистое пространство, и этот узкий горизонтальный просвет уходил далеко-далеко. В привольном бело-голубом далеке краснело маленькое пятнышко моторки. До Джеймса было не меньше двух километров — вплавь никак не добраться. Но ждать на берегу, пока Джеймс, лихо свесив ноги за борт, бормочет какие-то волшебные английские слова, заклиная поплавок дернуться, — нет, это выше сил!

Юрка, наклонившись к самой воде, чтобы дальше было слышно, просвистел условленную трель:

— Фью-и-и-ссс!

Что-то стремительное, темное и страшное встало перед Юркой во весь огромный рост, окатило брызгами с ног до головы, свистнуло в лицо и, прежде чем мальчик успел что-либо сообразить, исчезло.

Юрка как стоял, так и сел в воду в штанах и рубашке и сидел в воде по плечи, боясь пошевелиться. Даже ударить сил не было.

Очередной накат ткнул в лицо и чуть не свалил на спину, а потом потащил за плечи в глубину. Мальчик вскочил на ноги, фыркая и отплевываясь от соленой воды, и протер заслезившиеся глаза.

Вокруг было по-прежнему тихо, спокойно и пусто.

Впрочем, нет. В сотне метров от валуна, немного правее далекой моторки, торчал из воды плавник. Он не двигался ни туда, ни сюда — просто торчал на месте, словно черно-зеленый флажок на зеркальной поверхности.

— Дельфин! — облегченно вздохнул Юрка. — Ах ты проказа! Негодник этакий! Конечно, я не испугался, а просто поскользнулся. От неожиданности. Вот перед тобой бы так выпрыгнули, посмотрел бы я, что бы ты делал... Откуда я знал, что ты дельфин, а не акула?

Юрка отлично знал, что в Черном море из всего страшного акульего племени водятся только безобидные пугливые катранчики, но это не меняло дела. Он даже пожалел, что чудовище оказалось обычным дельфином, а не «тигром морей». Вот если бы это была акула, вот тогда бы он...

Флажок нехотя двинулся от берега в открытое море.

Это никак не входило в Юркины планы. Он только что снял мокрую одежду, разложил ее на гальке сушиться, а сам приготовился к долгой беседе, чтобы хоть как-то скоротать время. Конечно, дельфин не ахти какой общительный собеседник, но это все-таки лучше, чем разговаривать с мертвыми валунами.

— Дельфин, — закричал Юрка, махая рукой. — Куда ты? Иди ко мне! Здесь хорошо, тихо!

К великому Юркиному удивлению, флажок остановился и даже сделал несколько неуверенных зигзагов в направлении берега.

— Ко мне, ко мне!

Но флажок топтался на месте, не обнаруживая особого желания приблизиться.

Мальчик испробовал все: он звал дельфина на все лады — и как собаку, и как кошку, и как курицу, разыгрывая целые пантомимы, делая вид, что он поймал рыбу, просто приглашал словами и жестами, улегшись на живот и загребая руками, наконец, отыскав в карманах

полиэтиленовую рыбку-блесну на обрывке лески, попробовал приманить дельфина ею.

Все было бесполезно. Флажок торчал на месте как приклеенный.

Помог полоз.

Обеспокоенный странным поведением своего случайного хозяина, он долго вертелся на шее, пытаясь вернуть утраченный покой, а потом вдруг довольно ощутимо цапнул мальчика за ухо. И вдруг Юрку осенило.

Наклонившись к воде, он просвистел боевой пароль: — Фью-и-и-ссс!

Флажок дернулся и стал описывать замысловатые кривые, которые все ближе подходили к берегу. А Юрка свистел и свистел, пока у него не зазвенело в ушах от собственных трелей.

Дельфин сделал последний круг и неторопливо вошел в бухту. Он остановился совсем недалеко от камня, на котором сидел мальчик. Вода в бухточке была достаточно прозрачна, и Юрка мог детально рассмотреть своего нового знакомого.

Дельфин как дельфин. Темно-зеленая спина, светло-серое брюшко. И совсем не такой большой, как показалось со страху, — мелкий. И зубы в клюве мелкие. А на крутом лбу белая отметина, как у Уисса.

Расставил в стороны боковые плавники и смотрит. Глаза озорные-озорные, как у Джеймса, когда тот подстроит очередную каверзу. Только не серые, а густо-карие, почти черные.

— Ну что смотришь? Страшно?

— А что такое — страшно?

Юрка оторопело уставился на дельфина. Он мог поклясться, что дельфин рта не открывал. Но, кроме него, задавать вопросы было некому.

— Это ты меня спросил сейчас?

— Я, — ответил дельфин, не открывая рта.

Юрка с тоской посмотрел на далекую моторку Джеймса. Вот, оказывается, какие дела. Он не только

проспал утреннее свидание с Джеймсом, но и спит до сих пор. И все это ему снится.

— Ты не спишь, — сказал дельфин.

Мальчик с опаской поджал под себя ноги и начал подниматься с камня. Сон это или не сон, но если дельфин умеет читать мысли...

— А ты не умеешь? — спросил дельфин.

Да, с таким собеседником держи ухо востро. Хотя что страшного? Дельфины добрые, они никогда не трогают человека. Если есть говорящие скворцы, то почему не быть говорящим дельфинам? Скворец глупый, а дельфины умные, почти как люди. Об этом мама сколько раз говорила. И Иван Сергеевич тоже. Только вот почему Уисс ни разу не заговорил по-человечьи? А этот говорит...

— Ты говорящий, да?

— Я не знаю, что такое «говорящий».

— Ну вот мы с тобой сейчас разговариваем. Как мы понимаем друг друга?

— Я не знаю. Я еще маленький. Мама знает.

— А где твоя мама?

— Близко. В море. Она отпустила меня играть.

— А почему ты не открываешь рта, когда говоришь?

— Рот открывают, когда едят. Когда думают, рта открывать не надо. Я слышу твои мысли, но не знаю, зачем ты открываешь рот. Ты хочешь есть?

«Дурень», — подумал Юрка и тут же испугался: вдруг дельфиненок обидится? «Это я на себя сказал — дурень, не обижайся». Но не тут-то было — мысли словно с привязи сорвались, никогда Юрка не предполагал, что у него такая суматоха в голове, а надо думать так, чтобы дельфиненок все слышал, вернее, все ему слышать не надо, потому что в голову лезет всякая чепуха, а ведь он, Юрка, сейчас представитель человечества перед представителем дельфинов, надо думать что-то очень умное. Что же еще у него спросить?..

— Я ничего не слышу. Ты думаешь очень сбивчиво и непонятно. Думай громче и медленней.

И тут в целях спасения человеческого престижа Юрка решился на маленький обман — ради науки, разумеется. Он заговорил:

— Люди всегда открывают рот, когда думают громко. Понимаешь, такое свойство. Особое. Поэтому, когда я буду открывать рот, это не значит, что я захотел есть, — это я думаю. Понятно?

— Понятно.

Туман уже почти совсем разошелся, открыв зеленоватое утреннее небо. Вдоль побережья потянул бриз. Горы неохотно просыпались, потягивались, поднимали к небу каменные головы, становясь на дневную вахту.

Мальчик зябко повел плечами, не очень ясно представляя, что, собственно, делать с дельфиненком дальше. Первое удивление прошло, знакомство состоялось, общий язык найден, что же дальше? В гости к себе его не позовешь, с мальчишками во дворе не поиграешь, в турпоход не пригласишь, телефильм не посмотришь... Интересно, что в подобных случаях делают ученые?

Дельфиненок, видимо, испытывал те же сомнения. Он нервно шевелил лапами, не зная, направиться ли ему в море или остаться в бухте. Контакт грозил прерваться в самом начале и самым печальным образом.

Юрка отыскал у горизонта красное пятнышко. Джеймс сидит там себе и не знает, какие удивительные вещи здесь происходят.

— У тебя есть друзья?

— Все дельфины — друзья.

— Я говорю о таких, как ты.

— Есть. Очень много. Они далеко. В море.

— А здесь?

— Нет.

— Хочешь, я буду твоим другом?

— Хочу.

Юрка хотел по древнему мальчишечьему обычаю

протянуть руку, но вовремя спохватился — вряд ли лапы дельфина пригодны для рукопожатий.

— Меня зовут Юрка.

Дельфиненок попробовал изобразить это имя вслух, и у него получилось что-то похожее на «Хрюлька». Мальчик чуть не свалился с камня от хохота. Дельфиненок на радостях выпрыгнул из воды, хрюкнул еще раз и тоже скрипуче засмеялся, открыв зубастый клюв.

— А тебя как зовут? — спросил Юрка, отсмеявшись.

— Фью-и-sss, — лихо просвистел дельфиненок заветный пароль.

— Как, это твое имя?

— Так меня зовут.

— И потому ты приплыл на свист?

— Да.

— Вот это здорово! А почему ты не подплыл сразу?

— Я не хотел помешать тебе. Ты делал что-то очень сложное.

— Так это я тебя так подманивал!

Оба снова залились счастливым смехом, один — вытирая слезы и хлопая себя по коленям, другой — высоко выпрыгивая из воды и разевая клюв.

— Ой, вот Джеймс будет смеяться! Умора!

— Кто такой Джеймс?

— Мой друг. Видишь, далеко лодка? Это Джеймс ловит там рыбу и ничегошеньки не знает! Он скоро вернется. Мы подождем его, правда?

— Зачем ждать? Поплывем!

Юрка огорченно опустил голову.

— Хорошо тебе говорить — поплывем! Я не доплыву — далеко. И никто не доплывет. Только чемпион какой-нибудь.

— Я помогу.

Мальчику даже страшно стало: а вдруг это все-таки сон и он сейчас проснется? Проснется, так и не успев прокатиться на дельфине... Затаенная мечта мальчишек всего мира, полузабытая детская сказка... Ну почему

нет никого на берегу? Почему его собственная автоматическая кинокамера валяется сейчас на столе, в номере гостиницы?

— А как? — неуверенно спросил Юрка, уже по пояс войдя в воду.

— На спине. Я сильный.

Кожа у дельфиненка была удивительно мягкая и невероятно скользкая — никак не ухватишься. Но после нескольких попыток мальчику удалось устроиться довольно основательно: спинной плавник поддерживал сзади, как спинка кресла, а коленки прочно упирались в боковые ласты. Из такого сиденья не вылететь даже на большой скорости. И руки стали свободными.

Бриз потихоньку раскачал море, и накат усилился. Волны со скрежетом грызли гальку, оставляя на берегу клочья пены. От берега пахло йодом и солью.

Дельфиненок выходил из бухточки осторожно, опасаясь то ли за себя, то ли за всадника. Когда волна откатывалась, он замирал, чтобы при новой волне отвоевать еще один десяток метров, — и так раз пять.

Наконец валуны остались позади.

— Держись!

Тугой воздух ударил в лицо мальчику и засвистел в ушах. Из-под коленок выросли два лохматых крыла водяной пыли. Юрка от неожиданности схватился обеими руками за ласты, но потом выпрямился — сначала робко, потом уверенно.

Какая моторка, какой катер! Такого он не испытывал никогда. Это был изумительный полет. Можно было закрыть глаза и слушать, как замирает сердце, когда ты повисаешь в пустоте, перелетая с волны на волну.

Когда мальчик открыл глаза, красная лодка была совсем близко. Они подплыли неслышно и стремительно, и поэтому Джеймс их не заметил. Он сидел уставившись на поплавки и клевал носом...

Триумф был полный. Пока Джеймс приходил в се-

бя, дельфиненок с Юркой подняли в воде такой тара-рам, что чуть не перевернули лодку. Они выписывали вокруг немыслимые спирали и восьмерки, уносились в открытое море и возвращались снова.

Потом Юрка перелез со спины дельфина в моторку, а его место занял Джеймс, и все началось сначала — англичанин, растеряв остатки хваленного спокойствия, визжал, вопил, орал не своим голосом какие-то пиратские песни, а дельфин свистел, скрипел, хрюкал — и все вокруг кружилось, летело, падало и снова взлетало, и тощая фигурка светловолосого мальчишки на живой зеленой торпеде неслась и неслась сквозь холодное пламя моря.

Наконец все трое умаялись и, совершенно измученные, улеглись отдыхать — мальчишки на дно лодки, а дельфиненок рядом на волну.

И тут Юрка обнаружил интересную деталь: Джеймс совершенно свободно лопотал с дельфином по-английски! Юрку это немного задело: ведь первым установил контакт он, а не Джеймс, поэтому дельфин хотя бы из уважения должен думать по-русски. Он спросил дельфина почти сердито:

— Откуда ты знаешь английский язык?

— Я не знаю, что такое английский язык.

— Но ведь ты слышишь мысли Джеймса?

— Да.

— И мои мысли слышишь?

— Да. Когда ты думаешь громко.

— А мы с Джеймсом понимаем друг друга очень плохо.

— Почему?

— Потому что мы говорим на разных языках. Ну, как тебе объяснить? Я, например, называю берег «земля», а на языке Джеймса он называется «лэнд».

Дельфиненок подумал с минуту, потом свистнул.

— Я, кажется, понял. У нас тоже в разных морях есть разные свисты. Если свистит дельфин из холодного

моря, то дельфин из теплого моря этот свист не поймет. Но все дельфины умеют думать одинаково...

— Выходит, и люди думают одинаково, а только говорят на разных языках?

— Вы с Джеймсом думаете одинаково, и я одинаково хорошо слышу ваши мысли.

— Вот здорово! Если бы люди умели читать мысли как дельфины, то не надо было бы учить иностранные языки!

От полноты чувств Юрка изо всей силы хлопнул Джеймса по плечу.

— Слышишь, Джеймс, тогда мне не надо было бы зубрить английский! Ура!

Джеймс непонимающе нахмурился и спросил что-то у дельфиненка. Судя по движению плавника, тот перевел. И Джеймс вдруг разулыбался до ушей и тоже ударил Юрку по плечу:

— Энд я нет изучал русский язык! Ура!

Дельфиненок насмешливо заскрипел.

Юрка повернулся на спину и стал смотреть на облака. Еще час назад они низко висели над морем, а сейчас поднялись высоко-высоко и походили на белые пятнышки в сиренево-синем небе. И от этого мир стал большим и просторным, а их лодка маленькой-маленькой. И бриз утих — ему просто не хватало силы стронуть с места столько воздуха и света. Он свернулся клубочком где-то в ущелье и ждал вечера. Когда солнце будет садиться, облака снова опустятся ниже, и мир уменьшится. Тогда бриз выйдет на волю и примется гонять вдоль побережья мелкую зыбь. А потом придет ночь, и море сольется с небом: звезды вверх, звезды вниз, тишина вверх, тишина вниз. А потом из моря встанет заспанная луна. Она будет идти по небу, постепенно уменьшаясь и бледнея, так что утром от нее, как от растаявшей во рту конфеты, останется только тонкий полупрозрачный диск. И потом все повторится сначала...

— Ты приплываешь сюда завтра?

— Да.

— Послушай, тебя надо как-то назвать по-человечьи. Давай мы будем называть тебя Свистун.

— Суистун! Хорошо, вери гуд, — как эхо отозвался Джеймс.

— Су-ис-ти-ун!!! — локомотивным сигналом пронеслось над морем, и все трое засмеялись.

Все-таки это необычный дельфин, думал Юрка. Непонятно у него знак на лбу. То, что он приплыл на свист, конечно, здорово, но в этом нет ничего необыкновенного: с помощью «дельфиньего эсперанто» можно не только звать, но и переговариваться с дельфинами. Об этом в учебнике написано.

А вот о том, что с дельфинами можно разговаривать без всякого «эсперанто», — об этом нигде не написано. Может, такого еще не случалось? Иначе зачем изобретать всякие там ДЭТПы и прочие хитрые вещи?..

А может, случилось, да не поверили... Это вот Юрка знает, что дельфины разумные существа, а если кто не знает? Услышит он голос внутри себя — подумает: почудилось. А если человек несовременный, религиозный — подумает еще невесть что.

Так что, если рассудить здраво, ничего особенного в сегодняшнем происшествии нет. Просто счастливый случай.

Юрка потерял щекой о нежную кожу нового друга. Нет, все-таки произошло чудо! Вообще чудес на свете много бывает, но все они приключаются почему-то с другими. Но вот теперь...

Дельфиненок вздрогнул и метнулся от лодки.

— Мама зовет, — виновато сказал он.

Друзья понимающе переглянулись.

— Ну что ж, — со вздохом сказал Юрка. — До завтра!

— До завтра!

Дельфин скрылся в воде, словно его и не было.

— До завтра! — прозвучало где-то внутри стуком крови в ушах.

И вдруг у самой кромки горизонта, уже начавшей таять в полуденном мареве, донесся лихой разбойный пересвист:

— Хри-юль-ка! Жи-эй-им-изс! Су-ис-ти-ун!

Мальчишки разом вскочили, замахали руками, до рези в глазах вглядываясь в слепящую даль. Но ничего не увидели.

Джеймс молча завел мотор. Каким неуклюжим ксрытом показалась им сейчас их алая крылатая лодка с инициалами «Жи» и «Ю» на покато́м носу!

Уже у самого берега Джеймс спросил:

— Ты будешь рассказать отец за Свистун?

— Нет, — подумав, ответил Юрка. — Он все равно не поверит. Вот мама — та бы поверила. Она ведь все про дельфинов знает. Но мама далеко...

8. ПЕНТА-СЕАНС

Здесь, на высоте, было нежарко, но океан внизу под горячим дыханьем пассата парил и туманился, как запотевшее стекло. Небо тоже не радовало чистотой, хотя на нем не было ни облачка. Полуденное марево гасило краски, и даже солнце в зените выглядело бледным и потным. Где-то там, в стратосфере, нес обратным курсом океанскую влагу антипассат: ветры вблизи экватора работали неумоимо и бесперебойно, как горизонты метро.

Полуденный пассат располагает к созерцанию и лени, но сегодня покой океана был как занавес на сцене, который вот-вот взовьется и откроет поле невиданных событий и небывалых действий.

С двух сторон шли навстречу друг другу два клина, две армии: одна — безоружная и ничего не подозревающая, другая — закованная в сталь, вооруженная до зубов хитрой механикой и готовая к неожиданной со-

крушительной атаке. С одной стороны верещали, свистели и скрипели дельфины, ровняя строй тунцов, не уступающих им по размерам и силе, с другой — верещали эхолоты, пересвистывались боцманы, скрипели лебедки, пряча под воду цепкие ячейки необъятных тралов.

У каждой армии был свой предводитель. Одной беззвучно командовал большой дельфин-альбинос с белым пятном на лбу, другой — седой и грузный старик в белом капитанском кителе. Одного звали Сусип, другого — Тарас, но они не знали друг о друге.

А между двумя сходящимися клиньями, как челноки в ткацкой машине, сновали взад и вперед четыре «Флайфиша», оставляя за собой цветные шерстистые нити — следы. Рыборазведчики трассировали курс, чтобы рулевые могли направить свой сейнер в тунцовый строй с точностью брошенного гарпуна.

Два косяка — живой и железный — сближались.

Тарас Григорьевич оторвался от стереотрубы: ход рыбы был виден простым глазом. Дельфины, конечно, тоже видели корабли, но скорости не снизили. Дельфиньи крики в гидрофонах зазвучали резче и настойчивей, словно погонщики решили протаранить тунцами и корабли и тралы.

— Лихо идут, — бурчал старый рыбак, вытирая вышитым платком мокрую шею. — А куда спешка? И зачем им прорва такая?

Что-то неправильное чудилось Тарасу Григорьевичу в этом огромном косяке, что-то тревожащее. Он всматривался в «плешь», в завихрения и водовороты, уже видные на поверхности, в лаковые выгибы дельфиньих спин, переводил глаза на небо, цветасто заштопанное трассами «Флайфишей», пытался, не вынимая трубки: «Начадили тут, дохнуть нечем», но во всем этом привычном не хватало какой-то малой детали, какой-то пустяковины, а чего именно, Тарас Григорьевич понять не мог. И это его сердило. Но думать ему не дали.

Когда до косяка оставалось не больше трех километров, дельфины начали действовать. Первым маневр дельфинов заметил Фрэнк Хаксли, вернее, даже не Фрэнк, а Бэк. Радист поддался всеобщему возбуждению и палил шашку за шашкой, оставляя за хвостом гидросамолета такие клубы дыма, что кто-то из соседей поинтересовался, не сигналист ли она на Луну.

Итак, Бэк посмотрел вниз и сказал:

— Ого!

Столь бурное изъяснение чувств заставило Хаксли повнимательнее всмотреться в острие рыбьего клина, над которым они делали очередной разворот. Острие мало-помалу превращалось в трезубец с широко разогнутыми крайними лезвиями.

— «Флайфиш-131» — флагману! Косяк разделяется на три части: центральная по-прежнему идет на вас, а две — в обход слева и справа! Они увеличили скорость!

— Курсы! Все три, — рявкнул Тарас Григорьевич, и, когда несколько секунд спустя прозвучали точные цифры, он мог уже без карты сказать, что дельфины выиграли первый раунд. У фланговых косяков теперь было преимущество в скорости: громоздкие корабли, да еще с сетями, не смогут так быстро развернуться и отрезать им путь. Расчет был точным: начини дельфины маневр чуть раньше или чуть позже, можно было бы что-то предпринять. А теперь две трети улова... О них надо забыть, чтобы вообще не остаться пустым.

— Ах, бестии подводные, кальмар вас задери, ах, черти зеленые, тридакну вам в клюв, — по всем морским правилам костерил Тарас Григорьевич коварного «противника». — Облапошили на старости лет... «Онега», «Звездный»!

— «Онега» слушает!

— Есть «Звездный»!

— Давайте разворачивайте помалу...

— Так разве успеешь?

— Если только тралы свернуть... Да и то... Пока провозишься...

— Надо брать тех, что идут на нас. Перехитрить надо. Они хотят, чтобы мы растерялись, рассредоточились, погнались за двумя зайцами. В разные стороны. А тем временем сквозь дыры и центральная орда проскочит. Так что надо сделать вид, что мы клюнули. Разворачивайтесь, да не шибко. Они тогда опять на три разделятся, чтобы два фланга между мной и вами пропустить. А вы тут задний ход и тралы под нос: пожалуйста! Усекли?

— «Онега» — ясно.

— «Звездный» — к выполнению приказа приступил.

Через минуту, когда «Флайфиш-89» сообщил, что оставшийся косяк снова разделился на три и не снижает скорости, старый капитан успокоенно сунул в рот погасшую трубку...

— Так-то...

База все это время благоразумно помалкивала, понимая свою неспособность помочь делу. И только дельфинолог Комов никак не мог успокоиться, нудел без конца о позоре, свалившемся на Базу и на его голову, и грозил страшными карами подопечным дельфинам-загонщикам, если они вернутся.

— Ты, наука, не дребезжи, — не выдержал Тарас Григорьевич. — Есть дело — говори, а нет — помолчи. Тут и без тебя слабонервных хватает...

И, отложив переговорник, взялся за мегафон: передовые порядки тунцовой эскадры были уже в нескольких сотнях метров.

Наперебой загудели «Онега» и «Звездный», резко изменив курс: гудки их смешивались с пронзительными криками дельфинов, чересчур поздно разгадавших уловку людей; вода вокруг забурлила; остановить живую лавину, несущуюся в западню со скоростью междугородного экспресса, не мог уже никто.

— На эхолотах, смотреть в оба! — Усиленный мега-

фоном голос капитана гремел победоносно. — На лебедках, чуть что — травите средние сети — рыба попытается пройти низом! Задние сети не травить — остатки снова пойдут к поверхности, а мы их — хоп!

Распоряжаясь, Тарас Григорьевич краем глаза поглядывал на океан. Сети постепенно заполнялись, тяжелели, а тунец все шел и шел. Дельфины ныряли возле кораблей, сотни острых плавников то там, то сям пропарывали бурлящую воду, как лезвия гибких ножей. И вдруг неожиданно для всех стали рвать сети и отгонять рыбу.

— Товарищ капитан, средние сети порваны! Рыба уходит!

— Как порваны?!

— Задние сети порваны!

Тарас Григорьевич в сердцах схватился за переговорник.

— Флагман — Базе. Ну, Комов, всего я ждал от твоих подручных, но такого хамства... Они и впрямь очумели — сети рвут! Ну я им сейчас устрою концерт... «Погремушки» включу, понял?

И, не слушая ответа, снова взялся за мегафон.

Не для дельфинов были «погремушки» — ультразвуковыми sireнами распугивали разбойничьи стаи касаток, часто нападавших на промысловые косяки, но больно задело старого рыбака дельфинье коварство, не хотелось расставаться именно с этим, в честной борьбе заработанным уловом, и он решился на самую крайнюю меру.

Оглушенные и ослепленные дельфины заматались, они взлетали высоко в воздух, в их криках слышались Тарасу боль и страх, но они не уходили! Отчаянно корчась и мучась под непрерывными ударами звукового бича, они продолжали рвать сети, выпуская рыбу на волю!

И опять непонятная тревога толкнула Тараса. Во всей этой рыбалке было нечто неправильное, отсут-

ствовало привычное, само собой разумеющееся, как соленость воды или постоянство пассата. И он снова оглядел небо в поисках того, чего там не было... И уже близко в памяти это мелькнуло, затрепыхалось, блеснуло серебром на солнце — и тут четверка возвращающихся «Флайфишей» спугнула догадку, как настороженного малька.

Что позабыли здесь остробрюхие летуны?

«Флайфиши» развернулись и пошли над флотилией, едва не задевая мачты. И — захлопали выстрелы! Как над акульей стаей!

«В кого это они?» — опешил Тарас и машинально выключил «погремушки».

— Флагман — «Флайфишам». Почему стреляете?

— Приказ Базы: поддержать флотилию огнем с воздуха.

— Проспитесь! Каким огнем?

— Комов приказал стрелять по дельфинам пиропатронами, чтобы временно вывести их из строя...

— Какими еще к дьяволу пиром.. База! Комов!

— Комов слушает.

— Ты что там, окончательно рехнулся? Разве можно стрелять в дельфинов? Прекрати это, слышишь?

— А вы не вмешивайтесь, Тарас Григорьевич. Я приказал стрелять не пулями, а пиропатронами. Это ампулы с горючей липучкой. Она не дает ожогов, только яркое пламя. Дельфины боятся огня. Нечто вроде нервного шока. Конечно, процедура неприятная. Но это единственный шанс спасти хотя бы остатки улова. Иначе по вине дельфинов База не выполнит план.

— Процедура! План! Какой к черту план, если дельфины тонут!

— От горючей липучки? Для науки это была бы сенсация...

А он был рядом с «Удачливым» — грузный белый гигант, который не хотел стать сенсацией, хотя уже два алых цветка распустились на его теле и темно-виш-

невые глаза затыгивала пелена оцепенения; он из последних сил боролся с первородным ужасом, леденящим кровь; опускался на несколько метров и вновь, напрягая деревенеющие мышцы, всплывал, не в силах сбить пламя — неузнанный предводитель с отметиной на лбу.

Фрэнк Хаксли был почти счастлив. В однообразной работе «рыбогляда» не часто выпадает такая удача — пережить день, полный неожиданностей и даже приключений, не уступающих подвигам его любимых киногероев. И хотя палить по дельфинам должен был Бэк, пилот тоже взял пневморужье. Все было: плавучие крепости аборигенов, дельфины — подводные чудища и он — вездесущий Гарри с верным бластером в правой руке.

— Смотри, шеф, белый дельфин!

— Где?

Вместо ответа Бэк выстрелил.

Фрэнк тоже заметил длинное белое тело, рывком ушедшее под воду, но тут же всплывшее снова.

— Межзвездный вампир!

Пилот, придерживая штурвал левой рукой, заложил вираж и выстрелил с правой: огненная кувшинка закачалась на волне. Промех, а это для Гарри непозволительная вещь, и Хаксли снова заложил вираж, опустив машину ниже, прицелился поточнее...

— Есть!

И «Флайфиш-131» пошел на разворот...

Флотилия возвращалась на Базу, как похоронная процессия. Сети были испорчены, трюмы пусты. Косяк исчез, словно растворился: ни гидролокаторы других баз, ни «рыбогляды» даже остатков его не нашли.

По этому случаю, а также по случаю официального выхода на пенсию старого капитана в кают-компания «Онеги» состоялся прием. «Удачливый» показался рыбакам маловат для раута на капитанском уровне.

Согласно ситуации Тарас Григорьевич был грустен

и молчалив. Закусывали, словно издевались над собой — консервами «Тунец в собственном соку».

— Одного не могу понять, — сказал вдруг Тарас. — Чего-то не хватало в проклятом лове, чего-то очень знакомого...

— Дыбы, — засмеялся кто-то с набитым ртом.

— Птиц не хватало сегодня: ни чаек, ни даже фрегатов, — пропел со своего места Тасис.

— Чертушка! Гомер рыжий! А я-то, старый осел... — Тарас вскочил, опрокинув стул. — Конечно, птицы! Они же за нами как приклеенные ходят! А сегодня — ни одной!

— Ну и что?

— А то, что даже птица не трогала эту рыбу! Ни чайки, ни фрегаты, ни альбатросы, а они любую падаль склюют! Значит, было в этой рыбе что-то такое... Правда, наука помалкивает... Только кажется мне, что дельфины нас, дураков, от какой-то неизвестной науке пакости оберегали. И оберегли.

В кают-компании воцарилось неловкое молчание.

* * *

Нина появилась так же внезапно, как и исчезла. На ней был мягкий купальный халат.

— Толя, готовьте кресло.

Пан поднял голову.

— Нина, что вы хотите?

— Связаться с Уиссом на пента-волне.

— Ни в коем случае! Вы помните, что было в прошлый раз?

— Помню. Но мы должны знать, что случилось?

— Пента-волна слишком опасная штука. Нет, Нина, рисковать незачем. Надо искать другие пути.

— Иван Сергеевич, вы отлично знаете, что других путей нет. А сидеть и ждать вот так бессмысленно, потому что мы не знаем причин, из-за которых Уисс изменил свои намерения. С кем он говорил? В чем опас-

ность Третьего Круга и связана ли она с будущей передачей? И возможна ли вообще теперь передача? Если возможна, то когда — не сидеть же у пультов день и ночь...

— Не знаю. Ума не приложу. Все так долго готовились к путешествию и к сегодняшнему дню... И мы, и Уисс. И в самом начале провал... Уиссу могло помешать только что-то очень серьезное... Но что?

— Никто, кроме Уисса, на эти вопросы не ответит, Иван Сергеевич. А что касается прошлого раза — полно. Уисс теперь и сам будет осторожнее, тогда он просто не рассчитал мощности сигнала... Нельзя медлить. Происходят какие-то события, возникает новый фактор, а мы прячемся за Уисса и ждем, когда он сам разрешит наши проблемы.

— Ну... Ну хорошо. Только будьте осторожны, Нина. Не перенапрягайтесь. И пожалуйста, без обратной связи...

— Как получится.

— Никаких «как получится». Не подводите старика. Договорились?

— Договорились, Иван Сергеевич... Толя, кресло готово?

— Да, Ниночка. Садись и вещай напропалую.

Нина сбросила халат. Коричневый купальник сливался с цветом загорелой кожи, и в потоке зеленого света ее фигура казалась отлитой из меди. Она постояла на носу корабля с минуту и медленно села в кресло. Толя и один из лаборантов захлопотали над ней. Провода постепенно обвивали ее тело, впиваясь присосками электродов в виски, в шею, в руки, в живот, в ноги...

— Иван Сергеевич...

В голосе Карагодского помимо воли прозвучало что-то такое, что заставило Пана оглянуться. Карагодский смутился.

— Иван Сергеевич, я понимаю, что сейчас вам не до меня, но я никогда ничего не слышал...

— О пента-волне?

— Да.

— Пента-волна, коллега, это... Словом, бог знает что это такое. Я знаю ваше яростное неприятие всякого рода телепатии, парапсихологии и прочей, как вы выражаетесь, «чуши», поэтому... Возможно, это какой-то необычный вид излучений, присущий только живым организмам... Ох, Толя, ну что вы там копаетесь?! Да... О чем мы говорили? Так вот пента-волна — это мой собственный термин. Лично я на стороне тех физиков, которых к четырем фундаментальным состояниям вещества — газ, жидкость, твердое тело, плазма — добавляют пятое: живое вещество. Жизнь — одно из фундаментальных состояний вещества... Но в этой области мы пока как испанцы в империи инков — видим, ничего не понимаем и пытаемся все переделать по-своему... Так и с биоизлучением: что это такое — не знаем, а установку для усиления пента-сигналов Толя уже придумал... Готово?

Нина сидела, откинувшись на спинку кресла. Лицо ее заострилось, она улыбалась — скорее для самоутешения, чем для демонстрации храбрости. На голове, облекая виски, пылала алая корона, похожая на большой тяжелый венок из маков. А на лоб, волосы и плечи спадала замысловатая сеть проводников. От направленной антенны тянулись по меньшей мере сотни две зеленых гибких шнуров, маленькими присосками соединенных с разными точками тела.

— Иван Сергеевич, точки соединения электродов выбраны произвольно?

— Нет, конечно. Биоизлучение каким-то образом связано с электромагнитными параметрами тела — на этом и основан принцип ее усиления. А точки — места наибольшей электронапряженности кожи — найдены экспериментально...

— А вам ничего не напоминает рисунок этих точек?

— Рисунок? Пожалуй, нет.

— Забавно. Сколько точек вы нашли?

— Двести восемнадцать. А что?

— Так вот я могу без электрометра указать вам еще шестьдесят пять точек, которые вы пропустили.

Карагодский не без удивления ощутил в себе волну радости: он заметил что-то, чего не заметил Пан! Пусть маленькая деталь, но она найдена самостоятельно, без подсказок и объяснений. Или... Или сумасшествие заразительно?

— Не понимаю, Вениамин Лазаревич.

Карагодский тоже не очень понимал свое состояние, но остановиться не мог:

— Вы слышали когда-либо о древней китайской медицине — иглотерапии?

— Разумеется.

— Так вот ваши точки — это и есть знаменитые двести восемьдесят три точки для иглоукалывания, которые были известны китайским медикам две тысячи лет назад... Я, правда, совершенно не понимаю, какая связь между вашей пента-волной и иглоукалыванием, но совпадение вполне вероятно.

— А ведь вы правы... Я просто не обратил внимания... Мне как-то не пришло в голову... Действительно, здесь, видимо, есть связь. В этом имеет смысл покопаться... Отличная идея! Ведь если...

— Иван Сергеевич, я начинаю.

— Начинайте, Ниночка! Как говорят, ни пуха. Только без самодеятельности, хорошо?

— Хорошо. К черту!

Ничего не произошло. Просто антенна в форме цветка орхидеи стала медленно вращаться вокруг своей оси, а Нина, расслабившись, опустила руки на подлокотники и закрыла глаза. По-прежнему сквозь желто-зеленую крышу било солнце, и нестерпимо блестела морская даль, и щетинился тусклыми кустарниками островок, и черноголовые средиземноморские чайки срезали остры-

ми крыльями гребешки волн и снова взмывали вверх с трепещущей добычей в клюве — ровно ничего не изменилось в мире за эти полчаса, кроме того, быть может, что один седовласый академик неожиданно почувствовал себя недоучившимся аспирантом...

— Иван Сергеевич, вы говорили, что пента-волна — это опасно. Почему? Кажется, все довольно невинно и просто.

— Понимаете, Вениамин Лазаревич, тут довольно-таки сложный парадокс. Для приема пента-передачи необходима очень восприимчивая, очень незащищенная нервная система. Женщины принимают пента-волну лучше, чем мужчины, к примеру... Но и женщины не всякие...

— В таком случае идеальными пента-приемниками были бы дети — их психика ограждена меньше всего.

— Вероятно, да. Но сами понимаете, что опытов с детьми мы не имеем права ставить, пока не добьемся полной безопасности... А пока... Во время прошлого сеанса, например, Нина потеряла сознание.

— Причина?

— Видимо, очень сильный пента-сигнал Уисса. Я так думаю. У нее было нечто вроде галлюцинаций: ее психический строй был подавлен психическим миром дельфина, она, проще говоря, почувствовала себя дельфинкой, оставаясь женщиной, понимаете? Дельфины воспринимают и чувствуют, как вы знаете, мощнее нас. Человеческие нервы не выдержали. Шок. Что-то вроде того, если по тонкому проводу пустить слишком сильный ток.

— Да, да, конечно. Сработали предохранители — выключилось сознание, свет померк...

— Вот именно. Мы, правда, потом придумали вот эту штуку — маковый венок. Вроде индикатора напряжения. Он должен сработать раньше, чем уйдет сознание, и создать заградительное пента-поле. Но... мы предполагаем, а природа располагает. Если бы не создав-

шаяся ситуация, я ни за что бы не разрешил пента-сеанс.

Море стихло совершенно. Ощущалось только соседство близкого прибора. Нина лежала в кресле не двигаясь. Медленно вращалась над ней металлическая антенна. Толя едва слышно насвистывал что-то, рассматривал экраны, по которым бегали только бледные точки. Пан, сцепив руки за спиной, молча ходил через всю лабораторию от кресла к двери и обратно и тоже поглядывал на погасший рубиновый овал.

А Карагодский, усевшись на трехногий стул и привычно оперев подбородок о трость, думал. У него тоже был «пента-сеанс». Он говорил сам с собой. Он пытался вспомнить что-то хорошее и никак не мог. Вопреки желанию перед ним проходили бесконечные коридоры, открывались двери с фамилиями на табличках, ложились под ноги ковровые дорожки, ведущие к столу президиума... Он позабыл, когда, на каком симпозиуме он сидел в зале на обычном откидном стуле. Президиумы, президиумы... Может быть, он и родился в президиуме? Кажется, он всю жизнь покровительствовал и препятствовал, разрешал и запрещал, проверял и указывал, и всю жизнь на носу его сидели проклятые очки в черепаховой оправе, сквозь которые мир кажется мягким, округлым и спокойным. Но ведь это не так, не так! Когда-то и он... Но когда это было? И было ли вообще, чтобы море, чтобы какой-то сумасшедший дельфин, чтобы аспирант Толя был с тобой на «ты», чтобы все вокруг тревожило загадками и требовало немедленного решения, чтобы вот так метаться из угла в угол из-за сумасбродной девчонки, рискующей в худшем случае обмороком, и рисковать самому вещами более значительными...

«Что же ты ходишь, Пан, что молчишь? Пятнадцать лет воевал я с тобой на журнальных страницах, на высоких трибунах. А ты уничтожил меня за сорок минут и сам, кажется, не заметил этого. Потому что победа

надо мной для тебя — пустячок. Для тебя важнее твой дельфин, твоя Нина, твой Толя, твои экраны, твоя работа — и какое тебе дело, что академик Карагодский выбросил белый флаг?

Но если даже тебе не нужна победа надо мной, Пан, то кому она нужна вообще? Может, спрятать белый флаг, пока его никто не заметил, и пусть все идет по-старому? А как быть с Венькой Карагодским, «Веником»... Ведь это ты, Пан, заметил в студенческой толчее упрямого черноголового парня, ты подсунил ему тему про дельфинов, ты раскрутил его самолюбие... И вот я снова перед тобой: академик, лауреат, главный дельфинолог, мировой авторитет. А ты вместо восхищения делом рук своих третируешь меня, ранишь самолюбие, без конца заставляя отвечать «не знаю» и «не слышал»...

Сначала я думал, что ты просто по-стариковски мстишь мне за то, что я обошел тебя в степенях и званиях. Но нет, дело в другом: постарел-то, оказывается, я, а ты по-прежнему молодец, профессор...»

— Стоп сеанс, Толя, усилитель! Быстро! Укол!

Алая корона на голове Нины опадала на глазах. Словно в кадре неозвученного мультфильма, слабели, теряли упругость лепестки мака, съеживались, точно подул ледяной ветер. И бледность, заметная даже под загаром, заливала лицо Нины.

Толя, обеими руками разом перевел все тумблеры усилителя. Антенна остановилась. Пан держал Нину за руку, считая пульс, а Толя принялся торопливо снимать присоски проводов. Подскочил лаборант с пневмошприцем.

Нина открыла глаза. Глубоко-глубокодохнула — раз, другой, третий.

— Не надо укола, Иван Сергеевич. Все в порядке. Ах, какое это счастье — дышать... Видеть солнце... Ощущать всю себя...

Голос Нины прервался глубоким судорожным всхли-

пом, как у человека после глубокого истерического припадка. Пан кивнул лаборанту, а тот, осторожно взяв руку Нины выше локтя, на мгновение прикоснулся к ней губчатым раструбом пневмошприца.

— Я же говорю — не надо.

— Ничего страшного, Нина, это обычный тоник. Помолчите минут пять. Придите в себя. Потом расскажете.

— Уисс...

— Помолчите. Уважьте старика.

Нина медленно сняла с головы увядшую корону и протянула Толе. Снова вздохнула и откинулась в кресло. Большая чайка промчалась у самого бушприта «Дельфина». Нина следила из-под полуприкрытых век за полетом до тех пор, пока чайка не превратилась в точку на небе, и закрыла глаза.

Кто-то тронул Карагодского за плечо. Академик оглянулся — радист указывал ему на дверь, шепча:

— Вас вызывают, Вениамин Лазаревич... Срочно... Искал вас в каюте, как всегда, а вы здесь, оказывается...

— Кто?

— Из Д-центра...

Академик недовольно поморщился: всегда так, в самый интересный момент у кого-то из службистов Д-центра возникает идея, о которой надо немедленно доложить начальству.

Он вышел за радистом, стараясь ступать тише.

Вернулся он довольно быстро, рассерженный и потный — видно было, что кому-то за тысячи миль отсюда основательно досталось. Нина по-прежнему сидела с закрытыми глазами — то ли дремала, то ли просто отдыхала, думала о чем-то.

— Что стряслось в вашем хозяйстве? — поинтересовался Пан.

— А, чепуха... Лишняя иллюстрация к тому нашему

разговору, только на этот раз с неприятными вариациями... Дельфины угнали большой косяк тунца, ну и...

— Как угнали?

— Рыборазведчик обнаружил сегодня утром в Атлантике огромный косяк, который гнали дикие дельфины. База «Поиск — двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь» выслала им навстречу отряд рабочих дельфинов-загонщиков и флотилию международной рыбооперации... Короче, дельфины взбунтовались — и ручные и дикие — и оставили рыбаков с носом. И, как всегда в таких случаях, там был дельфин со знаком на лбу — что я вам говорил, а?

— Сочувствую рыбакам, но на месте дельфинов поступил бы так же. Из принципа. Ну и все?

— А вам мало мятежа? Ведь это первый случай в таких масштабах! Только дело этим не кончилось — рыбаки переколошматили дельфинов.

— Не понимаю...

— Что же непонятного? Обозлились и обстреляли дельфинов пиропатронами. Без злого умысла — хотели распугать. А того не учли, что напуганный огнем дельфин инстинктивно уходит под воду и не всплывет он, пока есть пламя... Скорей задохнется под водой... Но я там дал разгон: дельфинологу Комову объявил выговор и на неделю отстранил от работы. Это он придумал с пиропатронами. Мальчишка, два года как институт кончил... Но энергичный парень, из него толк выйдет... Такие-то вот наши земные мелочные заботы, Иван Сергеевич...

Нина открыла глаза:

— Так вот почему удушье... Они задохнулись под водой... И гибли... Чтобы спасти людей...

— Нина, вам плохо? — кинулся к ней Пан.

— Ничего, Иван Сергеевич... Я просто устала... Теперь я все поняла... Все-все. Я расскажу. Обязательно расскажу. Только не сегодня, ладно? Я очень устала. Завтра утром, ладно?

— Конечно, Нина, конечно! — воскликнул Пан с деланным энтузиазмом. — Отдохните, выпитесь хорошенько... А наше любопытство за ночь только крепче станет. Итак, завтра утром...

9. ХРАМ ПОЮЩИХ ЗВЕЗД

Было полнолуние, и борт «Дельфина», обращенный к луне, сверкал серебряным барельефом на фоне ночи. Тяжелые ртутные волны лизали бока маленькой надувной лодки.

Нина вытащила из-за пояса импульсный пистолет-разрядник и бросила его в багажник. Оружие ни к чему. Тем более что придется возиться с видеоманнитфоном, который почему-то именуют «переносным». От этого аппарат не становится ни удобнее, ни легче.

Уисс у борта проскрипел тихо, но нетерпеливо.

Нина опустила маску акваланга, прижала к груди бокс аппарата, еще раз глянула на луну, которая сквозь поляроидное стекло маски показалась хвостатой кометой, и нырнула в черный омут.

Вода нежно и сильно сжала ее тело, тонкими иглами проникла в поры, щекочущим движением прошла по обнаженной коже — и Нина сразу успокоилась. Уисс возник рядом, она перекинула ремень аппарата через плечо и крепко взялась за галантно оттопыренный плавник. Дельфин, опустившись метров на пять, остановился. Здесь было темно, только едва заметная бледность над головой говорила о существовании иного мира — с луной и звездами.

Неожиданно где-то внизу засветились огоньки — красный и зеленый — точно там, внизу, тоже было небо и далекий ночной самолет держал неведомый курс. Потом огоньки раздвоились, соединились в колеблющийся рисунок — и блистающее морское чудо явилось перед Ниной на расстоянии протянутой руки.

Небольшой полуметровый кальмар был иллюминирован, как прогулочный катер по случаю карнавала. Все его тело, начиная с конусовидного хвоста, ограниченно-го полукруглыми лопастями плавников, и кончая сложенными щепоткой вокруг клюва щупальцами, фосфоресцировало слабым фиолетовым светом. Время от времени по телу пробегали мгновенные оранжевые искры, и тогда щупальца конвульсивно шевелились, а круглые доверчивые глаза вспыхивали изнутри нежно-розовыми полушариями. Вокруг глаз правильными дугами горели зеленые фонарики — по пять на каждую «бровь». Такие же зеленые и красные фонарики горели на длинных, раскинутых в стороны щупальцах, на «плечах» и хвосте.

Нина и раньше видела таких глубоководных щеголей — их называли «волшебными лампами». Но одно дело, когда перед тобой стекло батискафа, другое — если одна твоя рука на плавнике дельфина, а вторая свободна... Нина осторожно, чтобы не спугнуть, протянула левую руку к моллюску. Кальмар не шелохнулся, только быстрее побежали оранжевые искры, а тело приобрело цвет красного дерева. Он позволил потрогать свой бок, и Нина почувствовала, как тикают внутри наперебой три кальмарьих сердца.

Она уже хотела убрать руку, но кальмар обвил двумя щупальцами ее палец и не пустил — два гибких магнита прилипли к коже.

На мгновение заломило виски — это подал неслышную команду Уисс, — кальмар засверкал огнями, и все трое по крутой спирали понеслись вниз, в беззвездную ночь глубины.

Впрочем, эта ночь хитрила, притворяясь беззвездной; бесконечное множество светил блуждало в ней по тайным орбитам. Пестрыми взрывчатыми искрами загорались у самых глаз лучистые радиолярии, после которых филигранное изящество земных снежинок казалось грубой поделкой; разнокалиберными пузатыми бочонками,

полными доверху густым янтарным светом, проплывали степенные сальпы; двухметровый венерин пояс, больше похожий на полосу бесплотного свечения, чем на живой организм, изогнулся грациозной дугой, пропуская мимо стремительную тройку.

Один раз Уисс и Нина с «волшебной лампой» в протянутой руке с ходу влетели в большое облако медуз и попали в хоровод рассерженных сказочных призраков: бесшумно зазвонил десятком малиновых языков голубой колокол, над головой перевернулась пурпурная, в изумрудно-зеленых крапинках тарелка, вывалив целую кучу прозрачной рыжей лапши, диковинный ультрамариновый шлем в белых разводах грозно зашевелил кирпично-красными рогами, вязаная красная шапочка, шмыгнув бирюзовым помпоном, стала быстро расплетаться, разбрасывая как попало путаную бахрому цветных ниток...

Потом они плыли над тем самым коралловым лесом, который Уисс показывал на экране днем. Красные кусты казались пурпурными в сильном голубоватом свете. Сотни, тысячи спрятанных в грунте известковых трубочек хетоптеруса освещали их снизу, как маленькие проекторы.

Кальмар резко остановился и, отпустив палец Нины, исполнил маленький световой этюд.

Сначала он посинел всем телом, оставив фиолетовыми только щупальца, разом погасил красные огни, заставив зеленые мигать в сложной, одному ему известной, последовательности. Затем погасил зеленые и проделал все то же самое с красными.

В неровных вспышках фонариков моллюска Нина успела различить очертания большого камня, вернее, целой скалы, черной от мшистых водорослей. Подчиняясь ритму миганий, на камне разгоралось алое пятно.

Непонятный обряд у камня продолжался. Кальмар

притушил огни и фейерверочной ракетой скользнул куда-то вверх, растворившись в темноте. Зато пятно на камне достигло прожекторного накала, превратив ночь в подводный рассвет. Его яркое сияние помешало Нине уловить, откуда и когда появилось новое действующее лицо в цветовом спектакле.

Полосу света перегородила тень. Вода искажала перспективу, и Нине показалось сначала, что рядом с камнем ковыляет уродливый головастый человечек. Но вот человечек приподнялся, повернулся боком, сверкнув узорчатой кольчугой цвета старой меди, и рука Нины невольно скользнула к поясу, где обычно висел импульспистолет.

Огромный осьминог, покачиваясь на толстенных боковых щупальцах и лениво шурясь, разглядывал гостей сонными глазами. Он был очень стар, и большие желтые глаза-тарелки смотрели мудро и печально.

Уисс свистнул. Спрут раздраженно почернел, однако заковылял к скале. Четыре мускулистых «руки» обвинили вершину камня, четыре других заползли в едва заметные щели основания.

Горы мышц вздулись, наливаясь голубой кровью, и камень дрогнул. Он отвалился медленно и плавно, как бывает только под водой или во сне, и за ним открылся неширокий черный ход, ведущий в глубь рифа. Спрут протянул щупальце в проход, и там что-то блеснуло.

Уисс шевельнул плавником, приглашая Нину за собой. Нина включила головной фонарь, вслед за Уиссом подплыла к проходу и остановилась, изумленная. В проходе была дверь! Тяжелая, решетчатая дверь из желтого металла, который Нина приняла сначала за медь, но потом сообразила, что медь в морской воде давно покрылась бы слоем окиси...

Дверь была широко распахнута. Нина, словно желая убедиться, что решетка не обман зрения и не бред, медленно провела пальцами по толстым шероховатым прутьям грубойковки, по неровным прочным заклеп-

кам, по силуэту дельфина, умело вырубленному зубилом из целого куска листового золота... Похоже было, что все это сделано человеком, но когда, зачем и для кого?

Нина попробовала повернуть дверцу на петлях, но дверца не поддавалась.

Золотой дельфин, наискось пересекая решетку, застыл навеки в бесконечном прыжке.

Академик Карагодский никак не мог уснуть в эту ночь.

Вернувшись к себе в каюту после переполненного впечатлениями дня, он разделся, накинул на плечи пушистый халат и долго стоял перед зеркальной стеной, разглядывая себя.

Из стеклянной глубины на него смотрел высокий плотный старик, еще довольно крепкий, хотя и основательно расплывшийся. Чрезмерная полнота, однако, не безобразила его: даже двойной подбородок и объемистый живот только подчеркивали весомость и значительность всей фигуры. Но в этой знакомой благополучной фигуре появился какой-то диссонанс...

С некоторым замешательством всматривался Карагодский в свои собственные глаза и не узнавал их. У них изменился даже цвет, они отливали синевой. Помолодевшие, они разглядывали академика с откровенной неприязнью.

Нет, это уже слишком. Если собственное отражение начинает тебя так разглядывать, значит, дело плохо. На корабле сумасшедших, наверное, действует какое-то биополе, попав в зону которого сам становишься сумасшедшим.

Интересно, как он будет вести себя, вернувшись домой? Снова заседания, президиумы, обременительная дружба с некоторыми «персонами». Или...

Карагодский поплотней запахнул халат и настежь открыл оба иллюминатора. Острый запах соли и шал-

фея щекотал ноздри. Полная луна плыла над морем, покачиваясь в темном небе, как детский шарик.

В тени острова Карагодскому почудилось движение. Что-то сильно плеснуло и стихло.

Карагодский придвинул кресло к видеofону Все-союзного нооцентра и набрал шифр. На экране загорелась надпись: «Просим подождать». Машинам пришлось копаться в своей всеобъемлющей памяти. Наконец загорелись сигналы готовности, и Карагодский, шурша переключателем, принялся просматривать материалы: крикливые газетные заметки, запальчивые журнальные статьи, схемы и описания опытов.

Всякие сомнения отпали: о таинственном биоизлучении писали еще в XX веке. Исследовалось оно предельно наглядно и просто. Бралась схема грозоотметчика Попова, прапрадедушки радиоаппаратов. Только вместо стеклянной трубки со стальными опилками ставился «живой детектор» — цветок филодендрона. «Живые детекторы» чувствовали мысленные угрозы человека — «излучается» за триста миль, и все известные способы экранирования не мешали растениям фиксировать сигналы. Но большое открытие прошло по разряду ежедневных «газетных уток» и было, как часто бывает, крепко забыто.

И только Пан... Откуда у него это чутье, эта прямо-таки патологическая потребность копаться в пройденном и по-новому оценивать его, сопоставляя явления, на первый взгляд совершенно несопоставимые?

Карагодский снова включил экран и набрал новый шифр:

«Крито-микенская культура, кикладская ветвь — полностью». Он рассеянно просмотрел по-немецки педантичные и подробные отчеты первооткрывателей «Эгейского чуда» — археологов Шлимана и Дерпфельда, улыбнулся выпенненным описаниям англичанина Эванса, без сожаления пропустил историю величия и па-

дения многочисленных царств Крита, Микен, Тирифа и Трои — хронологию войн и грабежей, строительства и разрушения, захватов и поражений, восстановленную более поздними экспедициями.

Он замедлил торопливый ритм просмотра, когда на экране появились развалины Большого дворца в Кноссе. Объемный макет восстановил изумительный архитектурный ансамбль таким, каким был он добрых четыре тысячи лет назад. Огромные залы с деревянными, ярко раскрашенными колоннами, заметно суживающимися книзу; гулкие покои, тускло освещенные через световые дворики; бесчисленные кладовые с рядами яйцевидных глиняных пифосов; замшелые бока двухметровых водопроводных труб; бани с бассейнами, выложенными белыми фаянсовыми плитками, и десятки, сотни зыбких висячих галерей, таинственных ходов, переходов, коридоров, тупиков и ловушек, прикрытых каменными блоками, поворачивающимися вокруг оси под ногой неосторожного. И всюду — фрески, выполненные чистыми, яркими минеральными красками на стенах, сложенных из камня-сырца с деревянными переплетами: динамические картины акробатических игр с быком, праздничные толпы, сцены охоты, изображения зверей и растений...

Карагодский остановил изображение. Необычная фреска что-то ему напомнила. Полосатая рыба — судя по всему, это был морской карась — была нарисована на штукатурке сразу в шести проекциях одновременно: этакое сверхмодернистское чудище с четырьмя хвостами между глаз. Как на экране в центральной операторской, когда Пэн рассказывал о том, как видит предметы дельфин...

И что за чушь лезет в голову! Как могло увиденное дельфином попасть на фреску, написанную человеком?!

А если пента-волна?

Биосвязь между человеком и дельфином за две тысячи лет до нашей эры?

Карагодский теперь не обращал внимания на живописные достоинства критских росписей. Переключатель замирал лишь тогда, когда на экране появлялись дельфины или морские животные.

А таких изображений было много — на фресках, на вазах, на бронзовом оружии и на домашней утвари. И тем более странным казалось то, что все это множество рисунков повторяло в разных сочетаниях и поодиночке одни и те же темы: рубиново-красная морская звезда; фиолетовый кальмар с веером разноцветных черточек вокруг тела (свечение?); серо-зеленый мрачный осьминог, раскинувший щупальца; дельфин, изогнувшийся в прыжке, и женщина в позе покорной просьбы: правая рука протянута к дельфину, левая прижата к груди.

Золотой стилизованный дельфин мелькал на дорогих кинжалах без рукоятки, с четырьмя отверстиями для пальцев — такие кинжалы островитяне надевали на руку как кастет. Силуэт дельфина был вырезан на инкрустированной большими сапфирами царской печати Кносса, на женских браслетах и на мужских перстнях. Мраморная скульптурная композиция, найденная на Кикладах, варьировала уже знакомую сцену; женщина в одежде жрицы и дельфин, могучим изгибом полубнявший ее колени.

Но больше всего Карагодского заинтересовала «кикладская библиотека» — несколько десятков фаянсовых плиток, испещренных черными линиями пиктограмм. Письмена-рисунки иногда еще хранили сходство с предметами и существами, о которых рассказывали: в неровных точках угадывались все та же морская звезда, все тот же кальмар, грозный осьминог и летящий дельфин. Фигурки людей в разных позах, видимо, повествовали о каких-то действиях и событиях. Но большинство рисунков не имело никакого сходства с реальными предметами — это были уже условные знаки, иероглифы, значение которых угадать невозможно.

Карагодский нажал клавишу «Перевод» и получил лаконичный ответ: «Письменность не расшифрована».

Ему вдруг отчаянно захотелось закурить — впервые за тридцать лет строгого воздержания. Короткая фраза звучала прямо-таки кощунственно. Где-то в глубоком космосе летели земные корабли, где-то гудела в магнитных капканах побежденная плазма, воскресали мертвые, думал искусственный мозг, совершал геркулесовы подвиги неустанный робот, а эти вот неказистые белые таблички с кривыми рядами убогих рисунков, словно издеваясь над разумом человеческим, столько тысячелетий хранят свою тайну — тайну, которая, быть может, важнее всего, что сделано человечеством до сих пор...

Видеофон тихо гудел, ожидая новых заданий. Карагодский положил пальцы на наборный диск и заду-мался.

Если нет прямого пути к разгадке символической пятерки — звезда, кальмар, осьминог, дельфин, жрица, — значит, надо искать обходный. Повторение живописного сюжета не может быть случайным — слишком велико для случайности число совпадений. Следовательно, пятерка эта имела какой-то высший смысл. Пальцы проворно отщелкивали комбинацию двоичных цифр — дополнительный шифр: «Религия, храмы».

И снова в ответ короткие: «Религия неизвестна, храмы не сохранились».

Карагодский раздраженно хлопнул по панели ладонью. Экран погас.

Было уже около двух ночи, когда Карагодский, не снимая халата, прилег на тахту...

Он очнулся от резкого чувства страха. Звонил корабельный видеофон.

У аппарата стоял Пан. Он был в пижаме, но звонил, видимо, из центральной лаборатории: за его спиной пестрела путаница висячих кабелей.

— Вениамин Лазаревич, извините, пожалуйста...

Я разбудил вас... Простите, но тут такое дело... Перед сном вы не заметили ничего подозрительного?

— Подозрительного? В каком... В каком смысле?

— Д... Девчонка! Нина сбежала! Вот, оставила записку и сбежала!

— Вы в центральной? Я сейчас приду...

Уже в коридоре академик сообразил, что выскочил без-пиджака, остановился было, но махнул рукой и, отдуваясь, полез вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки.

— Вот... Полюбуйтесь...

Карагодский развернул листок. Крупные неровные строчки торопливо загибались вверх: «Милый Иван Сергеевич! Пожалуйста, не сердитесь. Таково условие Уисса — я должна быть одна. Я не могу поступить иначе. Не волнуйтесь за меня. Все будет хорошо. Я верю Уиссу. Нина».

— Как вам это нравится? Современный вариант «Похищения Европы»! Место действия прежнее — Эгейское море. Время действия — двадцать первый век, поэтому в роли Зевса выступает дельфин, а в роли прекрасной критянки Европы — ассистентка профессора Панфилова, кандидат биологических наук Нина Васильевна Савина. Весь антураж сохраняется: лунная ночь, безмянный остров, аромат экзотических трав... Девчонка! Заполошенная девчонка! Фантазерка!

Пан яростно потряс над головой сухим кулачком, в котором был зажат знаменитый синий галстук. Даже чрезвычайное событие не смогло сломать автоматизма привычки: внешний мир и галстук были неотделимы.

Карагодский легонько тронул за плечо разбушевавшегося Пана:

— Иван Сергеевич, а что, если воспользоваться вашей техникой?

Пан отмахнулся.

— Вызвать Уисса? Пробовали — не отвечает.

— Да нет, не вызывать, а вот об этих экранах, ведь...

Но Пан уже понял.

— Толя! Толенька! Немедленно! Гидрофон! Ну как это я сразу не сообразил... Ведь локатор Уисса работает непрерывно — мы найдем его по звуку.

Пока Толя возился с аппаратурой, Пан извелся. Он теперь не ходил, а бегал по лаборатории с завидной выносливостью опытного марафонца. Его яркая пижама какого-то немыслимого ультрамаринового оттенка методично металась из стороны в сторону, и через десять минут у Карагодского поплыли перед глазами синие пятна.

— Ни черта не понимаю...

Толя повернулся на стуле спиной к экрану и обвел всех удивленным взглядом.

— Я врубил гидрофон на полную мощность. Пусто... Или их нет в радиусе пятидесяти километров, или...

— Что — или? — очень тихо спросил Пан.

— Или они сквозь землю провалились...

Подземная галерея, изгибаясь плавной спиралью, вела куда-то вверх. Позади осталось уже не меньше трех полных витков, а выхода пока что не предвиделось. Овальный ход был метра два в диаметре, и они снова могли плыть вместе — Уисс легко и стремительно нес Нину по каменному желобу.

Время от времени в свете фонарика мелькали четырехугольные боковые ответвления от главного хода, но Уисс, не останавливаясь, летел дальше, и загадочные ниши оставались позади. Однажды среди коричневых и буро-зеленых пятен блеснуло что-то белое: Нине показалось, что ниши облицованы чем-то вроде кафеля или фаянса.

Галерея кончилась внезапно: стены вдруг исчезли, и Нина с Уиссом, пронзив толстый пласт воды, с резким всплеском вылетели на поверхность.

Их окружила плотная темнота, и луч фонарика, го-

рящего вполнакала, беспомощно обрывался где-то в высоте. Но по тому, как забулькало, заклокотало, заверещало, загудело эхо, усиливая всплеск, Нина определила, что они попали в большую пещеру.

Воздух в пещере был свежим и острым, как в кислородной палатке. Неожиданный медовый настой эспарцета охлаждал губы. Уисс уже отдышался и медленно поплыл в глубь пещеры.

Нина подняла защитный рефлектор, чтобы прямой свет не бил в глаза, и включила фонарь на полную мощность. Маленькое солнце зажглось над ее головой.

Пещера оказалась огромным круглым залом с высоким сводчатым потолком. Стены в три этажа опоясывали массивные каменные балконы с невысокими барьерами вместо перил. Очевидно, когда-то с балкона на балкон вели широкие деревянные лестницы — сейчас еще торчали кое-где полусгнившие обломки раскрашенного дерева. Несколько балконных пролетов обрушилось, но на остальных сохранился даже лепной орнамент, изображающий рыб в коралловых зарослях. Над балконами свисали переплетенные осьминожьими щупальцами из позеленевшей меди, поддерживающие стилизованные раковины плоских чаш. За каждым из таких давно погасших светильников на стене висел круглый вогнутый щит, густо запорошенный пылью.

Точно такие щиты металлической чешуей покрывали почти весь купол потолка, правильными рядами окружая квадратные проемы, бывшие когда-то своеобразными окнами. Травы, кусты шалфея и длинные стебли эспарцета забили теперь эти окна сплошной серо-зеленой массой, которая свисала внутрь храма многометровыми клочковатыми хвостами.

Все пространство стен между нижним рядом окон и верхним балконом было занято росписями, удивительную свежесть и сочность которых не могли погасить ни многовековой слой пыли, ни бурые потоки мхов, ни об-

ширные ядовито-яркие пятна плесени. Часто роспись смело и непосредственно переходила в цветные рельефы, и это придавало изображениям жизненность реально происходящего.

Росписи и рельефы воспроизводили сцены какого-то сложного массового ритуала. Многочисленные повреждения не давали проследить сюжетное развитие сцен и понять смысл обряда, но сразу бросалось в глаза, что на фресках нет ни одной мужской фигуры, так же как нет традиционных картин войны или охоты, работы или отдыха. В изысканной ритмике медленного танца на ярко-синем фоне чередовались вереницы обнаженных женщин и ныряющих дельфинов, пестрые стайки летучих рыб и осьминоги с человеческими глазами, пурпурные кальмары, с раковинами в щупальцах и малиновые морские звезды, приподнявшиеся на длинных лучах. В этом красочном поясе не было ни начала, ни конца, ни логического центра — только бесконечное кружение, завораживающий хоровод цветовых пятен.

А вместо пола в зале стеклянно сверкала плоскость воды, на которой еще не стерлись бегучие круги, вызванные появлением Уисса и Нины. Глубокий пятиугольный бассейн, в который привела их длинная спираль «подводного хода» из открытого моря, занимал всю площадь зала, за исключением невысокого помоста, куда из воды вели четыре мраморные ступени.

Шлепая по мрамору мокрыми ластами, Нина вышла на квадратную каменную площадку, выложенную фаянсовой мозаикой. Судя по всему, мозаичный пол служил неведомым жрицам не одно столетие. Часть плиток была выбита, другая — истерта до основания, а по оставшимся восстановить рисунок было уже невозможно.

Почти у самых ступеней стоял трон с высокой резной спинкой, вырубленный из целого куска желтого мрамора. По обе стороны на высоких треножниках покоились раковины из бледно-розовой яшмы со следами выгоревшего масла на дне. А за раковинами, чуть по-

одадь — два непонятных воткнутих щита, как на стенах и потолке.

Нина провела ладонью по поверхности щита, стирая пыль, и на нее глянуло чудовищно искаженное, огромное человеческое лицо. Оно испуганно и страшно перекосилось, выкатив серо-зеленые сгустки глаз, дернулось в сторону.

Зеркало. Обыкновенное вогнутое зеркало, кажется, из «электрона», как называли древние греки сплав золота и серебра. Все эти бесчисленные щиты просто-напросто рефлекторы, отражатели для масляных светильников и немногих дневных лучей, что проникали когда-то сквозь оконные проемы купола.

А ведь это было, наверное, сказочно красиво: бледно-голубое мерцающее сияние под куполом, колеблющиеся разноцветные огни светильников, превращенные десятками зеркал в переливающиеся световые потоки, и вся эта бесшумная, бесплотная, неуловимо изменчивая симфония красок падает невесомо в широко раскрытый, влажно поблескивающий глаз бассейна...

Кому предназначалась эта феерия? Тем, кто следил за ними из глубины, через прозрачный пласт воды?

Что за таинственный ритуал совершался в этом храме? И как попадали сюда люди — ведь не для дельфинов, не для прочих морских обитателей эти лестницы и балконы, эти светильники и зеркала, эта окна и фрески, а ведь в стенах нет ни одной, а до оконных отверстий могут добраться только птицы...

В храм можно попасть, как попали они с Уиссом, — с морского дна, по спирали подводно-подземного хода, сквозь пятнадцатиметровый слой воды в бассейне... А это возможно только с могущественной помощью существ, чьи добрые и сильные тела изображены на фресках...

Кстати, почему на фресках нет ни одной мужской фигуры? Ведь не женщины же вырубали в скале этот зал, ковали светильники и зеркала, расписывали стены

и выкладывали мозаики, придумывали систему вентиляции воздуха в храме и протока воды в бассейне...

Кто, когда и зачем посещал этот единственный в своем роде храм?

— Женщины. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай... — прозвучал где-то в висках — или за спиной? — ее собственный голос. — Женщины. Очень давно. Слушали музыку звезд. Они не понимали всего. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай. Будут петь звезды. Здесь, в воде.

Уисс висел в бассейне, опираясь клювом о нижнюю ступеньку. Темный глаз его смотрел на Нину печально.

— Ты поняла? Что надо смотреть?

— Да, — неуверенно ответила Нина.

Разумеется, она ничего не поняла. Да и не пыталась понять. Думать в ее положении было так же бессмысленно, как доделывать во сне то, что не удалось наяву. Сейчас важно было смотреть и слушать, видеть и запоминать. А понимать — это потом. Если все это вообще можно понять...

Нина села на трон и вздрогнула от ледяного прикосновения мрамора к телу. Аппарат, висевший на боку, глухо звякнул о камень. Только сейчас Нина вспомнила о видеомагнитофоне и огорченно прикусила губу — ведь его можно было использовать как обыкновенную кинокамеру, снять весь подводный путь, «волшебную лампу» и осьминога, подземную галерею и этот зал. Теперь поздно. Впрочем, интерьер храма она снять еще успеет — после того, что хочет показать Уисс.

Она поудобнее устроила аппарат на коленях, сняла переднюю стенку бокса, открыла объектив и выдвинула в направлении бассейна раскрывшийся бутон микрофона.

— Убери свет.

Рука, потянувшаяся к шлему, замерла на полпути. Уисс плавным толчком пошел на другую сторону бас-

сейна, и, проводив его взглядом, Нина увидела прямо напротив, в глубокой нише, не замеченную раньше скульптуру.

Хрупкая, наполовину раскрытая раковина из розового с фиолетовыми прожилками мрамора зубцами нижней створки уходила в воду. Нагая женщина полулежала на боку, у самой воды, опершись локтем на хвост дельфина. Дельфин, прижавшись сзади, положил голову ей на колени. Оба отрешенно и грустно смотрели прямо перед собой, не в силах расстаться и не в силах быть вместе, и верхняя рубчатая створка, казалось, вот-вот опустится вниз, замкнув раковину и навсегда скрыв от мира их встречу.

Женщина и дельфин были выточены из дымчатого темного обсидиана, и полупрозрачные тела их как будто таяли на розовом ложе, уходя в мир несбывшегося и несбыточного.

— Убери свет. И включай свою искусственную память.

Нина торопливо выключила фонарь и запустила видеоманитофон. Полная темнота и безмолвие хлынули из углов и затопили пространство. И только шорох аппарата нарушил тишину.

В храме повис еле слышный звук, даже не звук, а тень звука, одна томительная нота, где-то на пределе высоты, где-то у порога слуха.

В темноте возник еле видимый свет, даже не свет, а эхо света, один тончайший луч, где-то на пределе спектра, у порога зрения.

В носу появился еле различимый запах, даже не запах, а память запаха, одна мгновенная спазма, где-то на пределе дыхания, у порога обоняния.

Во рту появился еле различимый привкус, даже не привкус, а след привкуса, один соленый укол, где-то на кончике языка, у порога вкусовых отличий.

Кожу лица тронуло еле ощутимое прикосновение, даже не прикосновение, а ожидание прикосновения, одно

дуновение ветра, где-то на пределе давления, у порога осязания.

Не стало ни страха, ни боли, ни радости, все перестало существовать, и сама она сжалась в бешено пульсирующий клубок, раскинувший в пространстве пять живых антенн, пять органов чувств, и предельное напряжение вытянуло антенные щупальца в длинные лучи.

Мысли остановились, исчезли. Она не могла думать, оценивать, сопоставлять — она стала оголенным ощущением, сплошным, невероятно обостренным восприятием. Она была подобием морской звезды, неподвижно лежащей на дне Океана Времени: пять жадных лучей во все стороны, а вместо тел — хищный мозг, ждущий добычи, и память, готовая принять все, что придет...

Перед ней вспыхнул пятиугольный экран. В его голубой глубине светились многоцветные звезды.

Высокий вскрик, упавший до вздоха, пролетел над куполом. Призыв и мука слышались в нем.

Нет, это был не экран — это была дверь. Зеленая дверь в неведомый мир, который чем-то знаком и близок, он как забытая детская сказка, которую пытаешься вспомнить в одинокой старости, но не вспомнишь ни слова, только неясный свет, и мягкое тепло, и прощение всему, и прощание со всем...

10. ЗЕЛЕНАЯ ДВЕРЬ

Она падала — падала безостановочно, ощущая лишь напряжение скорости и глухую тоску безвременья. Непрекращающийся взрыв потрясал все вокруг.

Ломались, едва возникнув, хрупкие рисунки созвездий, вздувались и лопались звездные шары, бешеное вращение сжимало и разрывало в клочья газовые туманности, растирало в тончайшую пыль куски случайно отвердевших масс и выбрасывало в пространство.

Она летела сквозь эту мешанину обломков и бессмысленно кипящей энергии, сквозь раскручивающийся

огневорот — летела, одинаково легко пронизывая великие пустоты и сверхплотные сгустки тверди, — и прямой путь ее не могли скривить ни тяга магнитных полей, ни штормовые волны гравитации.

Она была бесплотным и сложным импульсом, в ней дремали до срока силы, неведомые ей самой. Вокруг бушевал разрушительный огонь, давя гроздь неформившихся молекул, срывая электронные пояса атомов, дробя ядра — и, казалось, не было ничего, способного противостоять его гибельному буйству.

Уже десятки ледяных планет с кремниевыми сердцами кружились вокруг звезды, и звезда следила за их полетом, как засыпающий красный глаз.

Это была лишь уловка, хитрый прием хищника, ибо однажды красный глаз раскрылся широко и цепкие протуберанцы метнулись к планетным орбитам.

Вспышка длилась недолго, и дальние ледяные гиганты успели отступить в спасительный сумрак, и лишь один из них, разорванный двойным притяжением, опоясал светило широким кольцом из обломков и пыли.

Вспышка длилась недолго, но близкие планеты снова стали голыми оплавленными глыбами — пламя слизнуло ледяной панцирь и развеяло в пустоте пустот.

Атомный огонь обрушился на среднюю планету, и гам, как и везде, лед стал газом. Газ рванулся в пространство, но тяготение не отпустило его. Оно скручивало пар в титанические смерчи, свивало в узлы страшных циклонов, сдавливало и прижимало к каменному ядру.

Освобожденно и устало пронесся вздох — это урагано и грузно упали на камень горячие ливни.

Разошлись и соединились бурлящие воронки.

Нина стала морем, безбрежным и безбурным, и это было мучительно и сладко, как короткая минута, когда уже не спишь и еще не можешь проснуться. Только минута эта длилась миллиарды лет.

Она еще не была живой, но в ней бродил хмель

жизни, и в голубом свечении радиации поднималась грудь, и токи желанно пронизывали плоть — и долгим жадным объятием обнимала она Землю, предвкушая и торопя неизбежный миг.

Гонг прозвучал — дрогнуло и расколосось дно, и белая колонна подземного огня пронзила водные толщи, ударила в низкие тучи и опала гроздьями молний.

В затихающем водовороте покачивался шарик живой протоплазмы...

* * *

Это походило на забавную игру, когда в бурной круговерти развития, в суматошной смене форм Нина переходила из стадии в стадию, превращаясь из организма в организм, смешные, уродливые, фантастические сочетания клеток, скелетов, раковин, — все кружилось зыбко и цветасто, словно примеряло маски для карнавала.

Какой был карнавал!

Не существовало никаких законов — море щедро. Можно было плавать, шевеля ушами. Можно было превратиться в большой пузырь и всплыть на поверхность или, наоборот, опуститься на дно, заключив себя в изящную роговую шкатулку. Наконец, можно было вообще ни во что не превращаться, а просто висеть куском студня в средних слоях.

Нина не заметила момента, когда перестала быть участницей пестрого хоровода, а стала только зрительницей. Крепкий кремниевый панцирь прикрывал ее от всяких неожиданностей и опасностей. Вокруг шарообразного тела торчал густой лес длиннейших игл-антенн, переплетенных в тончайшие кружева. Каждая игла была пронизана миллионами ветвящихся обнаженных нервов.

Она не могла передвигаться, да в этом и не было нужды: в морской воде было достаточно пищи, а пульсирующие каналы связи соединяли множество подобных шаров, разбросанных по Мировому океану.

Хоровод продолжался, странные создания проплывали мимо, рождались и умирали, уступая место другим, а кремниевые шары неизменно и бесстрастно следили за каруселью эволюции, стараясь найти причины и следствия каждого изменения, предугадать многозначные ходы приспособления, проникнуть в тайну тайн превращений живого вещества.

Море не помнило своих ошибок и удач. Беззаботно продолжало оно игру, перебирая цепочки случайностей.

Длился Первый Круг Созидания.

Все вершилось медленно, очень медленно — миллионлетние геологические эпохи проносились и затихали короткой рябью. Вода сжимала землю, и от чудовищных сил сжатия плавилась недра. Твердь вспухала, заставляя отступать море, и застывала неровными пятнами материков. Мертвыми надгробиями из базальта и нейса высились они среди океана.

Жизнь переполняла океан. Колыбель становилась тесной. Место в ней доставалось боем.

Это случилось, когда базальтовый суперматерик занимал почти пятую часть поверхности планеты и первый «десант» зоофитов, цепких полуживотных-полурастений, в поисках жизненного пространства высадился на береговые скалы.

Нина почувствовала голод.

Напрасно напрягались слабые мышцы, прогоняя сквозь организм морскую воду — пищи в ней почти не оставалось после тысяч прожорливых существ, снующих рядом.

Так начался Второй Круг.

* * *

Оставалось одно — действовать самой.

Она вновь и вновь переживала свое первое движение: легкое напряжение щупалец — и тело послушно подня-

лось вверх, едва уловимое сокращение мышц — и тело передвинулось вбок, дрожь расслабления — и тело опустилось на песок, слежалый от века. Три внутренних приказа, три неуверенных исполнения, но она пережила целую эпоху ожидания и сомнения, страха и радости.

А когда наступал отлив, солнце тянуло к ней горячие красные щупальца, пронизывало мутную воду щеко-кочущим теплом радиации, рождая в крови смутную музыку странных стремлений.

Близился Третий Круг.

* * *

Нина вместе с другими все чаще и дальше проникала в лагуну. Небольшая стая самых неумных и самых отчаянных входила в узкий проход вместе с приливом и бродила по мелководью, пока дыхание отлива не позовет назад, в привычную глубину.

Подплывая к берегу, Нина видела буйные заросли неведомых трав, огромные зелёные утесы деревьев, летающие армады насекомых. И все чаще ей приходило в голову, что именно на суше, наедине с солнцем, свершится дерзкая мечта — опередить природу, используя ее собственную неустойчивость, освободиться от давящей власти Времени, предельно ускорив ритм приспособления.

Однажды, когда начался отлив и разная морская мелочь, давась, бросилась за уходящей водой, Нина обняла острый камень и застыла на месте.

Инстинкт самосохранения стучал в ней набатным пульсом — отпусти, разожди плавники, уходи, — но она, дрожа и напрягаясь, подавила тревожный импульс.

Широко расставленные телескопические глаза видели, как непоправимо светлеет голубизна, чуткая кожа чувствовала, как скачками поднимается температура и острые иглы космических частиц вонзаются в тело, но она не разжала сомкнутых плавников.

Воздух оглушил, судорога свела тело, последний мут-

ный поток отбросил ее от камня и перевернул на спину. Зеленая линия побережья чудовищно исказилась в глазах, созданных для подводного зрения.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Нина поняла, что она все-таки жива. Слизь на коже превратилась в роговые чешуйки, и спасительный панцирь защитил плоть от мгновенного высыхания. Лабиринтовый орган позволил дышать — тяжело, трудно, но дышать. Сердце билось яростной барабанной дробью, но все-таки билось.

Лавина энергии падала сверху, прижимая к горячему илу — желанная и страшная энергия атомного огня.

Прошло еще немного времени, прежде чем Нина ощутила в себе возможность расправить мышцы. Попробовала перевернуться, и, как ни странно, это ей удалось.

Еще не веря в случившееся, она выкинула плавники вперед и медленно, неуверенно подтянула отяжелевшее тело...

* * *

Нина недоуменно и долго смотрела на свои руки, протянутые к бассейну.

Уисс парил у ног, кося внимательным глазом. Морские звезды на дне едва тлели, сложившись в правильный треугольник. Она приходила в себя рывками, мгновенными озарениями. Она снова ощутила пустоту и тишину храма. Уисс молчал.

— Это все? — спросила Нина. Она не была уверена, что произнесла слова, потому что спекшиеся губы не хотели шевелиться.

— Это все?

— Нет, это не все.

Голос внутри опустошенного мозга звучал глухо и низко, бился о стенки черепа, как птица, случайно залетевшая в окно и не находившая выхода.

— Нет, это не все. Был Третий Круг, когда предки дэлонов вышли на сушу и стали жить там. Третий Круг называют по-разному, но в каждом названии боль. Круг Великой Ошибки, Круг Гибельного Тупика — стоит ли перечислять? Мы, живущие сейчас, чаще всего зовем его Кругом Запрета, ибо только Хранители способны вынести бремя его страшных знаний.

— Хранители. Ты — Хранитель?

— Да, я один из них. Остальные дэлоны не могут переносить безумное знание Третьего Круга. Это Запрет во имя будущего.

— Я смогу?

— Ты не сможешь и не поймешь. Слишком слаба воля и несовершенно знание. Я покажу тебе песню — то, что помнят все остальные дэлоны. Это не страшно — тебе не надо перевоплощаться. Только смотреть и слушать, и оставаться собой.

* * *

Морские звезды в бассейне плавно сдвинулись и поплыли музыкальными узорами цветowych пятен, и низкий мелодичный свист Уисса затрепетал под каменными сводами храма.

Уисс был прав — ее сознание не отключилось, она чувствовала под руками холод каменных подлокотников, незримый объем зала и дрожь «видеомага» на коленях.

Пронзительный тоскующий мотив плескался у ног, странные картины и слова сами собой рождались в аккордах цветомузыки.

Был день встречи и день прощания, и между ними прошла тысяча лет.

Было солнце рассвета и солнце заката, и обманчивый свет величия ослепил прашуров...

То, что видела Нина, не имело аналогий с челове-

ским опытом, и даже приблизительные образы не могли передать сути происходящего. Какие-то удивительные существа бродили по Земле, и ни одно из них не походило на другое. Больше того — сами существа беспрерывно изменялись: кентавры превращались в шестикрылых жуков, жуки — в раскидистые деревья, деревья — в грозовые облака... Раскручивалась карусель превращений, все плыло, все менялось на глазах — и вот уже то ли существа, то ли тени существ, полуматериальные, полубесплотные, распадаясь на подобию окружающих предметов, сливаясь в плотные смерчи голубого горения, проносятся на фоне текучих сюрреалистических пейзажей. Невозможно понять, что они делают, но их танец имеет какую-то непостижимую цель.

А песня тосковала, переливаясь в слова:

— Они искали идеального приспособления — и все дальше уходили в лабиринты Изменчивости.

— Они все быстрее изменяли себя — и все ближе и ближе подходили к границам Бесформия, за которыми огонь и хаос.

— Они не могли, не хотели остановиться, хотя догадывались, что час близок.

— Играя с огнем, они надеялись победить природу.

— И свершилось...

Земля летела по орбите, медленно поворачиваясь к солнцу красновато-зеленой выпуклостью гигантского праматерика. Дымчато-желтые облака плыли над ним, скручиваясь кое-где в замысловатые спирали циклонов.

И вдруг в центре материка появилась слепящая белая точка. Она росла и скоро засверкала ярче солнца.

Материк лопнул, как лопается кожура перезревшего плода, и мутное зарево раскаленных недр осветило трещины.

Исчезло все — контуры суши, просинь дрогнувшего океана, — пар, дым и пепел превратили планету в раздувшийся грязно-белый шар, который, как живое существо, затрепетал, пытаясь сохранить старую орбиту.

Раненой Земле удалось сохранить равновесие, хотя катастрофа изменила ось вращения.

Казалось, ничему живому не дано уцелеть в этом аду, в этом месиве огня и мрака, в этих напóлзающих серых тучах, среди медлительно неотвратимых ручьев лавы и рушащихся гор...

И тогда явилась та, которой суждено было явиться, и имя ей было Дэла.

Из пены волн явилась она и позвала всех, кто остался.

И когда все, кто остался, собрались в одно место, она сказала им слово Истины.

— Позади смерть, впереди море, — сказала она. — Выбирайте!

Все хотели жить и поэтому выбрали море.

— Праматерь живого примет вас, — сказала Дэла, — и пусть идут века.

— Пусть идут века, и пусть покой придет в ваши души, и будет Четвертый Круг — Круг Благоразумия.

— Пусть покой придет в ваши души и сотрет память о Третьем Круге, и только Бессмертные будут помнить все.

— За зеленой дверью Запрета пусть спят до времени страшные силы и тайны, которые открылись слишком рано.

— Ибо нет большей ошибки, чем применить знание, которое не созрело, и освободить силу, которая не познана до конца.

— Ибо Равновесие — суть всего живого и жизнь — охранительница Равновесия Мира.

— И когда вы будете здоровы телом и духом, и сильны дети ваши, и беззаботны вновь дети детей ваших, тогда начнется Пятый Круг, Круг Поиска.

— Чтобы соединить вновь разрозненное в единое, разбитое в монолитное. И это будет Шестой Круг — Круг Соединенного Разума.

— А до той поры пусть нерушимо будет Слово За-

прета и пусть некоторые из вас будут бессмертны в поколениях, чтобы передать Соединенному Разуму знание Третьего Круга...

11. ПЕРЕКРЕСТОК

Нина устала, очень устала — она потеряла чувство времени и удивилась, взглянув на часы, — там, в мире людей, уже занималось утро.

Она совершенно автоматически выключила «видео-маг» и продолжала сидеть на мраморном троне. И только когда Уисс во второй раз позвал ее, она покорно поднялась, спустилась по влажным ступенькам. Вода приняла тело, стало легче.

Убедившись, что Нина держится за плавник достаточно крепко, Уисс нырнул, и вновь полетел навстречу подземный тоннель — теперь уже вниз, к выходу.

Нина понимала, что времени остается все меньше и меньше, что надо, пока не поздно, задавать вопросы — как можно больше! — иначе не найти ключей ко всему виденному и слышанному. Она мучительно старалась поймать самое главное, но спросила то, о чем почти уже догадалась сама:

— Почему ты уходишь?

— Это воля Бессмертных.

— Но ты же один из них?

— Да. И поэтому я должен подчиниться.

— Ты вернешься?

— Не знаю. Мне надо убедить остальных.

— Убедить? В чем?

Они пронеслись по каменной трубе добрую сотню метров, прежде чем Уисс ответил:

— В том, что люди разумны. В том, что начался Пятый Круг — круг Поиска Равных, Поиска Друга.

Нина заговорила вслух, заговорила горячо, сбивчиво, и голос ее, зажатый маской акваланга, звучал в гидрофонах обиженным всхлипом:

— Уисс, катастрофа в Атлантике — ошибка. Страшная, трагическая. Ты должен понять. Люди не хотели зла дельфинам. Это вышло случайно, пойми... Я... я просто не знаю, как тебе объяснить...

И опять Уисс помолчал, прежде чем ответить:

— Я понимаю. Почти понимаю. Но остальные не понимают. Мне надо их убедить. Будет трудно. Ибо длится Четвертый Круг — круг Благоразумия, в котором народы Дэла нашли покой.

— Уисс, каждый из нас несовершенен. Но мы строим общество, где эти несовершенства будут взаимно уничтожены. Мы называем его коммунизм.

— Я нарушил Запрет, потому что верю в людей.

Они миновали распахнутую золотую дверь и выбрались наконец из недр загадочного острова. Снова приковылял старик осьминог и с ловкостью заправского швейцара прикрыл решетку, завалив вход огромным камнем.

На этот раз заговорил первым Уисс:

— Мы давно уже ищем встречи. Мы помним древний завет — собрать и соединить вместе крупницы разума, рассеянные во всем живом и разобщенные временем.

— Уисс... Уисс, расскажи обо всем — об этом храме, о поющих звездах, о тех, кто приходил сюда, — расскажи!

— Это долго. У меня нет времени.

— Расскажи.

— Ты устала.

— Уисс, прошу тебя!

— Было время, когда мы и люди почти понимали друг друга. Они считали нас старшими братьями, и мы хотели научить их тому, что знали сами. Они строили скалы, пустые внутри, и женщины приходили сюда, чтобы слушать нас. И мы говорили с ними.

— Только женщины приходили к вам?

— Да, только женщины.

— Почему?

— Долго объяснять. У людей все по-другому. Женщины учили мужчин тому, чему учили их мы.

— Что же было потом?

— Потом мы перестали понимать друг друга.

— Почему?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Раньше мы думали, что разум людей увял, не успев распуститься, что люди выродились, и на суше невозможна разумная жизнь. Так думали почти все.

— Почти все?

— Да, почти все. Но были такие, кто не верил этому. Они искали встречи даже после провала первой попытки. Многие погибли.

— Их убили люди?

— Да. А те, кто остался, приняли кару.

— Какую кару?

— Нам надо спешить...

— Ты бессмертен, Уисс?

— Да. Я не имею права умереть естественной смертью. Это и есть кара.

— Бессмертие — кара?! Бессмертие — самая сладкая мечта человечества! Наука веками боролась за всемерное продление жизни! А возможность продлить жизнь бесконечно... Это сказочное счастье!

— Люди — большие дети. Нет ничего страшнее, чем жить, когда твой жизненный круг замкнулся, когда ты отдал живому все, что мог, и не можешь дать больше, когда все повторяется и повторяется без конца, не согревая тебя неизведанным, когда нет желания жить! Только за очень большую вину наказывают бессмертием!

— Ты был виноват?

— Нет. Я принял вину отца, как он когда-то принял вину деда. Наказание бессмертием вечно, но бессмертный может обрести право на смерть, если его вину примет сын.

— И сын становится бессмертным?

— Да.

— И ты будешь жить вечно?

— Нет. Я устал. У меня есть надежда. У меня есть сын. Он еще маленький. Но если, став взрослым, он добровольно примет мою вину, я получу право на смерть. Блаженную смерть...

— Я не понимаю, Уисс... Выходит, бессмертные виновны... Почему же они правят всеми дельфинами?

— Мы не правим. Мы несем кару.

Уисс потянул Нину вверх осторожно, но повелительно. Внизу мелькнул и пропал коралловый лес. Проекторы хотептерусов уже погасли, и буйные заросли медленно расплывались, отдаляясь, темным красно-бурым пятном.

От праздничной подводной иллюминации не осталось и следа. Уисс и Нина летели сквозь серо-синюю муть воды, еще не тронутую солнцем. Изредка попадались медузы, но их смутные полупрозрачные колпаки ничем не напоминали ночного великолепия. Даже пестрые рыбки, деловито снующие между всякой мелкой живностью, спускающейся на дно, выцвели и поблекли.

А может быть, это чувство скорой разлуки гасило краски?

В наушниках зазвенели знакомые стеклянные колокольчики автопеленга, возвращая к действительности. Волшебная ночь подходила к финалу, и пора было думать о том, как оправдаться на корабле.

Поверят ли ей? Поймут ли? Пан... Пан поймет. Он будет дотошно крутить ленту «видеомага» взад и вперед, высчитывать и сопоставлять — милый, добрый, внимательный и все-таки... Все-таки недоверчивый. Он ученый и привык понимать разумом, а не сердцем.

Если бы он был рядом с ней в эту ночь, если бы мог физически пережить то, что пережила она! Тогда не пришлось бы ничего доказывать...

Они были уже где-то рядом с надувной лодкой, по-

тому что серая муть превратилась в голубое сияние, а колокольчики гудели колоколами.

Уисс остановился.

— Дальше ты поплывешь одна. Я ухожу. Прощай.

Нина обняла обеими руками его большую мудрую голову, прижалась к упругому сильному телу. То ли запотел щиток маски, то ли после темноты на свету защипало глаза, но все заволокло туманом.

— Ты вернешься, Уисс?

Уисс не умел лгать, но он знал, что такое грусть и надежда. Он взял в широкий клюв пальцы женщины, слегка сжал их зубами и помычал. И вдруг одним неуловимым мощным броском ушел в сторону и вниз, и через секунду его уже не было видно.

Нина не двигалась, парила в нескольких метрах от поверхности и задумчиво смотрела в водное зеркало. Прошло пять, десять минут, по зеркалу пробежала золотая рябь: где-то там, в мире людей, вставало солнце.

Вода стала совершенно прозрачной, и Нина видела вверх свое отражение — диковинное зеленовато-коричневое существо с блестящим овалом маски вместо лица. с ритмично вспухающими и опадающими веерами синтетических «жабр» за плечами.

Такой или не такой видел ее Уисс? Смешно, конечно, не такой — он все видит не так, как люди. Но тогда какой? Красивой или безобразной, с его точки зрения?

Правую руку слегка защипало. Она поднесла кисть к глазам и увидела небольшую царапину — Уисс слишком крепко держал ее руку. Нина улыбнулась чему-то, и ей стало легко и сладко.

Пора было всплывать, но это значило разбить золотое зеркало и вернуться в повседневность. Ей и хотелось и не хотелось этого. Она медлила. Она всегда медлила на перекрестках: ей всегда хотелось погасить светофоры и остановить встречные потоки: пусть люди попросту расскажут друг другу, что они видели в каждой стороне...

Дальнейшее случилось со скоростью неожиданного удара.

Она увидела в зеркале рядом с собой, только много ниже, длинную серую тень. Ей показалось, что вернулся Уисс, и она рывком повернулась навстречу тени.

Ей помогло то, что при резком повороте бокс с видеомагнитофоном отлетел в сторону.

Страшная пасть щелкнула у самого бока, и аппарат оказался в горле пятиметровой акулы. Он застрял там — его держал нейлоновый ремень, перекинутый через плечо Нины.

Акула не откроет пасти, пока не проглотит добычи — таков инстинкт. Значит, пока цел ремень, Нине не страшны акулы и зубы.

Но пока цел ремень, Нина привязана, прижата к акульему костистому боку.

Хищница уходила все глубже и глубже судорожными кругами, давясь и топыря жабры. Борьба с ней было бесполезно.

Пальцы шарили у пояса, но там было пусто. Импульсный пистолет-разрядник лежал на дне лодки. Она сама бросила его...

Уисс тоже не спешил к своим, хотя знал, что его ждут. Он хотел сосредоточиться, собраться перед нелегким спором. Чем кончится спор — неизвестно. Может быть, только Сусип поддержит его. Скорее всего только Сусип. Но и это немало. Три глота Сусип и пять глотов Уисса — это уже восемь глотов из двадцати одного...

Слабый сигнал тревоги замигал в мозгу. Уисс встрепенулся на покатой волне и напряг локатор.

Вокруг было спокойно, но сигнал не умолкал — теперь это был призыв о помощи; призыв едва уловимый, затухающий, невнятный, он мог принадлежать только одному существу на свете, и это существо не было дэлоном...

Он летел к острову, пытаясь на ходу определить по

сбивчивым импульсам размеры и суть опасности, грозящей этому существу.

Он смог уловить только пульс разъяренной акулы и еще более увеличил скорость.

Он уже видел их — хищник и жертва, непонятной силой прижатые друг к другу, метались у самого дна.

Призыв о помощи мигнул и погас. Нина потеряла сознание.

Уисс выстрелил ультразвуковым лучом в затылок акулы, целя в мозжечок. Огромная туша дернулась, перевернулась через голову и, покачиваясь, медленно опустилась на дно кверху брюхом.

Нина была жива, просто ремень сдавил ей грудь, не давая дышать. Нейлон оказался крепок даже для зубов Уисса, но в конце концов ему удалось перекусить сверхпрочную ленту. Не обращая внимания на оглушенную акулу, он осторожно взял Нину клювом за широкий пояс и перенес повыше, на круглую базальтовую площадку.

Нина теперь дышала свободно. Уисс терпеливо ждал, пока не проснется сознание, и, чтобы не напугать при пробуждении, отплыл немного в сторону.

Он совсем забыл об акуле и не заметил, как та, очнувшись, очумело шарахнулась за камни.

Он увидел ее прямо над собой. Благополучно проглотив аппарат с остатками ремня, она выгибала пятиметровую пружину своего узкого тела, чтобы броситься вниз, к базальтовой площадке.

Кровь! Как он не догадался сразу! У Нины была оцарапана рука, и акула учуяла запах крови. Этот запах пьянил ее.

Резкий взмах хвоста — и Уисс свечой взлетел вверх, пересекая бросок акулы. Хищница была раза в два больше дельфина, но точный удар в жабры сделал свое дело.

Уисс снизился над площадкой. Нина все еще не пришла в себя, но ждать больше было нельзя.

Уисс поднял Нину на спину и легко понес вверх, к темному пятну надувной лодки. Ее ждали — он видел зума с биноклем, красные всплески беспокойства исходили от него.

Действительно, едва Уисс поднял Нину на поверхность, чьи-то руки сразу подхватили ее.

Зум был так взволнован, что даже не заметил Уисса. Он наклонился над Ниной, торопливо снял маску акваланга и поднес к ее губам какой-то пузырек.

Уисс отплыл метров на двести и навсегда отпечатал в своей бессмертной памяти все, что было вокруг, — небо и солнце, море и остров, большой корабль и маленькую лодку — он видел все это и старался запомнить навсегда, чувствуя и понимая неизбежное.

Потом отключил все сорок четыре органа чувств и сосредоточил энергию в себе.

Только Бессмертным был доступен нуль-полет.

Пульс перешел в острую неприятную дрожь, постепенно нарастающую.

Через секунду на том месте, где был Уисс, поднялся и опал белый фонтан.

Еще через секунду там не осталось ничего, кроме медленно расходящихся концентрических кругов.

Круги скоро смысла ленивая зыбь.

* * *

Бессонная ночь порядком измотала Карагодского. И не только физически.

Вначале почти позабытое чувство творческой фантазии, так неожиданно вновь испытанное на «Дельфине», будоражило и радовало его. Вместе со всеми толкался он в центральной аппаратной, придумывая и отвергая разные варианты поиска, но если Пан нервничал всерьез, то Карагодскому все это казалось забавной игрой, такой психологической встряской, специально для него предназначенной. В глубине души он был уверен, что

игра в прятки вот-вот кончится, Нина с Уиссом вынырнут из воды — «А вот и мы!», — и тогда он выложит изумленному Пану, до чего докопался в своей каюте.

Но прошел час, другой, третий, а Нины все не было.

Смутное хмурое утро повисло над морем. Свинцовая гладь воды, не тронутая ни единой морщинкой, черное щетинистое темя злополучного острова, белый кругляшок надувной лодки около — и надо всем тяжелое сырое небо без просветов.

Пан то сидел, сцепив руки и уставившись в одну точку, то принимался ходить у борта, нарочно не глядя на воду. Гоша безнадежно прощупывал биноклем горизонт. Толя как заведенный методично включал и выключал по очереди тумблеры аппаратуры — уже не вслушиваясь, а просто чтобы что-то делать. Остальные занимались чем попало, а часы все выстукивали нудные пятиминутки. Только эти щелчки и нарушали тягучую тишину.

И тут до Карагодского стала доходить вся серьезность происходящего. Вспышка энтузиазма быстро угасала. Он чувствовал себя как пешеход, застигнутый красным огнем на переходе. Бежать вперед или благо-разумно вернуться назад?

Конечно, все это очень мило и оригинально — искать родственную цивилизацию по всей Вселенной, выкликать ее радиосигналами, нащупывать все удлиняющимися маршрутами космических кораблей и обнаружить... у себя дома, на Земле. Но какая польза будет человечеству от такого открытия? Надо думать, никакой.

До сих пор энтузиасты «братских контактов» соблазнили людей возможностью позаимствовать без отдачи у «иног Разума» какой-либо неизвестный вид энергии, невиданную машину на худой конец. А что возьмешь с дельфинов? Они не взрывают горы, не строят городов и не покоряют другие планеты: мирно плавают по синю морю в чем мать родила, едят сырую рыбу и сочиняют музыку. И ничего им, главное, от людей не нужно, ника-

кой помощи, ни моральной, ни материальной. Они и без людей хорошо устроились в Мировом океане. Так что в роли «благодетеля» тоже не выступишь.

Так на кой же дьявол нужен такой «контакт»? Стоит ли из-за него лезть на рожон?

Академик исподлобья посмотрел на Пана. Тот выглядел сильно встревоженным, но отнюдь не отчаявшимся. Казалось, он знал нечто Карагодскому неизвестное. Может быть, у них была какая-то договоренность с этой девчонкой?

Надо подождать. Иначе можно попасть впросак.

Кришан тихо перебирал клавиши электрооргана и напевал — негромко, одним дыханьем — замысловатую и щемящую мелодию. Она звучала как ветер в покинутых древних руинах:

Тебе дано законом Братства
бессмертно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть,
среди кругов такого Круга
найти кольцо,
где можно и врага и друга
узнать в лицо.

Карагодский перебирал в уме трофеи своих ночных «раскопок». Теперь они казались ему вздорными. Возможно, Пану они игодились бы. А ему самому? Не возиться же главному дельфинологу Д-центра с фаянсовыми плитками!

— Плавник...

Гоша сказал это слово негромко, но его услышали. Все повскакали с мест, разом зашумели, а Пан схватился за Гошин бинокль, чуть ли не вырывая.

— Да нет же... — Гоша вежливо, но решительно отвел руку Пана. — Это не Уисс. Это плавник акулы.

Люди замерли и смолкли, и вновь наступившая тишина сгущалась с каждой секундой, пока не стала почти осязаемой.

Теперь акула была видна без бинокля. Высокий плавник упрямо чертил прямую, и прямая эта упиралась в белое пятно надувной лодки.

Матрос в лодке тоже увидел акулу. В его руке полыхнула синяя молния, и до корабля долетел сухой треск разрядившегося импульс-пистолета. Плавник исчез.

— Промазал, — шепотом констатировал Толя. — Ушла в глубину, хищница.

Шли минуты, но акула не появлялась.

— Тертая, — Гоша опустил бинокль. — Теперь не выплывет.

— Может, уйдет?

— Вряд ли. Если она явилась на глаза, значит, что-то почуяла. Попусту эти обжоры к людям не подплывают. Боятся. А если уж почуяла, то будет кружить в глущине хоть сутки.

— Может, взять акваланг да поискать ее? — предложил Толя. — Всыпать ей тройной заряд, чтобы брюхо кверху. Я сметаюсь, а?

— Бесполезно. Легче найти иголку в стоге сена. Да и опасно. Они, правда, редко нападают первыми, но если Алик задел ее выстрелом, то у нее порядком испорчено настроение...

— Что значит — опасно, черт подери? А если...

Он не договорил того, что вертелось у него на языке, и с немой просьбой посмотрел на Пана. Пан болезненно поморщился и отвернулся.

— Нет, Толя, я не разрешаю. Довольно сумасбродства на сегодня. Если Уисс с Ниной, им не страшны никакие акулы. А если нет... В конце концов у Нины тоже есть импульс-пистолет.

— А если нет?

— Глупости. И довольно об этом. Будем ждать. Ничего другого не остается.

Небо заметно поглубело, потом к голубизне приме-

шался прозрачный тон янтаря. Восток горел, и растущий пожар окрасил воду в цвет свежего среза меди.

Когда из-за острова наискось ударили солнечные лучи, стало как-то менее тревожно. Хотелось надеяться, что солнце рассеет ночные страхи вместе с промозглым туманом.

И действительно, минут через десять с лодки раздался крик. Все бросились к борту.

После долгожданного Гошиного «все в порядке» — без бинокля трудно было разглядеть, что происходит в лодке, — многочасовое напряжение разрядилось бестолковой суетой. Все говорили враз, не слушая друг друга, и говорили без умолку.

Карагодский, прищурясь, смотрел на приближающуюся лодку и молчал. Благополучный исход не менял дела. Можно рисковать своей головой, но рисковать жизнью подчиненных непозволительно даже Пану. Ведь Нина рисковала собой ради Пана, ради доказательства его идей. И Пан потакал ей, хотя и делал вид, что возмущен.

Мертвая акула всплыла немного позже, прямо перед носом лодки. Видно было, как Нина закрыла лицо руками, а матрос оглянулся на тушу чудовища и уважительно покачал головой.

И тут грянул гром.

Грохочущий раскат потрянул корабль и поплыл дальше басовой дрожью замирающего гигантского камертона. У самого горизонта, в полукилометре к северу от острова, возник фонтан, странно напоминающий гриб, только гриб этот был небольшой и совершенно белый, без единой вспышки огня.

— Смотрите!

На Толин возглас никто не обратил внимания — все и так смотрели на белый опадающий фонтан во все глаза.

— Да оглянитесь же!

Толя смотрел назад, в глубь лаборатории. Там что-то

наливалось алым свечением. В начале показалось, что вспыхнули предупредительным огнем индикаторы радиоактивности. Но когда глаза привыкли к полумраку, по площадке пронесся легкий вздох.

Маковый венчик, который надевала Нина вчера во время пента-сеанса и который за сутки превратился в горсть дожелта увядших, ссохшихся лепестков, воскресал на крышке включенного электрооргана. Неведомая сила возрождала погибшие клетки, расправляла и делала упругими стенки капилляров, гнала по ним животворные соки, возвращая кучке гнили красоту только что сорванных цветов...

Карагодский нервничал. Остаться пешеходом посреди перекрестка больше было нельзя. Надо было действовать. А он еще не знал, как себя повести — броситься навстречу приближающейся лодке или демонстративно покинуть площадку. Хитрить было невозможно, да и стыдно: подойти к лодке — значило окончательно сложить оружие, окончательно попасть под гипнотическую власть Пана (или его идей, какая разница!) и выступить с ним против тех, кому всякое новое поперек горла, кого можно презирать, но сбрасывать со счетов нельзя.

Карагодский попятился к дверям. И когда вдруг появился радист с традиционным «Вениамин Лазаревич, вас вызывает Москва», Карагодский бросился к нему как к неожиданному спасителю.

Никто не заметил его ухода.

12. ВЕЧНЫЙ СОВЕТ

Пан полусидел, полулежал, откинувшись на подушки, и терпеливо ждал. Обычно после двойной дозы стимулятора все приходило в норму, но сегодня приступ длился дольше обычного. Словно тонкая дрель все глубже и глубже входила под левую лопатку, глухой болью отдавая в плечо. Боль давила виски, скапливалась где-

то у надбровий, и тогда перед глазами порхали черные снежинки. Ноги лежали тяжелыми каменными колодами, в кончиках пальцев противно покалывало, точно они отходили после мороза.

— Ну не дури, не дури, старое, — уговаривал Пан свое сердце. — Перестань капризничать. Вернемся — пойдем к врачу, честное слово. Отдохнем хорошенько, поваляешься в больнице... А сейчас нельзя, понимаешь? Никак нельзя.

Сердце стучало с натугой, то припускало дробной рысью, то вдруг замирало на полном скаку, словно прислушиваясь, и тогда все внутри холодело и обрывалось, подступая к горлу.

— Ну, ну, потише, — бормотал Пан. — Ты меня на испуг не бери. Знаем мы эти фокусы. Аритмия — это, брат, для слабонервных. А я с тобой еще повоюю...

Пан воевал со своим сердцем уже давно и пока успешно. Вся трудность состояла в том, чтобы утаить «войну» от окружающих. До сих пор это удавалось, даже близкие друзья не знали, что делает знаменитый профессор, закрывшись и отключив видеофон. Посмеиваясь, рассказывали анекдоты — одни о том, как Пан летает верхом на помеле, другие о том, как Пан учит говорить дрессированного микроба, а он лежал, откинувшись на подушки, скорчившийся, маленький, сухонький, и бормотал, облизывая сохнувшие губы:

— Ну, старое, ну еще немножко, поднатужься, пожалуйста, вот вернемся — пойдем к врачу, честное слово. А сейчас нельзя, понимаешь? Некогда нам с тобой дурить...

И сердце послушно поднатуживалось, тянуло, хлопая изношенными клапанами, с горем пополам проталкивая в суженные спазмой артерии очередные порции крови, чтобы не задохнулся, не померк этот настырный, требовательный мозг, и Пан появлялся снова, энергичный, неумный, и старички сверстники завистливо шепе-

лявили ему вслед: «Надо же, его и годы не берут, никакая хворь не привязывается, счастливчик...»

Но сегодня сердце заартачилось. Оно уже не хотело верить обещаниям — ему нужны были отдых и покой. А трое последних суток и молодого укатали бы...

Пан проглотил еще одну таблетку и закрыл глаза.

На Нину он не сердился. Он вообще не умел долго сердиться, а на Нину тем более. Честно говоря, он очень удивился бы, поступи Нина иначе. Потому что сам в подобной ситуации бросился бы за Уиссом очертя голову. И даже записки не оставил бы.

Просто он сильно переволновался. За другого всегда почему-то волнуешься больше, чем за себя. Особенно за молодежь. Они сначала сделают, а потом подумают. Взять хотя бы это пижонство с импульс-пистолетом.

А Нина все-таки молодец. Из нее выйдет толк. Едва поднялась на борт — и сразу в слезы? «Акула видео проглотила...» То, что ее саму акула чуть не скушала, — это не в счет. Главное, что запись пропала...

Насчет записи, конечно, вышло плохо. Не поняли сразу, что к чему. А когда поняли, поздно было...

Пан поморщился, потер ладонью грудь. Боль отпускала понемногу, но не так быстро, как хотелось бы. Повернув голову, профессор посмотрел на себя в зеркальную ширму. На него глянуло измученное, заострившееся по-птичьи лицо. Набрякшие веки, потухшие глаза.

Стареешь ты, Пан. Недоверчивость — первый признак старости.

Нина убеждена, что все случившееся с ней — реальность от начала до конца. А вот он не уверен. Конечно, что-то было на самом деле. Но как разделить действительное от внушенного, внушенное от невольно придуманного? Что научный факт, а что художественный вымысел?

Разумеется, ничего принципиально невозможного в ее рассказе нет. Просто... Просто все это слишком хорошо укладывается в его собственные гипотезы. А пол-

ная ясность в науке — вещь коварная. Она может обернуться голой предвзятостью — когда ученый видит в явлении только то, что хочет видеть. Взять хотя бы этот храм... Ребята облазили весь остров и все дно вокруг — никаких намеков на окна и подводный ход нет. Не хочется пока говорить об этом Нине, но похоже, что храм ей примерещился.

С другой стороны, совсем уже невероятные «чудеса» с белым фонтаном и ожившими маками произошли у него на глазах, а никакого правдоподобного объяснения этому нет.

И Уисса нет. Если Нина ничего не напутала, Пану уже вряд ли придется беседовать с дельфинами.

Но сдаваться рано. Надо все еще раз проверить, надо как можно чище отмыть золото от песка, чтобы другим не пришлось начинать с нуля. Даже эта неудавшаяся экспедиция дала много — пусть пока не открытий, а только направлений поиска — для самых разных наук: историкам — об истоках религиозных культов Крита и Киклад, психобиологам — о возможностях гармонии, физиологам — о проблеме звуковидения...

А если бы экспедиция удалась полностью?

Пан встал с тахты. Голова еще немного кружилась, под лопаткой покалывало, но приступ прошел. Можно снова работать. Надо работать.

Сейчас самое главное — разобраться вот в этой пленке. Вчера Нина сняла в лазарете энцелокинограмму зрительной памяти. Это, к сожалению, не лента видеомagneтофона, но все-таки документ, из которого можно вытрясти крупницы истины, если хорошо повозиться. Не очень удобно копаться в чужих воспоминаниях и снах, но что поделаешь. Нина сама настояла на съемке. А для такой съемки нужно не только мужество, но и чистая совесть человека, которому нечего скрывать от других.

Пан сел было за проектор, но над дверью заливисто залопотал звонок.

Карагодский вошел, сияя очками, торжественный и суровый.

— Извините, Иван Сергеевич, за вторжение, но нам необходимо побеседовать совершенно конфиденциально. Обстоятельства складываются так, что я вынужден принять кое-какие меры. Я хотел бы предварительно согласовать их с вами. Хотя бы для того, чтобы у нас не возникло никаких недоразумений.

Пан сузил глаза. В последнее время он начал испытывать к академику если не расположение, то уважение. Из-под маски всезнающего метра снова выглянул любопытный Венька, а молодость не возвращается зря. Академик стал задумываться и примечать: любопытная мыслишка о связи точек для иглоукалывания с пентагоном...

Но сейчас Карагодский ему не понравился.

— Я вас слушаю, Вениамин Лазаревич.

— Вы смотрели энцелокинограмму Нины Васильевны?

— Да, смотрел.

— И что вы скажете по этому поводу?

Пан пожал плечами, слегка удивленный:

— Пока, наверное, ничего не скажу. Ее надо расшифровать. И, разумеется, с помощью самой Нины. Во всяком случае, это очень ценный документ.

— Ценный документ? Пожалуй, вы правы. — Карагодский хмыкнул. — Только расшифровывать там нечего. Я только что просмотрел все с начала до конца. Нина Васильевна тяжело больна.

— Что, что?

— Да. Я смею утверждать, что вся эта пленка — запись типичного параноического бреда, вызванного глубоким психическим потрясением и постоянной близостью дельфина. Именно вы, Иван Сергеевич, довели ее до такого состояния — вашими сумасбродными теориями, всякими пента-сеансами и прочей чепухой. Вы толкнули ее на опрометчивый поступок, едва не закончившийся

трагедией, и даже сейчас, после всего, вы продолжаете потакать ее галлюцинациям вместо необходимого лечения, чем усугубляете и без того тяжелое состояние...

— Послушайте, что за чушь вы несете?

— Чушь?!

Карагодский медленно залился краской, сунул руку в карман и, потрясая бумагой перед лицом Пана, закричал неожиданным фальцетом:

— Данной мне властью я запрещаю вам продолжать опыты! Слышите? Запрещаю!

— Простите. — Пан пружинисто встал перед Карагодским. — Простите, Вениамин Лазаревич, я вас не понимаю. Вы говорите не на том языке. Вы говорите на языке давно умершем и, как я думаю, давно позабытом. Этот язык изобрели мелкие хищники, которые пытались превратить науку в услужливую домработницу. Нет этих хищников, они давно вымерли, их трупы сгнили на мусорной свалке истории — только вот язык нет-нет да и оживет. «Данной мне властью...?» Какой властью? Кто вам ее дал?

— Я говорил с Москвой. Я описал цель и направление вашей работы, суть и значение ваших «экспериментов» — с ваших же собственных слов. Вот радиограмма... «В связи с чрезвычайными обстоятельствами... временно прервать исследования по программе профессора Панфилова... научно-исследовательское судно «Дельфин», аппаратуру и подопытного дельфина по кличке Уисс передать в распоряжение академика Карагодского... всем научным работникам всемерно помогать выполнению программы академика Карагодского...»

— Ясно. Сдавать, значит, по инвентарной описи: «Кресла мягкие — две штуки, дельфин по кличке Уисс — одна штука, профессор Панфилов — один...» А что за чрезвычайные обстоятельства, можно поинтересоваться?

— Можно. Дельфины в последние дни повсеместно отказываются загонять рыбу, покидают ШОДы в мас-

совом порядке. Дельфины стада уходят от берегов в открытое море. Государственный план по отлову морской и океанической рыбы под угрозой срыва. На ноги поднят весь аппарат Д-центра. Это результат ваших экспериментов, — добавил Карагодский, значительно понизив голос. — Моя задача — как можно скорее принять конкретные меры...

А Пан забыл о споре, гнев слетел с него, как шелуха: он замаячил по привычному маршруту между тахтой, столом и дверью, бормоча:

— Даже так... Это уже серьезно... Хотя и следовало предполагать...

— Я жду, Иван Сергеевич, — процедил Карагодский, поджав губы.

— Чего? Чего вы ждете? Объяснения причин? Да они перед вами как на ладони, причины эти, вы их только не хотите принимать. Представьте на минуту себя дельфином в вашем собственном ШОДе, где вас, академика, какие-то существа учат гонять рыбу, и только. Сначала вам будет даже забавно, а потом, потом захочется настоящего дела. И еще поройтесь в памяти, не произошло ли за прошлые дни чего-либо из ряда вон выходящего?

— Это в Атлантике?

— Когда надо, вы удивительно догадливы. Что вы будете делать на месте дельфина, если вдруг выясните, что сотрудничество с человеком не только скучно, но и опасно?

— Довольно. Надо действовать, и незамедлительно. От нас ждут реальной помощи. Я пришел поставить вас в известность, что с сегодняшнего дня я вступаю в права руководителя экспедиции... Если вы не согласны...

— Согласен. Вступайте. Передаю вам корабль, аппаратуру, себя, своих сотрудников... Одна тут заваyka... Не знаю, под каким номером числится этот предмет в вашей инвентарной книге — «дельфин по кличке Уисс», — так вот, вышеназванный дельфин исчез. В не-

известном направлении. И, судя по всему, вряд ли сюда возвратится.

— Вы... вы это серьезно?

— Вполне.

Карагодскому стало жарко, несмотря на открытые иллюминаторы. Он почувствовал, что воротник рубашки слишком туго стягивает шею.

— Вы... вы ответите за это. Это все ваши штучки. Вы подучили Уисса, всех этих клейменных атаманов... поднять бунт... против ШОДов, против ДЭСПа, против моего дела... Вы ответите...

— Да. Я отвечаю. Отвечу громко и внятно на все вопросы, которые мне зададут. Потому что у меня есть на них ответы... А вот вам отвечать будет нечего. Вы заблудились, Карагодский. Вы так часто прикрывали важными словами свои личные выгоды, что сами поверили в свою незаменимость и всемогущество. Вы представляли хорошие отчеты и победные рапорты, хотя дела шли отнюдь не блестяще. И делали вы это не по глупости или ограниченности: это еще можно простить. Нет, вы видели и чувствовали нарастание тревожных симптомов, но, оберегая свой авторитет и опять же личные выгоды, пытались решить проблему тайно, кустарно, в кулуарах, без огласки. Вы и сейчас готовы на 'все, лишь бы выгородить себя. И закатываете истерики по поводу «краха» экономики. Будет вам. Не на одних дельфинах стоит она. Собственного краха боитесь вы, вот чего...

* * *

За трое суток до этого разговора, пролетая над Саргасовым морем, пилот рыбаоразведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли услышал сильный удар грома. Он удивленно посмотрел вверх, в ослепительно чистое, дочерна отлакированное ночное небо, увешанное пышными гроздьями южных звезд, и спросил через плечо радиста:

— Бэк, ты слышал? Что это могло быть?

— Не знаю. Метеор, наверное, глянь вниз...

Они летели низко, и Хаксли хорошо разглядел подчеркнуто белый на черной воде опадающий фонтан светящегося пара.

— Запиши в журнал координаты. Надо сообщить в Службу Информации. Может быть, какому-нибудь доке пригодится...

— А, не стоит, — зевнул радист. — Мало ли всякой всячины с неба падает. Все записывать — бумаги не хватит.

— Тоже верно, — согласился Фрэнк. — Вот если бы хороший косяк скумбрии попался — это другое дело.

— А тунца не хочешь больше? — сострил Бэк.

Оба расхохотались.

«Флайфиш» развернулся и взял курс на Базу.

* * *

Воронка крутящейся тьмы затягивала в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клочкотали вокруг. Но оттуда, из этого клокочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и одинокие, отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, борясь с ветром и собственным бессилием, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их жизни хватало на одну-две ступеньки, но они упорно ползли вверх, и их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одиночками, и слитному движению уже не могли помешать ураганы, и все тверже становилась поступь...

Алая молния ударила в глаза — это взвилось над зумами полотнище цвета огня. Еще клочкотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг надежды зажигал звезды, созвездия, галактики, и в последнем торжествующем многоголосом аккорде вспыхнула вся Вселенная...

Уисс кончил рассказ. Каждый нерв его тела дрожал,

заново пережив мощь, тоску и радость цветомузыкальной поэмы зумов. Уисс старался воспроизвести ее возможно точнее, во всем богатстве необычных оттенков и странности чуждых образов и рисовал этот неожиданный параллельный мир таким, каким он предстал перед ним в ту счастливую ночь озарения в акватории.

И он, кажется, достиг того, чего хотел, — Бессмертные молчали, погруженные в увиденное и пораженные им. Уисс не торопил. Он знал на собственном опыте, как нелегко все понять и принять.

Они лежали на густо-синей поверхности Саргассова моря в традиционной символической позе Вечного Совета — соединив клювы и разбросав лучами точечные длинные тела, так что казались сверху большой звездой.

Уисс давно уже не был здесь, в Центре Мира, где рождается и откуда начинает раскручиваться колоссальная спираль теплых течений. Отсюда делоны управляли Равновесием, отсюда при необходимости замедляли или ускоряли вековые биологические ритмы Мирового океана, устраняли нежелательные возмущения в биоценозах — достаточно было заложить нужный молекулярный шифр в генетическую память саргассов, и бурые клубки, как живые мины, уплывали по тайным дорогам течений туда, откуда пришел сигнал опасности, и через рассчитанный ряд поколений Равновесие восстанавливалось.

Бессмертные молчали, но Уисс умел ждать. Он оглядывал горизонт световым зрением, пока звуковая сетчатка отдыхала, — привычка, полученная от двухлетнего контакта с зумами.

Солнце стояло точно в зените и обрушивало на море золотой ток тропического зноя. Вода была прозрачна до невидимости и воспринималась только как плотная прохлада. В ее толще неторопливо поворачивалось, покачивалось, всплывало буйное разнообразие саргассовых водорослей — от небольших бурых ша-

ров, щедро инкрустированных серебряными пузырьками воздуха, до многометровых островов зеленовато-коричневой волокнистой массы, над которыми радужными бабочками вспыхивали летучие рыбы.

Наконец Сасоис произнес древнюю формулу начала:

— Готовы ли все быть Одним, ставшим после Двух? Синие знаки были ему ответом.

Меланхолический Асоу долго поскрипывал и ворочался, прежде чем начать. Наконец заговорил, осуждающе посвечивая в резкие глаза Уисса:

— Я, Асоу, говорю от имени Созерцания. Я был против, когда ты уходил к зумам, Уисс. Я был против, но меня не послушали, и ты ушел. И вот ты вернулся, и я оказался прав.

— В чем ты прав, Асоу?

— Ты болен, Уисс. Ты слишком долго был у зумов, и они заразили тебя. Я знаю твою болезнь. Эту болезнь называли когда-то безумием суши. Когда дэлон заболевает этой болезнью, его тянет к земле. Он выбрасывается на камни и погибает.

— Почему ты решил, что я болен? Меня не тянет к скалам.

— Все, что ты показал нам, — бред. На суше не может быть разума. На суше могут существовать только низшие формы жизни.

— Но я же показал вам МЫСЛЬ! Она принадлежит зумам, а не мне!

— Ты ошибаешься. Это говорили не зумы, а твоя болезнь. Тебе приснились все эти странные и нелепые видения, они существуют только в твоём воображении. Много веков слежу я за мировым биофоном, но нигде и никогда не встречал даже намека на разумную деятельность зумов. Скорее, наоборот, нам приходится все чаще и чаще вмешиваться в биосферу, чтобы восстановить уничтоженное ими. Они нарушают Равновесие, а ты говоришь о Разуме. Ты просто болен.

Уисс хотел было возразить, но Асоу раздраженно зажег красный знак, давая понять, что спорить бесполезно. К счастью, Хранитель Первого Луча имел право только на один глот, но этот глот был против.

Осаус ворвался в спор, даже не дождавшись, пока Первый погасит сигнал голосования.

— Я, Осаус, говорю от имени Действия. Когда Уисс уходил к зумам, я отдал свои два глота ему. Я был за, потому что надеялся, что Уиссу удастся найти способ приручить этих опасных животных. Я говорю — животных, я не верю ни единому цвету из того, что показал Уисс. Ты говоришь, что зумы разумны, Пятый? Но их тело такое несовершенное.

— У них иной разум, чем у нас, белозвездный. Они создают машины, которые искупают несовершенства их тела и помогают добывать пищу...

— Добывать пищу? Разве ради пищи зумы уничтожают все живое и нарушают Равновесие? Вспомни — мы послали в железные тюрьмы тысячи своих братьев, чтобы научить зумов ловить рыбу, сохраняя Равновесие. Братья кормили зумов, а что вышло из этого?

— Ты забываешь, Осаус, что мир дэлонов раз в десять старше мира зумов. Зумы еще дети...

— Где ты видел детей, которые убивают себе подобных без всякой причины? Нет, Уисс, зумы — это дикие хищники, они еще хуже акул, потому что акулу гонит голод, а зума — инстинкт убийства. Ты называешь разумными существа, которые только вчера убили триста дэлонов за то, что те спасали зумов от самих себя? Нет, Уисс, ты действительно болен.

— Это ошибка. Они не знали...

— Знание не остановит их — они станут только еще опаснее! Если народы Дэла хотят жить, они должны держаться подальше от зумов.

Осаус, яростно отмахнувшись, зажег два красных знака, положенных ему в Совете. Еще два глота «против» — итого уже три. И пока ни одного «за».

— Что же скажет Суси?

— Я, Суси, говорю от имени Запрета...

Глубокие вишневые глаза Суси, словно хранящие отблеск первородной трагедии, потемнели. Он медленно распрямил свое огромное белое тело.

— Я отдал Уиссу свои три глота тогда, отдам и сейчас. Мы видели с вами МЫСЛЬ — голос боли и счастья, крик отчаяния и надежды, мы пережили вместе с зумами века падений и взлетов, заглянули в их историю. Асоу ошибается — Уисс не болен. Любой самый большой, самый фантастический образ покоится на увиденном, услышанном, пережитом. Придумать такое невозможно при любой болезни — даже если Уисс что-то интуитивно добавил от себя. Такая МЫСЛЬ могла родиться только в мире зумов. Очень много непонятного для нас в этом мире, очень много чуждого и неприемлемого, но этот мир существовал, существует и будет существовать независимо от нашего желания.

Сусип вздохнул и, помолчав, продолжал:

— Никто лучше меня не знает темные века Круга Великой Ошибки. Ты, Первый, отрицаешь зумов потому, что на суше труднее жить. Но разве не суша дала дэлонам настоящий разум — не просто знание вечных истин, а разум действия, разум поражения и победы?

— Суша дала дэлонам страдания, — хмуро возразил Асоу.

— Да, суша дала страдание, но иначе мы не оценили бы радости моря. Пережитое зло научило нас творить добро. И ты, Первый, и ты, Второй, говорите о том, что зумы неразумны, ибо нарушают Равновесие. Но разве вы забыли, что делали с планетой наши пращуры? Уисс прав — зумы действительно пока еще дети, они на полпути к настоящему разуму. Неразумно их зло, но разумно стремление к добру. Да, вчера одни зумы хотели меня убить, но другие зумы пришли мне на помощь, раненому. Безумие и разум, зло и добро бо-

ются в душах этих существ. Мы должны помочь им, мы должны привести их к мудрости Соединенного Разума.

Осаус протестующе засигналил, но Сусип остановил его.

— Да, Второй, я уверен, что мы братья, разделенные временем и пространством, братья, забывшие родство, но мы живем на одной планете и во имя Соединенного Разума должны найти дорогу от брата к брату. Иначе... Что, если зумы сами придут к знаниям Третьего Круга, не ведая опасности? Кто поручится, что планета, уцелевшая чудом однажды, уцелеет и во второй раз? Если зумы слишком молоды и несовершенно, то мы слишком дряхлы и эгоистичны, раз не хотим признать очевидного. Наш единственный шанс — контакт.

Три знака Сусип зажглись зеленым. Три глота «за», три глота «против». Силы пока равны.

— Я, Соис, говорю от имени Благоразумия...

Легкий изгиб улыбки приоткрыл клюв Уисса. Соис очень не любил возражать кому бы то ни было — он со всеми соглашался. Добряк и миротворец, он всегда делил свои четыре глота поровну между враждующими сторонами — два одной, два другой. Как поступит он сейчас?

— Я согласен — контакт с зумами неизбежен и необходим. Несмотря на все, что разделяет нас, мы накрепко связаны прежде всего интересами Равновесия, на нарушение которого справедливо жаловались Асоу и Осаус. Мы живем на одной планете, и разделить ее на две половинки невозможно. Но вместе с тем я должен обратить внимание на опасности контакта, и в этом я абсолютно согласен с Осаусом. Уисс очень хорошо показал нам МЫСЛЬ, из которой я понял, что огонь, смертельный враг дэлонов, для зумов оказался другом и спасителем. Угроза нашим соплеменникам при перегоне Горящей Рыбы — это, если хотите, символическое

предупреждение прстив излишней доверчивости к зумам. Я согласен с Уиссом — это могла быть ошибка. Но я не могу не согласиться и с Асоу — на суше не может быть полноценного разума, а поэтому возможность таких трагических ошибок в будущем совсем не исключена. Поэтому я — за ограниченный контакт, контакт по необходимости, а не по желанию. Только Благоразумие — и да продлится Четвертый Круг!

И, верный себе, Соис зажег два зеленых и два красных знака. Пять — пять.

Уисс едва выдержал ритуальную паузу раздумья.

— Я, Уисс, говорю от имени Поиска. Я сказал Вечному Совету все, что знал, и показал все, что видел. Я выслушал всех, чьи глоты против меня, и тех, чьи глоты за меня, и остался верен тому, с чем пришел. Я отдаю свое право делу своей убежденности.

И зажег торжествующе пять зеленых знаков — теперь, с его голосом, за контакт было десять глотов, а против — только пять.

Он уже видел снова железный белый кор с красным значком «Д-Е-Л-Ь-Ф-И-Н», слышал ворчание Пана и смех Нины — все, что стало за два года не только знакомым, но и по-своему родным, — когда заговорил Сасоис:

— Я, Сасоис, говорю от имени Будущего... Уисс, белозвездный, пойми меня правильно. Я был за, когда ты уходил к зумам, и если бы сегодня надо было бы решать это снова, я снова отдал бы тебе свои шесть глотов. Ты сделал много, очень много. Благодаря тебе мы теперь знаем не только то, как они живут, но и то, чем они живут. МЫСЛЬ, переданная тобой, позволила заглянуть в их души, мысли и мечты. Спасибо тебе.

Нарушая этикет, Сасоис коснулся корявым ластом Уисса, но тому почему-то стало холодно от этой грубоватой ласки.

— Я верю, что зумы разумны, что их цивилизация

достаточно сложна и высока, верю в их доброе начало и в то, что случившаяся трагедия — нелепая ошибка. Я хочу надеяться на будущую дружбу. Я знаю, что ты нарушил Запрет и показал зумке танец звезд в Храме Соединения. Я не осуждаю тебя, ибо, нарушив слово Запрета, ты выполнил дело, завещавшее Пойск. Бросать семена — твое право и обязанность, возможно, теплые течения разбудят их, и зерна прорастут корнями понимания. Но контакт — это процесс долгий и сложный. Если даже он удался между одним зумом и одним дэлоном — это еще не значит, что обе цивилизации одинаково готовы к контакту. Ты правильно сказал: зумы пока еще дети. Так подождем, пока они подрастут. Потому что даже если мы очень захотим подружиться с зумами — ничего, кроме недоразумений, у нас не получится. Требуется такое же горячее желание дружбы и от зумов. И не только желание, но и способность понять и оценить друга. Дорогу надо прорубать с двух сторон, чтобы не оказаться в чужом мире незнакомыми гостями.

Он помолчал и погладил снова поникшего Уисса:

— Подождем. Пока еще рано. Пока еще зумы слишком опасны даже для самих себя, не только для нас. Они еще не понимают Равновесия Мира, ибо нет равновесия в их собственных душах. Мы должны уйти из железных тюрем и увести братьев. Это ускорит ход часов. И если зумы выдержат экзамен — наши пути сольются. Когда придет время. А сейчас... пусть продлится Круг Благоразумия.

Сасоис зажег красные знаки и произнес традиционную формулу конца: ~

— Все были Одним, ставшим после Двух, и Вечным Советом, решившим во имя Будущего, — НЕТ...

Ветер посвистывал в Саргассах. И, как ветер, возник над морем древний гимн:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,

и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть,
среди кругов такого Круга
найти кольцо,
где можно и врага и друга
узнать в лицо...

13. ДВОЕ СКВОЗЬ ВСЕ

Юрка определенно не знал, куда себя девать. Почему всегда так бывает: сначала все хорошо и хорошо, а потом вдруг плохо и плохо?

Сейчас было плохо. Месяц удивительной, сказочной жизни кончился внезапно, и непонятно, что делать дальше.

Сначала исчез Свистун.

А как хорошо им было втроем! Каждое утро чуть свет они с Джеймсом спешили на свой берег, к своей заветной бухточке, и наперебой насвистывали пароль. Свистун появлялся всегда одинаково: он подбирался под водой к самому берегу и вдруг взмывал в воздух, отчаянно скрипя и фыркая. И, как ни старались мальчишки угадать его появление, он всегда ухитрялся выскочить неожиданно. Невольный испуг ребят приводил его в восторг, он долго не мог успокоиться, кругами носясь по бухте.

А потом они забирались далеко в море, играли, ловили рыбу, причем Свистун вытягивал из глубины таких огромных рыбин, что даже местные рыбаки прониклись к ребятам великим уважением. Рассказам о дельфине они, конечно, не верили, да мальчишки не очень-то и настаивали: в конце концов, если взрослым больше нравятся выдумки о невероятном везении, пусть себе тешатся.

Потом они палили костры на берегу, жарили рыбу и варили уху, и не было ничего на свете вкуснее! Правда, Свистун не очень жаловал огонь. Он предпочитал держаться подальше и хрюкал весьма неодобри-

тельно, когда ему предлагали жареное или вареное. Однако ребята не обижались на своего морского приятеля — каждому свое.

Но самое интересное начиналось, когда все трое отдыхали, отяжелев от еды — Юрка с Джеймсом в моторке, Свистун — снаружи, положив круглолобую голову на борт. Они рассказывали друг другу замечательные истории о море и суше, о людях и дельфинах, о себе и своих товарищах. Ребятам было многое непонятно в рассказах дельфина, дельфин плохо понимал ребят, но все-таки им было хорошо вместе, а это уже половина понимания.

В тот день все шло, как обычно. Они вернулись с хорошим уловом, Джеймс начал разжигать костер, а Юрка — чистить рыбу. Свистун крутился в бухточке и недовольно фыркал. Вдруг он замер:

— Мама...

Юрка от неожиданности чуть не порезал палец, а Джеймс выронил в тлеющую кучу высохших водорослей целый пиропакет. Пламя ухнуло вверх огненным деревом, Свистун шарахнулся от бухты, да и сами ребята испугались не меньше.

А за волноломом, метрах в ста мористее, разыгралась «семейная драма». Мать Свистуна, большая светло-серая дельфинка, взволнованно трещала, стараясь увести сына в море. Сын пытался что-то доказать, выводя еще более оглушительные рулады, и порывался вернуться. Наконец рассерженная мамаша ухватила сына за ласт крепкими зубами и бесцеремонно потащила за собой. Свистун обиженно взвизгнул, но покорился.

— Это ты виноват, — сказал Юрка, когда дельфины скрылись. — Зачем такой фейерверк устроил? Они не любят огня, а ты... Свистуну теперь попадет за нас...

— Я же не нарочно, — всхлипнул Джеймс. — Урочилась пачка... Я чуть сам не стал загораться... Фух-фух!

— Вот и фух-фух теперь...

Свистун не появился на следующий день, не появился и на последующий. Ребята сидели на берегу грустные, ловить рыбу не хотелось; моторка бесцельно покачивалась на ленивой зыби. Потом на целую неделю зарядил дождь, и стало ясно, что Свистун больше не вернется.

А теперь улетаёт Джеймс.

Закинув голову, Юрка смотрел в небо адлеровского аэропорта, отыскивая среди толчеи летательных аппаратов китообразный корпус межконтинентального реалета. Когда долго смотришь, начинает казаться, что ты на дне колоссального аквариума и над тобой гоняются друг за другом пестрые экзотические рыбы: вот золотым вуалехвостом всплыл пузатый гравилет, вот стайкой испуганных гуппи срезало вираж звено спортивных авиеток, вот степенно спускаются два туристских дископлана — чем не семейство скалярий?

А вот и Джеймс. Трехсотметровый реалет поднимается медленно, словно боится передавить ненароком всю снующую вокруг мелочь. Синие с красным лопасти едва подрагивают, и вид у реалета какой-то обиженный.

Юрка помахал рукой, хотя отлично понимал, что Джеймс даже в бинокль не разглядит его.

Хороший парень Джеймс. Настоящий друг. Хотя и любит читать нотации не хуже взрослого. Зато он честный и преданный. Юрка подарил ему на память лучший камень из своей космической коллекции — кусок лабира, который папа привез с Прометея. Лабир передразнивает окружающее: положишь его на синее — он становится красным, положишь на красное — становится синим, на черном он прозрачен, как горный хрусталь, а в темноте светится желтым, как маленький осколок солнца. Такой уж упрямый наоборотный минерал. Интересно, как поведет себя лабир в лондонском тумане?

Реалет тем временем выбрался из толчеи и замер, уткнувшись тупым носом в небо. В следующую секунду у него выросли плазменные хвосты, ослепительные даже на такой высоте. Словно проснувшись, реалет вздрогнул и исчез в стратосфере.

Вот и все.

Почему хорошее так быстро кончается?

Вместе с потоком провожающих, улетающих, прилетающих, встречающих и просто скучающих Юрка вышел из аэровокзала на площадь. В центре зеленой подковы поблескивала зеркальная синева соленоидного метропоезда. Но лезть под землю не хотелось, да и спешить было некуда.

Он взял в автомате двойную порцию ананасного мороженого и побрел к полосе кинетрома. Погода хмурилась, влажные тротуары бежали по аллеям почти пустыми. Только на крытых лавочках сидели кое-где редкие попутчики — в основном бабушки с младенцами.

Юрка тоже уселся на лавочку и принялся за пломбир.

Чем же все-таки заняться до маминого приезда?

Когда он вчера говорил с ней по видеку, она улыбалась, а глаза у нее были заплаканные. Папа ее успокаивал, а она ругала этого толстого академика и повторяла про нерешенные проблемы. И про то, что профессор Панфилов заболел.

А на самом деле ей, наверное, жалко Уисса. Он был такой сильный и добрый.

Хотя то, что мама приезжает раньше срока, совсем неплохо. С ней веселее. Особенно когда остаешься без друзей. Папе сейчас совсем некогда. Он работает. Скоро будет большой международный конгресс, на котором папа сделает самый главный доклад.

И тут Юрке послышался знакомый свист.

Мальчик недоуменно оглянулся, но бабушки и младенцы сидели как ни в чем не бывало. Значит, он ослы-

шался. Конечно, ослышался. Отсюда до моря добрый километр, а то и больше. Да и кто мог так свистеть...

Надо ехать домой. Одному на улице серо, сыро, холодно и скучно. В такую погоду лучше всего забраться с ногами в кресло и читать про какие-нибудь необыкновенные приключения. Или фантастику. Про будущее.

Мальчик снова принялся за пломбир, но смутное беспокойство уже стучало у виска.

Может, завернуть еще раз на старое место, к морю?

А что там делать, оборвал он себя. Только расстраиваться. Моторка и снасти со вчерашнего дня в бюро проката, даже кострище, наверное, смыло дождем и прибоем.

Но Юрка все-таки встал и перешел на нижнюю ленту.

Глупости, говорил он себе. Как маленький. Ничего на таком расстоянии нельзя услышать. К тому же море изрядно штормит, а в шторм дельфины уходят от побережья, чтобы не угодить на скалы. Незачем туда ходить...

Но какая-то неодолимая сила заставляла его все быстрее перескакивать с ленты на ленту, а когда кинетрон кончился, описав круг над обрывом, он бросился бегом в самую гущу колючек, к распадку.

Распадок тупо толкнул в лицо смрадом гниющих водорослей. Юрка задержался на минуту, чтобы снять ботинки: пластик подошв предательски скользил на мокром камне.

Он выскочил на галечную полосу, уже уверенный, что Свистун здесь.

Дельфин стоял в бухточке, прижавшись к волнолому, и заметно вздрагивал, когда прибой с грохотом перехлестывал через валуны.

— Что... Что ты здесь делаешь? — только и смог выдохнуть Юрка.

— Жду тебя, — просто ответил дельфин.

— Но я же... Тебя давно не было... Мы решили, что ты уже не придешь...

— Я пришел... Плохо, что нет Джеймса.

— Да... Джеймс улетел в свою страну. Только сейчас. А я совсем не собирался сюда. Я пришел случайно...

— Я звал тебя. Я знал, что ты придешь.

— Почему тебя не было так долго?

Дельфин промолчал. Юрка огляделся, не зная, плакать или смеяться, радоваться встрече или укорять верного друга за безрассудство: даже в бухте вода нервно ходила вверх и вниз, а в горле прохода все хрипело и клокотало. Море час от часу дышало беспокойней, и белые шапки волн становились все курчавей и выше.

— Ты давно здесь?

— С утра. Утром было тише.

— А теперь ты сможешь выйти в море?

— Не знаю. Выход узкий и мелкий. Там бурно. А дальше не так опасно. Надо сразу уйти в глубину. В глубине тихо.

Юрка сердито стукнул кулаком по колену.

— Так почему же ты раньше не ушел? Когда было тихо?

— Я ждал тебя.

— Ждал! Ты что, разбиться хочешь? Можно было встретиться завтра или послезавтра, в конце концов!

Дельфин медленно отошел от стенки и подплыл к самым ногам мальчика. Юрка сел на мелкий галечный гребень, намытый качающейся водой, и взял голову Свистуна на колени, защищая от случайных ушибов.

— Глупый! Я бы приходил сюда и завтра и послезавтра, потому что я тебя люблю. Мы бы все равно встретились...

— Нет. Мы бы уже не встретились. Сегодня мы уходим. Все дельфины. Все. Насовсем.

Рука мальчика, гладившая округлую гладкую голову товарища, вздрогнула и обмякла.

— Как насовсем? Почему?

— Чтобы быть подальше от людей. Так сказал Вечный Совет, и все взрослые согласились.

— Но почему?

— Люди зажигают огонь и отравляют воду. Они делают зло. Они опасны для дельфинов, даже когда хотят добра.

— Это неправда!

— Я не знаю. Так говорят взрослые.

— Неправда. Есть плохие люди, но их меньше, чем хороших, честное пионерское!

— А почему тогда хорошие не лечат плохих?

— Как лечат?

— Если дельфин рождается плохим, его лечат, и он становится хорошим. Почему так не делают люди?

— Люди... Мы еще не умеем... А это было бы здорово! Раз — и в больницу! А как вы их лечите?

— Не знаю. Это делают взрослые.

— А почему ваши взрослые не научат наших?

— Говорят, люди неразумны...

Юрка обиделся не на шутку, но, поразмыслив, пробурчал сердито:

— Это все взрослые неразумны. И наши и ваши. Они вечно задирают нос и никого, кроме себя, не хотят понимать.

— Да, — эхом отозвался дельфин. — Они умеют только запрещать.

— И ссориться со всеми, — добавил мальчик.

Он сидел, мокрый насквозь, накат шатал его то в одну, то в другую сторону, выскребая снизу гальку и лишая опоры, он порядком продрог, но крепко держал обеими руками голову Свистуна, потому что боялся, что того стукнет о камни.

— Мы будем не такими, когда вырастем? Правда?

— Правда. Не такими.

— Мы будем дружить. Правда?

— Правда. Будем дружить.

Откуда-то издадека, сквозь хриплые вздохи приборя, донесся высокий вибрирующий звук. Он был едва слышен, но от него начинало зудеть в ушах и ломить виски.

— Это ищут меня. Мне пора уходить.

— Но мы еще встретимся, правда?

— Встретимся. Обязательно. Когда у меня будет имя.

— Но у тебя есть имя!

— Нет. Это матрица. Имя получают, когда становятся взрослыми. Я хочу выбрать имя Уисс.

— Уисс? Странно... Почему Уисс?

— Так зовут моего отца. Я хочу быть, как он. Я приму его имя и бремя бессмертия...

— Уисс — твой отец?! Постой... Моя мама... Уисс...

Юркины мысли завертелись колесом, а руки выпустили дельфинью голову. А вибрирующий звук тем временем вырос до свиста, смолк и повторился где-то в стороне, значительно тише.

— Мне надо в море. Иначе уйдут без меня. Прощай.

— Постой... Это просто удивительно! Ведь моя мама...

Но дельфин уже не слушал. Он несколько раз примерился, то подплывая к опасному проходу, то отходя к стене волнолома. И вдруг, сжавшись и враз распрямившись, он бросил свое тело длинным прыжком над kloкочущим выгибом выхода.

Всего на долю секунды повис он над клыкастой пеной, но именно в эту долю секунды встречная волна сшибла его на лету.

Перекувырнувшись, он отлетел чуть ли не в центр бухты.

Юрка вскочил, и все вопросы разом вылетели из головы.

Вторая попытка тоже не удалась.

Где-то далеко и уже едва слышно проверещал и затиш вибрирующий призыв.

И когда после третьей попытки дельфина едва не бросило на валуны, мальчик отчаянно закричал:

— Стой, Свистун, стой же! Не надо! Нельзя так! Нужно вдвоем.

У мальчика не было определенного плана, просто он видел, что дельфину не выбраться одному, просто он верил, что вдвоем легче, что вдвоем ничего не страшно.

Дельфин остановился и доверчиво повернул к Юрке. И столько надежды было в этом повороте, столько веры в человеческую помощь, что отступить было нельзя.

Надо было что-то делать.

И тут Юрке на глаза попалась длинная дюралевая штанга. Еще вчера эта штанга была флагштоком и одновременно маяком их «флибустьерской республики», а сегодня валялась на берегу, потому что вывезти ее не удалось: она не влезала в лодку, ни вдоль, ни поперек — заклинивалась в проходе... Штанга заклинивалась в проходе!

Мальчик перекинул штангу наискось через изгиб коварной горловины, стараясь зажать оба дюралевых конца в щелях между валунами. Это удалось не сразу, потому что рычащие волны шарахались взад и вперед, норовя выбить мачту из рук. Но Юрка, пряча лицо от холодных брызг, все-таки сумел попасть противоположным концом шеста в трещину рассевшегося камня. Штанга заклинилась наглухо, соединив по диагонали начало и конец короткого коридора.

Дельфин терпеливо поскрипывал за спиной, но ничего не понимал: техника была не по его части.

— Я пойду по проходу вброд, понимаешь? Он мелкий. Буду держаться, за штангу, понимаешь? А ты держись за меня зубами. Изо всех сил. Я буду твоим буксиром, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно сказал дельфин. — А если тебя собьет?

— Не собьет. У меня пятерка по физкультуре.

Ты только держись за меня крепче. Вдвоем мы, брат, сквозь все на свете пройдем.

Юрка снял мокрую рубашку и, скрутив ее жгутом, крепко-накрепко завязал на животе. Получился надежный пояс.

Он влез в воду у самого начала хода под прикрытием облупленной бетонной плиты. Здесь только покачивало, но впереди бесился настоящий водоворот.

Дельфин уцепился за пояс и, выгнувшись латинским «S», прижался крепко к мальчишескому телу.

— Готов?

— Готов.

— Поехали!

Ухватившись поудобнее за дюралевый поручень, мальчик с дельфином сделал первый шаг из-за прикрытия.

Волна сразу накрыла их с головой, водяные змеи сдавили, стараясь оторвать от поручня, переломить, оглушить, отбросить, разбить о камни. Босые ноги разъехались на скользком полированном монолите дна, дыхание перехватило, пальцы свело на дюрале мертвой хваткой, и не было сил перехватить штангу дальше.

Закусив губу до крови, мальчик заставил себя сделать еще один шаг. И еще один. И еще.

Тело дельфина, изогнутое вокруг худой Юркиной фигурки, стало напряженной стальной пружины. Плавно выгибаясь, дельфин помогал мальчику делать эти трудные, невероятно длинные шаги. Если бы не он, Юрку переломила бы, наверное, тугая сила водоворота.

Шаг. И еще шаг. Десять сантиметров. И еще десять.

Сердце билось неровными толчками где-то у самого горла.

Волна ударила в спину, стальная пружина распрямилась, Юрка совершенно непонятным образом взлетел в воздух и очутился верхом на валуне.

Полуоглушенный, он тер глаза, отплевывался, кашлял и никак не мог опомниться.

И вдруг понял все радостно замершим сердцем.

Они прошли!

Дельфин теперь на свободе...

Море гремело, могуче и властно сотрясая сушу, горы вздрагивали от вечных ударов прибоя, и белая пена изменчивой пограничной полосой металась между двумя великими мирами жизни.

Двое из этих миров в последний раз взглянули в лицо друг другу, прежде чем разойтись по своим непохожим дорогам.

Дельфин сразу нашел своим локатором крошечную фигурку на далеком камне и ощутил, что маленькому телу холодно, а сердцу одиноко.

Сородичи звали его за собой, и он уходил за ними все дальше, но прежде чем горб моря, взбухая, закрыл резкие черты суши, дельфин взлетел на острый гребень волны и крикнул земле:

— До встречи! Я приду!

Мальчик не мог видеть так далеко, но он слышал далекий свист, и понял его смысл, и прошептал морю белыми от холода губами:

— До встречи... Я иду...

Качалось море, и качалась суша, а он все стоял, опустив руки, не вытирая мокрых щек.

Он плакал откровенно и светло, как плачут только в детстве.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЗЕРКАЛО МОРЕЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читатель, погруженный в многокрасочные картины подводного мира, верно, не раз задумывался над страницами «Зеленых дверей Земли». Что это? Развернутая поэтическая метафора — попытка взглянуть на нас самих глазами единокровного существа — дельфина? Попытка предвидения недалекого будущего, когда человек сможет наконец установить двустороннюю связь хотя бы с одним видом весьма обширного и «говорливого» племени дельфинов (всего их 15 родов и 51 вид)? Желание предостеречь современников и потомков от необдуманных действий при любой попытке Первоконтакта?

Думается, перед нами и то, и другое, и третье. Но прежде всего повесть Вячеслава Назарова — это страстная проповедь в защиту живого на Земле, будь то любой обитатель моря, суши или воздуха. При этом важно, что высокий поэтический настрой подкреплен историческими выкладками и философскими размышлениями. Только такой чудодейственный сплав может создать у читателя ощущение достоверности событий и явлений даже в самых невероятных ситуациях — вспомним Уэллса, Алексея Толстого, Ефремова, Брэдли.

...С Вячеславом Назаровым я познакомился в 1976 году на Всесоюзном совещании писателей-фантастов. Коренастый, широкозорый, с гордо посаженной головой, он походил на потомков сибирских первопроходцев. О чем я ему сразу же и сказал, как земляку-красноярцу. Однако оказалось, что родом он из города Орла.

На Орловщине, в селе Желябуги, мальчишкой перенес все ужасы фашистской оккупации. Потом закончил школу, поступил на журфак МГУ, а по окончании университета попросился на работу в Сибирь. Здесь-то он сразу и погрузился в атмосферу первопроходчества: с караваном судов ходил в Эвенкию, бывал в Туве и Хакасии, создавал документальные фильмы о строителях Красноярской ГЭС и металлургах Норильска, не раз поднимался «по шарику» до Северного Ледовитого океана. В Союз писателей его рекомендовали как поэта в 1965 году на знаменитом читинском семинаре молодых писателей вместе с прозаиком Валентином Распутиным и драматургом Александром Вампиловым, безвременно погибшим...

Помнится, там же, на совещании, я спросил у Назарова об основной идее повести «Двойное зеркало» из его первой книги фантастики «Вечные паруса», вышедшей в Красноярске в 1972 году. Тогда я еще не знал, что «Зеленые двери Земли» станут второй редакцией «Двойного зеркала». Ответ поэта и фантаста меня заинтриговал. Оказывается, Назаров считал себя твердым последователем Ивана Антоновича Ефремова и в основу своей повести положил идею чисто «ефремовскую»: равноправность свободы и долга при Первоконтакте. Иными словами, при встрече с любым проявлением неведомого разума (даже гипотетического!) герой обязан был действовать так, будто он ответствен не только за свою собственную судьбу, но и за судьбу всей своей страны, всей своей планеты, всей Солнечной системы.

Собственно, в этом суть конфликта между двумя выдающимися учеными: профессором Панфиловым и его учеником академиком Карагодским; Пан — прирожденный стратег, он думает о последствиях любого человеческого деяния на много поколений вперед и за любое стратегическое верное решение готов полатиться и собственным престижем, и жизненными благами; Карагодский — хитрый тактик, апологет сиюминутной выго-

ды, пользы во что бы то ни стало — сколько заведомо ложных, чаще всего «природопреобразовательских» проектов внедрили в жизнь карагодские, прикрываясь громкими фразами о «пользе для народного хозяйства»!..

Тогда же, при знакомстве, меня приятно удивило в Вячеславе еще и доскональное знание множества проблем Мирового океана. По вопросам ихтиологии, биологии моря, подводной вулканологии, геохронологии, аквакультуры, геофизики он был настоящий профессионал. Уже само его решение разыграть драму Первоконтакта «Человек-дельфин» на Земле говорило о серьезности и основательности, прежде всего научной. Чего греха таить, писателю-фантасту гораздо проще унести сцену действия вместе с занавесом и реквизитом на Сатурн, Юпитер, а то и в другую Галактику — детали при этом нужны минимальные, можно дать волю вымыслу.

Итак, человек и дельфин... Казалось бы, разделенные зеркалом морей, мы живем на разных планетах. «Их» планета почти в три раза обширней: 71 процент подводной поверхности земного шара — во владении китов и рыб — самых древних позвоночных животных. Например, целакантовые рыбы старше динозавров почти на 200 миллионов лет. Предки целакантов лицезрели воочию рипидистиевых рыб, дышавших воздухом наших водных предков!.. Если бы вдруг воды океанов стали прозрачны аж до дна Марианской впадины, люди увидели бы, что подводные вершины намного выше Эвереста, что на иных подводных пустынях из красной глины разместится десять Сахар. Но зеркало морей скрывает от нас все тайны, в том числе и дельфиньи.

Почему «говорливые» (от «человечьих» акустических частот до ультразвуков в двести килогерц) лишены голосовых связей?

Для чего эволюция выработала в мозгу дельфина вещество, обладающее магнитными свойствами? Навигационный аппарат?

Правы ли некоторые ученые, в их числе известный

американский биолог Кеннет Норрис, полагая, что дельфины способны посылать ультразвуковые образы, которые запечатлеваются в мозгу их собратьев?

Почему при известной стадной иерархии дельфины могут свободно переключиваться из одной группы в другую?

Что позволяет дельфину при максимальной скорости до 50 километров в час развивать невиданную мощность — 117 лошадиных сил на тонну веса (в 6 раз больше человека)?

Каким образом мать-дельфиниха способна расслышать под водой зов ее детеныша за тысячи километров?

Большую часть этих вопросов наука выдвинула недавно, уже после опубликования повести Назарова. И оттого с таким интересом читаешь, например, о восприятии магнитной бури органами чувств Уисса:

«Серебряная радиозаря разгоралась. Первые всплески солнечного дыхания коснулись ночного неба, приглушили монотонные всхлипы умирающих нейтринных звезд, отдаленный рев квазаров и быстрый неуверенный пульс новорожденных галактик. Тончайшая паутина изменчивого свечения, сотканная из миллионов вспыхивающих и затухающих радиовихрей, плотно обволакивала все: огромное белое небо, белое море и даже полупрозрачный дымчато-молочный воздух — все сверкало и словно цело торжественно...»

Возможно, это описание со временем войдет и в научные хроники Первоконтакта.

Среди этих хроник наши потомки отыщут ответ и на самый интересный вопрос с «нашей» стороны: почему часть предков дельфинов, хищных зверьков креодонтов, в отличие от своих сородичей, породивших медведей, волков, гиен и кошек, предпочла суше воду? Точно такую же эволюцию претерпели и другие млекопитающие — выдра, кит, морской лев, тюлень. И земноводные не выдержали «двойной жизни» у береговой черты.

И даже птицы променяли небесную стихию на океанскую (пингвин).

В этих превращениях живого в живое, в этой вольной игре сил эволюции опять-таки не поэтической фантазией, а как бы достоверным воспоминанием, запечатленном в генетической памяти писателя и мыслителя, звучит его прекрасный гимн первотворению:

«Какие-то удивительные существа бродили по Земле, и ни одно из них не походило на другое. Больше того — сами существа беспрерывно изменялись: кентавры превращались в шестикрылых жуков, жуки — в раскидистые деревья, деревья — в грозовые облака... Раскручивалась карусель превращений, все плыло, все менялось на глазах — и вот уже то ли существа, то ли тени существ, полуматериальные, полубесплотные, распадаясь на подобию окружающих предметов, сливаясь в плотные смерчи голубого горения, проносятся на фоне текучих сюрреалистических пейзажей. Невозможно понять, что они делают, но их танец имеет какую-то непостижимую цель».

Да, позади каждого, кто читает эти строки, и позади всех существ, вглядывающихся в нас — поющих, свистящих, прыгающих, ползающих, порхающих, плавающих, прорывающих норы в земле, летящих над океаном без отдыха тысячи километров, ориентируясь ночью по звездам, а днем по неведомым нам маякам, — позади всего живого неисчислимые миллионы причудливых превращений, содроганий, перетеканий, переформирования из плоти в плоть. И прежде чем выкинуть на берег безобидную медузу или морского конька, прежде чем расплатать скальпелем лягушку, задумайся на миг, юный натурфилософ: это предки твои, ты был ими. Иглокожим моллюском, головоастиком, рыбою, птицей, дельфином. Не торопись прервать цепь эволюции — ведь нижние ее звенья уходят в Марианскую впадину, верхние — к созвездию Плеяд, к мельнице Млечного Пути.

Все исчислено до микрона на чаше весов природы, и

ничто не исчезает бесследно. «Все гипотезы сходятся на том, что каждая капля воды, которая была на Земле или вокруг нее миллиарды лет назад, никуда не исчезала и присутствует ныне в твердой, жидкой или газообразной форме на поверхности, на большой глубине, в свободном состоянии или внутри скал или живых организмов. Каждая капля воды сохранилась. «Это, конечно, уже научные представления, а не миф, но от этого они не утрачивают своей прелести, — пишет в своей замечательной книге «Драма океана» дочь Томаса Манна Эмилия Манн-Боргезе. — Чрево каждой женщины — это океан в миниатюре, своей соленостью напоминающий первобытные воды; в каждом таком микроокеане при развитии эмбриона повторяется великое событие — зарождение жизни, которая развивается, проходя все фазы от простейшего одноклеточного организма, жабернодышащего, земноводного, вплоть до млекопитающего. Каждое человеческое существо, в свою очередь, является как бы океаном, потому что 71 процент его массы — это соленая вода, подобно тому, как 71 процент поверхности Земли покрыт океанами. Теперь представьте, что каждый день внутриутробного развития человека превратился в вечность, а каждый момент жизни эмбриона стал началом особой эволюции животных, причем все виды сохранились бы среди нас. Вот это и есть Мировой океан, содержащий почти все виды, развивающиеся последовательно один из другого».

Чутьем большого художника Вячеслав Назаров точно определил главный нерв проблемы Первоконтакта «человек — дельфин»: разминувшиеся на широкой дороге эволюции, побывавшие и в воде, и на суше, они не должны разминуться еще и разумом, сколь бы ни была мала надежда понять друг друга. Мы, люди, вроде бы многое уже знаем о наших подводных братьях. Знаем, что у них существует социальное устройство. Что есть у них языковое общение. Что их органы чувств намного превосходят наши, достаточно упомянуть биолокаторы,

способные различать на расстоянии череп, кости, зубы живого существа, даже его легкие. Мы вроде бы многое знаем о них. А они о нас?

...В тот вечер после знакомства мы засиделись с Вячеславом допоздна. Я рассказывал ему о своих встречах с Иваном Антоновичем, о его последователях, которые ныне составили уже целую «школу Ефремова» — это и Сергей Павлов (Красноярск), и Борис Лапин (Иркутск), и Виктор Колупаев (Томск), и Аскольд Якубовский (Новосибирск), и Станислав Гагарин (Свердловск), и Тахир Малик (Узбекистан), и Абдулхамит Мархабаев (Казахстан), и Андрей Дмитрук (Украина), и плеяда москвичей — Владимир Щербаков, Владимир Рыбин, Владимир Григорьев, Дмитрий Де-Спиллер, Евгений Гуляковский, Дмитрий Шашурин. Вячеслав вспоминал Сибирь, делился творческими замыслами. Но то и дело мы снова возвращались к загадкам Мирового океана.

Мы говорили о зеленых черепахах, раз в два или три года плывущих к острову Асенсьон, в самую середину Южной Атлантики, за 2500 километров от суши.

Об акулах, чувствующих одну молекулу крови в кубометре воды.

О самом загадочном жителе вод под названием португальский кораблик, состоящем из нескольких сот организмов, которые делятся на четыре колонии: одна играет роль плавника, другая ловит добычу, третья ее переваривает, четвертая — подобие органа размножения.

О гладких китах, что выставляют хвост из воды и странствуют «под парусом».

Об угрях, ежегодно собирающихся у Бермудских островов, в Саргассовом море (сюда, и только сюда!) из рек Америки и Европы, чьи личинки, абсолютно не отличимые, снова двинутся в обратный путь: одни три года добираются до Европы; другие полгода — к устьям американских рек, чтобы спустя десятилетие снова взять неизменный, завещанный предками путь — на Бермуды!

О гипотезе, по которой человек обитал изначально в теплых морях. Как иначе понять, почему человек безволос, не в пример сухопутным животным, почему обладает подкожным слоем жира, помогающим плавать (не в пример большинству сухопутных зверей), да и ходить он мог научиться сначала по груди в воде — каждый знает, так ведь намного легче...

Об удивительном внешнем сходстве дельфина с динозавром, который тоже в свое время вернулся в древнее море.

О загадке генетического кода, который у всех живых организмов один, как будто земную жизнь посеяли в один прекрасный день звездные сеятельники около трех миллиардов лет тому назад.

И много, о чем еще успели мы переговорить в эту и последующие встречи с автором «Зеленых дверей Земли», «Синего дыма», «Игры для смертных», «Нарушителя», «Восстания супров», «Силайского яблока». Но уже и в первый вечер мне стало ясно: Вячеслав Назаров — один из первых учеников в «школе Ефремова»; как и учитель, он многое сделает в жанре научной фантастики, многому многих научит.

Одного я не знал.

Что сидящий рядом со мною молодой еще человек, коренастый, широкозорый, с гордо посаженной головой, так похожий на потомков сибирских землепроходцев, несколько лет назад перенес тяжелейшую операцию на сердце и отвоевывал для творчества буквально каждый час, каждый вздох.

Что он уйдет из жизни полтора года спустя, а вскоре в альманахе «Искатель», а затем в издательстве «Молодая гвардия» начнут выходить его произведения (это уже третья по счету книга в столице). Станут переводиться у нас и за границей.

Что я побываю на его могиле у себя на родине, в Красноярске, где на склоне высокой горы в раскрытую

бронзовую книгу вписаны строки его последнего стихотворения:

Удел человеческий светел,
И все мы — в том и секрет —
Единственные на свете,
И всем нам повтора нет...

Над горой летают ласточки и синицы, в июне, когда сюда приходят помянуть ушедшего друга — поэты, художники, фантасты, — кругом буйствует сирень. А миллионы лет назад здесь плескалось доисторическое море, и зеркало его отражало сверху непривычные для нас контуры созвездий, снизу — неведомых нам живых существ. Мы их братья, и если представится возможность Первого контакта с разумом хотя бы некоторых из них, мы обязаны эту возможность не упустить.

Даже ценою собственной жизни.

Потому что генетический код у всего живого один.

Юрий МЕДВЕДЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

1. Берег	5
2. Разведчик	13
3. Запретные сны	26
4. Зеркала	37
5. Бог Семен	51
6. Прерванная прелюдия	71
7. Мальчишки	86
8. Пента-сеанс	98
9. Храм поющих звезд	114
10. Зеленая дверь	131
11. Перекресток	140
12. Вечный Совет	152
13. Двое сквозь все	168

Вглядываясь в зеркало морей. <i>Послесловие</i> Ю. Медведев	180
--	-----

Назаров В. А.

Н19 Зеленые двери Земли: Науч.-фантаст. повесть. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 189 с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

60 к. 100 000 экз.

В научно-фантастической повести сибирского фантаста рассказывается об установлении контакта с разумной цивилизацией дельфинов.

Н $\frac{4702010200-117}{078(02)-85}$ 146—85

ББК 84Р7
Р2

Вячеслав Алексеевич Назаров

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ

Редактор **О. Завьялова**

Художник **А. Семенов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректор **В. Назарова**

Сдано в набор 06.08.84. Подписано в печать 15.03.85. А00694.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Усл. кр.-
отт. 8,75. Учетно-изд. л. 8,7. Тираж 100 000 экз. Цена 60 коп.
Заказ 1256.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

**В 1984 году
в издательстве «Молодая гвардия»
вышли в свет книги серии
«БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»:**

З. Максимов. Остров «Его Величества»

А. Дмитрук. Ночь молодого месяца

А. Тесленко. Испытание добром

З. Юрьев. Часы без пружины

Л. Хачатурьянц, Е. Хрунов. На астеронде

Г. Шах. Нет повести печальнее на свете

**Сборник научно-фантастических повестей и рассказов
«Остров пурпурной ящерицы»**

В 1985 году
в издательстве «Молодая гвардия»
выходят в свет книги серии
«БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»:

Д. Биленкин. Пустыня жизни
Е. Гуляковский. Долгий восход на Энне
Г. Гуревич. В зените
В. Колупаев. Билет в детство
Б. Лапин. Первый шаг
В. Назаров. Зеленые двери Земли
Х. Шайхов. В тот необычный день
Ю. Никитин. По законам природы
В. Щербаков. Чаша бурь

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

60 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

